АЛТАЙСКАЯ КРАЕВАЯ УНИВЕРСАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА ИМ. В.Я. ШИШКОВА

Избранные страницы

Клубу любителей алтайской старины 15 лет ББК 63.3(2р537) И328

Составители: Н.В. Воробьева, В.П. Кладова, Е.А. Челяева

Ответственный за выпуск Т.И. Чертова

Редактор А.М. Родионов

Оформление титульного листа А.Л. Кальмуцкий

И328 Избранные страницы: Клубу любителей алтайской старины 15 лет: [сборник] / Алт. краев. универс. науч. б-ка им. В.Я. Шишкова; ред. А.М. Родионов; сост. Н.В. Воробьева, В.П. Кладова, Е.А. Челяева. – Барнаул: РИО АКУНБ, 2004. – 152 с.

Сборник подготовлен на основе докладов членов Клуба любителей алтайской старины за период 1989-2001 гг. Адресован преподавателям вузов, колледжей, школ, библиотекарям, студентам, краеведам, всем тем, кто интересуется вопросами регионального краеведения.

© Алтайская краевая универсальная научная библиотека им. В.Я. Шишкова

ПРОВЕРКА НА ВЕЧНОСТЬ

Вокруг старых книг существует магнитное поле потаенности, способное не просто притягивать и вовлекать в свое пространство души, страждущие соединить прошлое и настоящее. Вокруг старых, а стало быть, редких книг и люди неординарные клубятся, как некое интеллектуальное облако, способное не просто блуждать по белу свету или растворяться в повседневности библиотеки, но в какой-то день, в какой-то час вдруг разразиться плодотворным дождем познания. Познания не дальних заморских земель, а своих окрестных, ближних, родных. И вот тут-то и необходимо сказать о втором облаке, облаке-предшественнике, витающем над родной землей, которая сама по себе так землей и оставалась бы, когда бы ни жили на ней до нас люди деятельные и сметливые. Пусть даже и нет их давно, пусть ушли они в мир иной.

Соединив два означенных облака, я и подступил вплотную к замыслу создания Клуба любителей алтайской старины в Алтайской краевой универсальной научной библиотеке им. В.Я. Шишкова, при отделе редких книг.

Первый «дождь» прошел в начале зимы 1989 г., если мне не изменяет память. Первый и постоянно действующий секретарь клуба Валентина Петровна Кладова «подушно» переписала всех любителей старины и заседание по теме «Старый Барнаул» состоялось.

Тогда же и определился основной вектор деятельности клуба — вести разговор о тех людях, чьими судьбами освещено прошлое Алтая. И основной мотив — да, эти люди являют собой прошлое, но коль о них вспоминают, то, значит, они прошли своеобразную проверку на вечность.

Теперь должен я осторожно оговориться насчет одного коварного слова в названии клуба — «любители». Слово это в наши дни приобрело оттенок чего-то непрофессионального, неопытного, даже приблизительного. К счастью, в нашем случае слово «любители» было защищено от вторичных смыслов и оно отражало истинную, любовную страсть людей к познанию не очень далекого прошлого нашей земли.

Искать подтверждений — нет надобности. Подтверждения — в людях. Давайте окинем, пусть и неподробным взглядом (пятнадцать лет в одну страничку «вогнать» трудно!), имена тех, кто выступал с докладами на заседаниях клуба: Константин Никифорович Метельницкий — в конце 80-х гг. заведовал отделом досоветской истории краевого краеведческого музея, знаток не только фондовых, но и частных коллекций старины; Яков Егорович Кривоносов — археограф Центра хранения архивного фонда Алтайского края, автор множест-

ва публикаций по истории Алтая; Алексей Дмитриевич Сергеев – кандидат исторических наук, большой знаток подробностей горного дела на Алтае; Василий Федорович Гришаев – научно нетитулованный, но обогащенный долголетней работой в архивах, исследователь судеб алтайского горного офицерства, автор нескольких книг; Вениамин Михайлович Чекалин – кандидат геолого-минералогических наук, заслуженный геолог России; Людмила Михайловна Остертаг – основатель и руководитель литературно-краеведческого музея школы № 27. Какую-то особенную уверенность и запас не мимолетной любви к истории Барнаула придавал заседаниям клуба своим смиренным, обеспеченным судьбой присутствием Сергей Иванович Пирогов. Какое же здесь «любительство», если он, не напрягаясь, не роясь в памяти, мог рассказать историю не только того или иного дома, но и назвать его жильцов 60-70-летней давности. А если заходил разговор о юных годах, то Сергей Иванович мог вспоминать – в какую библиотеку и с кем ходил молодой барнаулец Сергей Залыгин, как вел уроки рисования Сергей Митрофанович Розе, в конце концов мог и вспомнить – сколько хлеба можно было получить на лесозаводе Козлова за бричку серебросодержащих шлаков Барнаульской плавильной фабрики – шлак для извлечения серебра переправляли в Новосибирск, а барнаульцы в 30-е годы кормились тем, что недоплавил XIX в. С участием фотографа Пирогова вышли почти все книги по искусству. Не было такого художника в Барнауле и на Алтае, которого бы не знал Сергей Иванович. Светлая ему память.

...Мне почему-то среди полусотни проведенных заседаний, запомнилось всего несколько, а особенно те, что были посвящены судьбе коменданта Бийской крепости А. Скалона. К этому имени, пожалуй, подталкивало то обстоятельство, что в Барнауле жил и работал Александр Васильевич Скалон. При встрече я спрашивал его — не родственник ли он тому Скалону, памятник которому мне довелось увидеть подле стены Смоленского Кремля. Там покоится тело героя Великой войны 1812 г., которого великий враг Наполеон распорядился похоронить со всеми воинскими почестями. «...Родственник, но не прямой — отвечал мне наш барнаульский Скалон. — Это сын бийского Скалона». «А есть ли прямые потомки тех Скалонов?» — не унимался я. «Есть, — уверенно отвечал Александр Васильевич — Николай Романович Скалон. Живет в Алма-Ате. Филолог».

И вот представьте себе: идет заседание клуба. В кресле Скалон — барнаульский, рядом в кресле Скалон — алма-атинский. Вспоминают родословную до 4-5 колена. Дальше, глубже — мрак истории. И тут в разговор вступает бийский историк Сергей Исупов... И, благодаря

уверенным словам его, история рода Скалонов продолжается, длится, погружается вглубь средневековья! Оба живых Скалона зачарованно слушают Исупова. Они это слышат впервые! В зале — все участники заседания — тоже впервые это слышат. И на заседании том слушателей и участников было плотно, как семечек в подсолнухе. Это был настоящий пир памяти!

Вот и пожелаем клубу, чтобы и следующие пятнадцать лет своего бытования «плотность» его участников не уступала плотности подсолнечных зерен, способных созреть и пасть в благодатную почву памяти и знания.

А. Родионов, президент Клуба

В.П. Кладова

ХРОНИКА

У краеведения есть одна очень важная особенность, которую отмечал Д.С. Лихачев: «у него нет двух уровней: для специалистов и для широкой публики. ...Краеведение учит любить не только свои родные места, но учит знанию о них, приучает интересоваться историей, искусством, литературой, повышать свой культурный уровень». Здесь особое место занимает библиотечное краеведение. Именно библиотека становится центром притяжения всех краеведческих сил города и края. Поэтому именно здесь по инициативе писателя А.М. Родионова и при поддержке группы краеведов и заместителя директора библиотеки Л.Г. Койновой при отделе редких книг в конце 1989 г. был создан Клуб любителей алтайской старины. Его постоянными членами стали писатели, архитекторы, художники, краеведы, ученые, преподаватели вузов, сотрудники музеев, библиотек, архивов города и края, учителя школ, студенты и школьники.

Алтай — один из прекраснейших уголков России. Не только самобытность природы, но и богатые культурные традиции отличают его: традиции исторические и общественные, литературные и культурные. В истории края много замечательных страниц. Так уж повелось, что на заседаниях клуба перелистываются эти страницы, вспоминаются имена людей, живших и творивших здесь в XVIII-XX вв. Речь идет о писателях и художниках, ученых и общественных деятелях, просто об интересных людях, живших в городе и крае в разное время.

1989 октябрь 19

Состоялось организационное собрание членов Клуба любителей алтайской старины, на котором президентом клуба избран писатель А.М. Родионов.

1989 декабрь 21

Первое заседание клуба прошло по теме: «Старый Барнаул». С интереснейшими сообщениями, стихами, слайдами о Барнауле выступили писатель М.И. Юдалевич, поэт Г.П. Панов, сотрудник краеведческого музея К.Н. Метельницкий.

1990 январь 18

Заседание клуба посвящено было Василию Константиновичу Штильке и Народному дому в Барнауле. С сообщением выступил писатель-краевед В.Ф. Гришаев.

1990 февраль 15

«Алтайское купечество» – так звучала тема очередного заседания клуба, которое проводил преподаватель АГИК, кандидат исторических наук А.В. Старцев.

1990 март 15

«Фамилия Скалонов в истории России и Алтая». Более 60 человек собралось в этот день в библиотеке, чтобы послушать сообщение, с которым выступил преподаватель Бийского педагогического института С.И. Исупов. На заседание были приглашены потомки древнего рода Скалонов: Н.Р. Скалон, профессор КазГУ (г. Алма-Ата) и А.В. Скалон, научный сотрудник института экологии и водных проблем (г. Барнаул).

1990 апрель 18

С сообщением об Обществе любителей исследования Алтая, а также об артели «Краевед» на заседании клуба выступил В.Ф. Гришаев. Член клуба, преподаватель АГУ Т.М. Степанская внесла предложение о создании клубного рукописного и машинописного журнала и «опубликовании» в нем материалов заседаний.

1990 май 16

Члены клуба на своем заседании встретились с делегатами Всероссийского съезда краеведов, проходившего 25 апреля в г. Челябинске — В.Ф. Гришаевым и А.В. Добриковой. На этом заседании была впервые озвучена мысль о возрождении «Алтайского сборника», как печатного органа Алтайской краевой краеведческой ассоциации.

1990 сентябрь 27

После летних каникул клуб возобновил свою работу. Заседание открыл заведующий архивным отделом крайисполкома В.С. Петренко, сделавший сообщение «Дело барнаульских врачей. Судьба отца и сына Велижаниных», которое было посвящено малоизвестной странице истории репрессий 30-х гг. на Алтае.

1990 октябрь 25

Жизни и творчеству бытописателя сибирской деревни Г.Д. Гребенщикова посвящено очередное заседание клуба. С сообщением выступил потомок писателя, барнаульский литератор И.Ф. Юровский, познакомивший присутствующих с богатым семейным фотоархивом.

1990 ноябрь 29

Заседание клуба проходило в Музее изобразительных искусств и посвящено было художнику Г.И. Гуркину и его творчеству. Заседание провела сотрудник музея И.К. Галкина.

1990 декабрь 27

Житель г. Барнаула, краевед Г.М. Кузнецов выступил с темой «Легенды Горного Алтая». Вниманию присутствующих были представлены легенды, собранные Григорием Михайловичем в его поездках по Горному Алтаю. Это выступление дополнил Б.Х. Кадиков, краевед из г. Бийска.

1991 январь 11

Члены клуба совместно с сотрудниками краеведческого музея приняли участие в театрализованном представлении «Русские Святки», проходившем в музее.

1991 февраль 28

С сообщением «Листая страницы архивов» выступил член клуба, краевед В.В. Ворожбитов. Он остановился на проблеме практического применения материалов ГААК в своей краеведческой работе.

1991 март 12

С членами клуба встретился директор краеведческого музея р.п. Волчиха В.Д. Комаров. Рассказал о музее, его коллекциях, а также о научно-исследовательской работе сотрудников музея.

1991 апрель 25

С сообщением об участии в Демидовских чтениях, проходивших в г. Свердловске в марте 1991 г., а также о роде Демидовых выступил президент клуба А.М. Родионов. Члены клуба предложили обратиться в исполком горсовета с просьбой о восстановлении текста досок на Демидовском столбе, которые были сняты с него в 30-е гг.

1992 январь 11

На заседании присутствующим были показаны видеопрограммы преподавателя культпросветучилища А.А. Познякова «Святки на Алтае» и «Праздник Троицы».

1992 октябрь 15

Об одном довольно интересном факте благотворительности, а также интересном книжном собрании жителя Барнаула И.И. Казаринова шел разговор на заседании клуба. С сообщением выступила В.П. Кладова, заведующая отделом редких книг АКУНБ, секретарь клуба.

1992 декабрь 23

«Памятники мировой культуры на Алтае. Наскальные рисунки в горах Алтая». Так звучала тема заседания, на котором выступили заместитель директора Бийского краеведческого музея им. В.В. Бианки – Б.Х. Кадиков и А.А. Позняков, преподаватель АКПУ. На заседании был показан снятый Позняковым видеофильм о научной экспедиции в Горный Алтай.

1993 март 5

Тема «Рассекреченные документы в фондах Государственного архива Алтайского края» привлекла внимание большого числа людей, интересующихся историей края. Присутствовали сотрудники музеев, библиотек, краеведы 46 архивов края. Их вниманию были представлены сообщения научных сотрудников ГААК А.А. Колесникова и Я.Е. Кривоносова. Выставка документов госархива, которые до недавнего времени хранились под грифом «секретно», имела большой успех у присутствующих.

1993 июнь 10

С сообщением о «Поземельном устройстве казачества на Алтае» выступил краевед В.Н. Кислицын. Присутствовали на заседании атаман Алтайского казачества Ю. Белозерцев и его помощник А. Останин. Перед членами клуба и гостями выступил фольклорный ансамбль, исполнивший казацкие песни.

1993 октябрь ⁸

120-летию со дня рождения В.Я. Шишкова посвящено заседание клуба, с сообщением на котором выступил научный сотрудник Государственного музея истории литературы и культуры Алтая (ГМИЛИКА) А.А. Бочкарев. Актриса драмтеатра Царинина прочла присутствующим рассказы Шишкова.

1994 январь 17

Члены клуба приняли участие в праздновании дня рождения краевого краеведческого музея (АККМ), которому исполнилось 170 лет. Член клуба, заместитель директора музея О.В. Падалкина рассказала присутствующим об истории создания музея, о его деятельности, об интересных людях, работавших в музее в разное время. На заседании помимо членов клуба присутствовали старейшие работники музея, студенты, школьники города.

1994 апрель 17

С интересным сообщением по теме: «Интеллигенция Барнаула XIX — начала XX века» выступил писатель-краевед В.Ф. Гришаев. Заседание клуба проходило в выставочном зале библиотеки, где в это время работала большая выставка «Второе духовное сословие».

1994 декабрь 29

«Наследие алтайских инженеров». Заседание посвящено 230-летию библиотеки Колывано-Воскресенских заводов, одной из первых технических библиотек Сибири. С сообщением выступили научный сотрудник ГААК Я.Е. Кривоносов и заведующая отделом редких книг АКУНБ В.П. Кладова.

1995 октябрь 16

Заседание было посвящено Обществу попечения о начальном образовании в Барнауле. С сообщением выступил писатель-краевед В.Ф. Гришаев.

1995 декабрь 22

Жизни и творчеству П.А. Казанского было посвящено сообщение писателя-краеведа В.Ф. Гришаева, сделанное на заседании клуба.

1996 май 20

Геральдические чтения «Гербу Барнаула — 150 лет». На заседании выступили преподаватели БГПУ: Ю.П. Телегин, В.Б. Бородаев и А.В. Контев. Перед присутствующими, среди которых были заместитель главы администрации г. Барнаула Н.П. Черепанов, заведующая городским отделом культуры г. Барнаула Н.Н. Вильчик, преподаватели и студенты института культуры, учащиеся школы гидов и другие, выступил ансамбль русских народных инструментов «Руснари», под руководством доцента АГИИК Ю.А. Крамаря.

1996 ноябрь 4

На очередном заседании клуба, посвященном 100-летию со дня рождения писателя-натуралиста М.Д. Зверева, выступила руководитель литературно-краеведческого музея школы № 27 г. Барнаула Л.М. Остертаг. Вниманию участников были представлены документальные материалы из фондов музея.

1996 декабрь 10

Заседание клуба было посвящено одному из интереснейших людей – М.О. Курскому, литератору, участнику революционного движения с 1883 г., учителю, библиотекарю. С сообщением выступил В.Ф. Гришаев, долгие годы собиравший материалы об этом удивительном человеке.

1997 февраль 27

«Барнаул. Год 1917». На заседании присутствующие узнали, что основным, самым трагическим событием года был... пожар 2 мая, уничтоживший лучшую часть города. В этот же год в Барнауле свершилось две революции и не прозвучало ни одного выстрела. С сообщениями выступили преподаватель АГУ Ю.С. Дьяченко, сотрудник краевого архива Я.Е. Кривоносов, руководитель литературно-краеведческого музея школы № 27 г. Барнаула Л.М. Остертаг. В заседании приняли участие сотрудники краевого архива, краеведческого музея, преподаватели вузов и школ города, краеведы.

1997 март 27

«А.О. Никулин – певец алтайских буреломов и цветущих садов». Заседание посвящено алтайскому художнику А.О. Никулину. С сообщением о жизни и творчестве художника выступила директор ГХМ АК И.К. Галкина.

1997 сентябрь 18

Заседание клуба на тему «Прошлое и настоящее геологии Алтая» было посвящено 60-летию Алтайского края. С сообщением «Минерально-сырьевая база Алтая за 60 лет» выступил В.М. Чекалин, кандидат геологоминералогических наук, лауреат Государственной премии. В обсуждении темы приняли участие профессор Томского и Алтайского университетов А.М. Малолетко, преподаватели АГУ Б.Н. Лузин, Г.Я. Барышников и др.

1998 январь 8

«Из истории музыкальной культуры Барнаула XIX – начала XX вв.»

О музыкальной жизни города на рубеже веков рассказал доцент кафедры народных инструментов и хорового дирижирования АГИИК В.А. Виноградов. О музыкальной деятельности А.И. Марцинковского в Барнауле сообщил В.Ф. Гришаев. О народной консерватории в Барнауле рассказала преподаватель АГСХУ С.В. Нестерова, о гастролях в Барнауле в конце XIX – начале XX вв. сообщил музыкант, заслуженный работник культуры В.М. Бубнович, о барнаульском композиторесамородке Семене Шаронове сообщила руководитель литературно-краеведческого музея школы № 27 Л.М. Остертаг. В заседании клуба приняли участие сотрудник ГМИЛИКА музыковед М.Т. Стюхин, а также Русский камерный оркестр г. Барнаула, под руководством А.И. Кузнецова.

1998 февраль 26

110-летию Алтайской краевой универсальной научной библиотеки им. В.Я Шишкова было посвящено очередное заседание клуба. Об истории старейшей в крае библиотеки собравшимся рассказали сотрудники библиотеки: Н.Г. Ткаченко, Л.В. Фарафонова, О.Н. Колбашева, Е.А. Мазурикова, В.П. Кладова. Своими воспоминаниями о сотрудничестве с библиотекой в разные годы поделился сотрудник ЦХАФ АК Я.Е. Кривоносов. Перед собравшимися с поздравлением выступил солист Русского камерного оркестра г. Барнаула Олег Васильев (гусли).

1998 март 17

«Театральная жизнь Барнаула конца XIX – начала XX века», так звучала тема очередного заседания клуба, на котором с сообщением выступила научный сотрудник ГМИЛИКА И.Н. Свободная. В заседании клуба приняла участие солистка театра музыкальной комедии В. Литвина.

1998 декабрь 23

Заседание клуба было посвящено С.П. Швецову, публицисту, общественному деятелю, исследователю Алтая. С сообщением выступил сотрудник ЦХАФ АК А.А. Колесников.

1999 март 11

Тема очередного заседания — «Храмы Барнаула». С сообщениями выступили главный археограф ЦХАФ АК Я.Е. Кривоносов и архивариус Барнаульской епархии Т.В. Скворцова.

1999 май 25

Заседание клуба было посвящено 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина – «Эхо А.С. Пушкина на Алтае». С сообщениями выступили: К.Н. Метельницкий «История улицы им. А.С. Пушкина», Л.М. Остертаг – о праздновании в Барнауле 100-летия со дня рождения А.С. Пушкина, Я.Е. Кривоносов – о праздновании юбилея поэта в других городах Алтая.

1999 октябрь 26

Заседание клуба было посвящено горному инженеру, лауреату Демидовской премии 1844 г. А.И. Узатису (1814-1875). С сообщением выступил кандидат исторических наук А.Д. Сергеев. Вниманию присутствующих были представлены две выставки: одна из них посвящена деятельности А.И. Узатиса на Алтае: а другая — «Фотолетопись клуба» — 10-летнему юбилею клуба.

Были вручены Дипломы почетных членов клуба Я.Е. Кривоносову, В.Ф. Гришаеву и Л.М. Остертаг за многократные выступления на заседаниях клуба, а также Диплом Члена-ревнителя – директору библиотеки Л.Г. Койновой за постоянную финансовую поддержку клуба.

2000 февраль 2

Заседание проходило в ГМИИ на выставке «Эпоха в лицах», на которой были представлены портреты алтайских художников XX в. С членами клуба встретились художники П.Д. Джура, И.С. Хайрулинов, Б.Г. Босько, А.В. Арестов, Л.Р. Цесюлевич, И.М. Мамонтов, скульптор А.П. Ручьев, работы которых представлены на выставке.

2000 март 29

На заседании клуба прошла встреча с автором книги «Слово об И.И. Ползунове» А.Д. Сергеевым. На презентации книги присутствовали преподаватели вузов, музейные работники, архивисты, учителя школ, студенты, краеведы.

2000 апрель 27

Очередное заседание клуба было посвящено истории создания краеведческих календарей «Страницы истории Алтая» и «Барнаульский хронограф». С сообщением перед присутствующими выступила заведующая отделом краеведения АКУНБ В.С. Олейник.

2000 май 31

В ГМИИ состоялось выездное заседание клуба. В одном из залов музея члены клуба встретились с художником И.С. Хайрулиновым и его картинами, посвященными Великой Отечественной войне. Во встрече приняли участие художники Ф.А. Филонов и В.А. Зотеев.

2000 декабрь 21

«Демократ по убеждениям, дворянин по происхождению». Заседание было посвящено 150-летию со дня рождения В.К. Штильке — учителя, общественного деятеля г. Барнаула XIX в., основателя и первого библиотекаря Барнаульской городской общественной библиотеки (ныне АКУНБ — авт.). Художник И.М. Мамонтов передал библиотеке портрет В.К. Штильке.

2001 февраль 21

На заседании клуба состоялась премьера первого учебного краеведческого фильма «Русский изобретатель И.И. Ползунов».

Учителя истории барнаульских школ, преподаватели и студенты вузов, краеведы одними из первых увидели фильм о нашем знаменитом земляке, встретились с создателями фильма — кандидатом исторических наук А.Д. Сергеевым и сотрудниками краевого учебно-прокатного центра Комитета по образованию администрации Алтайского края О.Е. Захаровой, Е.Б. Заниной и В.Н. Золотухиным.

2001 апрель 5

Встреча с почетным членом Алтайского отделения международного Демидовского фонда, фотографом С.И. Пироговым состоялась в ГХМ АК, на выставке «Фотографии из альбома», посвященной 60-летию его творческой деятельности. С.И. Пирогов прожил в г. Барнауле 80 лет, помнит его в разное время, встречался со многими интересными людьми. Их он и постарался запечатлеть на своих фотографиях, о них и шел разговор на заседании клуба. (В июле 2000 г. С.И. Пирогов умер).

2001 апрель 23

На очередном заседании клуба по теме «Алтайский сборник» – вторая жизнь» состоялась презентация XX выпуска сборника.

Событие это собрало в библиотеке не только краеведов, но и ученых, преподавателей, аспирантов и студентов вузов, учителей города, сотрудников музеев, архива, библиотек.

2001 декабрь

«История пожаров и пожарного дела в Барнауле» – тема выездного заседания клуба, которое прошло в помещении Алтайской краевой пожарно-технической выставки (ул. Интернациональная, 58). С сообщениями выступили ученик 11-го класса школы № 112 г. Барнаула С. Андрейчук и экскурсовод ПТВ О.Н. Шершнева. На заседании присутствовали сотрудники районных и сельских библиотек края, работники пожарной охраны УВД г. Барнаула, краеведы, журналисты.

2002 апрель 17

Члены клуба приняли участие в вечере памяти алтайского художника М. Жеребцова, посетили выставку его картин в ГХМ АК «Лирический пейзаж М. Жеребцова».

2002 июль 16

В ЦХАФ АК прошло очередное заседание клуба, посвященное памяти барнаульского фотохудожника С.И. Пирогова. Состоялась презентация выставки, организованной ЦХАФ АК, АКУНБ и ГХМ АК были представлены фотографии из личного фонда Сергея Ивановича, книги, альбомы и каталоги выставок, в издании которых он принимал участие. На заседании присутствовали родственники С.И. Пирогова, художники, краеведы, журналисты.

2003 февраль 19

«Барнаульский полк: штрихи истории».

Преподаватель АлтГТУ, кандидат исторических наук, подполковник Н.Д. Ростов поведал присутствующим историю из жизни полка, о его участии в русско-японской войне. В заседании приняли участие учителя барнаульских школ и молодые исследователи А.А. Кривощеков и Д.В. Марьин, которые давно занимаются изучением истории этого полка. В результате присутствующие узнали много интересного о судьбе полка и о его командире С.Ф. Добротине, об участии полка в разных военных компаниях, его победах и поражениях.

2003 май 29

«Алтайская духовная миссия и алтайские миссионеры: воспоминания о былом».

Вниманию присутствующих членов и гостей клуба было представлено сообщение иерея одной из барнаульских церквей о. Георгия (Ю.А. Крейдуна) об истории организации и деятельности Алтайской духовной миссии.

Большой интерес у присутствующих вызвала выставка-просмотр материалов из фонда АКУНБ и личного архива о. Георгия.

2003 декабрь 18

«Из истории становления медицины на Алтае» – так звучала тема очередного заседания клуба. С сообщением по теме выступил кандидат исторических наук, преподаватель БГПУ А.В. Контев. Перед присутствующими выступил также главный врач городской больницы г. Рубцовска, основатель музея истории медицины И.Г. Беккер.

Вниманию присутствующих были предложены интересные экспонаты музея, а также выставка редких книг из фонда АКУНБ по истории медицины Алтая. На ней были представлены книги из личной библиотеки врача Алтайского округа И.И. Казаринова (1833-1902), которая хранится в отделе редких книг.

2004 март 31

Заседание клуба посвящено 170-летию со дня рождения А.А. Черкасова (1834-1895), горного инженера, прослужившего в Алтайском горном округе с 1871 по 1890 гг., автора мемуарных записок «На Алтае». С 1885 по 1890 гг. А.А. Черкасов избирался на должность городского головы г. Барнаула. На заседании клуба состоялась премьера книги «На Алтае», вышедшей в марте 2004 г. в библиотеке журнала «Алтай».

С сообщениями выступили писатель, краевед В.Ф. Гришаев, и главный редактор журнала «Алтай», писатель С.В. Вторушин.

Вниманию присутствующих была представлена выставка редких книг из фондов библиотеки.

2004 апрель 21

«Г.Д. Гребенщиков и Общество возрождения истории литературы Сибири». Так звучала тема очередного заседания, проходившего в рамках международной научнопрактической конференции, посвященной 122-летию со дня рождения Г.Д. Гребенщикова. Члены клуба и гости встретились с интереснейшим человеком, жителем г. Барнаула А.Б. Фирсовым, который много лет своей жизни посвятил собиранию наследия писателя, а также сведений о нем. На выставке редких книг, представленной вниманию участников заседания, можно было познакомиться с собранием сочинений Гребенщикова, изданным и подаренным АКУНБ А.Б. Фирсовым.

2004 июнь 22

Выездное заседание клуба, посвященное 115-летней годовщине со дня рождения сибирского писателя Глеба Михайловича Пушкарева (1889-1961), состоялось в ЦХАФ АК. С интересными сообщениями выступили родственник писателя В.В. Кокшенев и Л.М. Остертаг. Вниманию присутствующих была представлена большая выставка-просмотр документов, фотографий, книг из фондов ЦХАФ АК, АКУНБ и литературно-краеведческого музея школы № 27 г. Барнаула.

В.В. Кокшенев подарил библиотеке 46 книг из библиотеки писателя, которые хранились после его смерти в личных библиотеках родственников писателя.

С.И. Исупов

Потомки крестоносцев в Бийской крепости или судьба героя 1812 года

Иногда летопись истории города, заполненная сухой цифирью статистики и конкретикой фактов, то есть, в общем-то, повседневной обыденностью, вдруг расцвечивается такими яркими и загадочными сюжетами, которым бы позавидовали самые знаменитые романы авантюрного жанра. Особенно изобилует ими прошлое Бийска XVIII-XIX вв.

Действительно ли у слияния Бии и Катуни стоял знаменитый идол сибирских языческих племен, известный русским землепроходцам как «Золотая баба»? Правда ли, что до сих пор под улицей Советской сокрыта целая система подземных ходов, оставшихся со времен Бийской крепости? Неужели сосланный сюда в 30-е гг. XIX в. мичман Морского гвардейского экипажа Петр Соболевский на самом деле был одним из незаконнорожденных сыновей императора Николая I? Таких увлекательных, запутанных сюжетов в прошлом нашего города (в прошлом, конечно провинциальном, но не сером и скучном) наберется не меньше десятка. Один из них повествует об удивительной судьбе старинного французского дворянского рода, чья история самым тесным образом связана с историей нашего города.

В тот вечер окошко приходского домика крепостной Петропавловской церкви долго мигало в осенние сумерки огоньком свечи. Верный своей многолетней привычке, священник Стефан Удинцов подробно записывал в «поминальник» все особенное, произошедшее в Бийске за день минувший. Среди прочих событий первым он отметил, что «сентября 6 дня нынешнего 767 году, семейство драгунского полковника Антона Данилова Скалона прибавку имеет щастливым рождением сына ево, нареченного по отцу АНТОНОМ же...»

Так в казенном «воинском апартаменте» далекой сибирской крепости появился на свет еще один потомок старинного французского дворянского рода. Согласно фамильной легенде, корни его уходят в темные века раннего средневековья, во времена первых крестовых походов. В 1098 г., при штурме арабской крепости Аскалон, что в Палестине, более других отличился незнатный ратник, первым пробившийся на крепостную стену. За это граф Готфрид Бульонский пожаловал его золотыми шпорами и дворянским титулом, повелев именоваться впредь де Скалоном. Геральдическими знаками герба нового дворянского рода стали лилии и мечи – символы душевной чистоты и воинской доблести.

На русской воинской службе Скалоны появляются, видимо, в конце царствования Алексея Михайловича, в начале 70-х гг. XVII в. Отныне рыцарский род «лилий и мечей», не утративший ни честности, ни доблести, начинает ратную службу новой Отчизне. В штатных расписаниях российского офицерского корпуса армии Петра Великого за 1710 г. числились Степан и Даниил Скалоны. Степан имел чин инженеркапитана и служил в Московском арсенале. Даниил, поступивший на военную службу в звании унтер-офицера, продолжил ее в Коллегии иностранных дел, затем состоял флигель-адъютантом генералфельмаршала князя И.Ю. Трубецкого. Перед выходом в отставку имел чин полковника Киевского драгунского полка. Его сын Антон Даниилович военную карьеру начинает пажом при ландграфе Генне-Гамбургском, затем, уже обер-офицером, участвует в Крымских походах фельдмаршалов Ласси и Миниха, а первое штаб-офицерское звание майора и первый орден Святого Равноапостольного Георгия Победоносца 4-го класса получает во время Семилетней войны.

В начале царствования Екатерины II начинается сибирский этап его военной биографии. В 1765 г. он командовал одним из драгунских полков, дислоцирующихся на южносибирской пограничной линии, а годом позже был назначен командиром драгунской бригады, состоявшей из Луцкого, Суздальского и Вологодского полков и расквартированной в Бийской крепости. Сибирские драгуны тогда считались одними из сильнейших в линейной кавалерии империи и именовались «кавалерией высшего ранга российских провинций».

«Звездным часом» в судьбе драгунского командира, к этому времени уже получившего чин генерал-майора, стал 1774 г. По приказу командующего сибирскими войсками генерал-поручика И.А. Деколонга он организует вооруженную борьбу с пытающимися прорваться в Западную Сибирь отрядами пугачевцев и наносит им ряд тяжелых поражений в уральских провинциях.

За «усмирение Пугачевского бунта» драгунский генерал в 1775 г. был пожалован орденом Святой Анны I класса, а восьмилетний сын Антон

был зачислен рядовым в роту лейб-гвардии Преображенского полка, где капитаном состоял сам наследник – цесаревич Павел. Запомните эту дату - год, когда впервые пересеклись судьбы будущего героя 1812 г. и будущего императора. Еще через год А.Д. Скалон становится командующим всеми войсками сибирских провинций, затем следует производство его в чин генерал-поручика. Как свидетельствуют современники, на новом посту он показал себя талантливым военным администратором и «тщился более о принесении краю мирных польз от устроения хлебопашества и торговли». Думаю, что это соответствует истине. Оставаясь боевым кавалерийским генералом, А.Д. Скалон заботился и об установлении мирных, взаимовыгодных отношений с местными народами, и о хозяйственном освоении пограничных районов юга Западной Сибири. Еще в 1774 г. он составил первый в России русско-киргизский словарь-разговорник, а в 1776 г. его стараниями по всем крепостям укрепленных линий проведены первые опыты пчеловодства. Умер А.Д. Скалон в 1777 г. во время инспекторской поездки в Усть-Каменогорскую крепость, где и был погребен.

Тем временем его сын делает первые шаги по ступеням лестницы военной карьеры. Архивные документы донесли до нас каждый этап этого восхождения. Держу в руках фотокопию послужного списка, сохранившегося в коллекциях офицерских и генеральских формуляров Российского Государственного военно-исторического архива. Два листа плотной «мануфактурной» бумаги желтоватого цвета начала XIX в., повоенному лаконичные строки, рапортующие о судьбе российского офицера. О судьбе и типичной, и уникальной, во многом еще загадочной.

Итак, «Антон, Антонов сын Скалон. Шеф Иркутского драгунского полку, генерал-майор и орденов Святаго Великомученика и Победоносца Георгия 4-го класса, Святаго Равноапостольного князя Владимира 3-ей степени, Святой Анны 2-го и 3-го классов кавалер; лет от роду 45». Этот формуляр был заполнен незадолго до начала войны 1812 г., хотя последние строки в него записали уже в 1813 г., когда стали известны все обстоятельства гибели генерала. С момента зачисления восьмилетнего недоросля в лейб-гвардии Преображенский полк до начала царствования Павла I в его военной судьбе все скорее типично, нежели особенно. В 1783 г. шестнадцатилетний Скалон получает офицерский чин поручика в Сибирском драгунском полку, через три года он – капитан, спустя еще семь – майор. Повышение в офицерских чинах достаточно быстрое для дворянина и генеральского сына, но не феерическое. А вот с 1798 г. его карьера прямо-таки взрывается фейерверком чинов и монарших милостей от нового императора. В 1800 г.

он уже шеф Иркутского драгунского полка и генерал-майор, а затем и генерал-инспектор всей кавалерии Сибирского корпуса!

В чем же секрет головокружительной карьеры провинциального драгунского офицера? Я думаю, прежде всего, в его личных человеческих качествах и военно-организаторских способностях. Да, император Павел I был монархом неоднозначным и личностью крайне противоречивой. Трактовки его недолгого царствования многообразны и подчас полярны: от «реакционного контрреформатора» до «последнего рыцаря на троне» и «венценосного Дон Кихота». Думаю, более близка к истине оценка современного исследователя Н. Эйдельмана, блестящего знатока российской империи XVIII-XIX вв. Оценивая недолгое царствование Павла I, он писал, что его правление вызвало всеобщее недовольство дворянства, интересы которого были сильно ущемлены восстановлением обязательной службы, введением для них массы стеснений и ограничений. В то же время император издает ряд указов, облегчавших положение крестьян и солдат. По примеру Петра Великого, Павел начинает ожесточенную борьбу (впрочем, традиционно малоуспешную) с казнокрадством, взяточничеством и беззаконием, царившими в гражданских ведомствах и армии. В 1798 г. уполномоченные и проинструктированные лично Павлом офицеры-инспекторы провели тщательную проверку всех войск Сибирского корпуса. Познакомившись с результатами инспекции, император был взбешен злоупотреблениями полковых и иных командиров, их жестоким обращением с нижними чинами. После проверки очень многие обер, штаб-офицеры и даже генералы не только были отставлены от службы без права ношения мундира и пенсий, но и преданы суду. Вот факты. Подполковник гарнизонного полка сибирского города Тара Самарин за жестокое обращение с солдатами и «за разные по службе злоупотребления исключается из службы с лишением чинов и отсылается под суд». В 1799 г. за казнокрадство и «обращение в пьянство» уволены из армии и «отданы под военный суд» еще 12 обер и штаб-офицеров Сибирского корпуса.

На этом фоне резко выделяется Иркутский драгунский полк подполковника Скалона. За «ревностное служение и содержание полка в отменном состоянии» он получает чин полковника и назначается командиром драгунской бригады. В 1800 г. А.А. Скалон побывал в Петербурге, где после официального представления императору по случаю пожалования генерал-майорского чина имел с Павлом долгую, доверительную беседу. По свидетельствам очевидцев, монарх был весьма благосклонен к генералу, удостоил его чести разделить с ним обеденную трапезу и, представляя своему ближайшему окружению и семье, воскликнул: «Вот мой сибирский Скалон!» Доверие императора к Скалону было столь велико, что, узнав о якобы созревшем заговоре своих сыновей, подготовил указ о заключении Александра в Петропавловскую крепость и ссылке Константина в Иркутский драгунский полк под личный надзор преданного генерала. Затем последовали трагические события 11 марта 1801 г. В ту ночь офицеры столичных гвардейских полков запятнали себя убийством законного российского монарха, большинство современников назвали этот очередной дворцовый переворот «кровавым злодейством».

Вскоре после переворота новый император Александр I подписал прошение генерал-майора А.А. Скалона об отставке, наложив резолюцию: «С почетным правом ношения мундира, но без пенсиона». Партикулярная, штатская жизнь отставного драгунского командира продолжалась до весны 1806 г. В это время Россия, ведущая войну с рожденной гением Наполеона Французской империей, как никогда нуждалась в тех опытных генералах, которые по разным причинам оставили службу после марта 1801 г. Некоторые не пожелали служить замешанному в отцеубийстве монарху, некоторых удалили «по Высочайшему повелению». В 1806-1807 гг. большинство из них вернулись на военную службу, призванные чувством долга перед Отчизной, осознавая надвигающуюся «грозу двенадцатого года». Есть сведения, что Скалон вернулся в армию после личной просьбы самого Александра I, переданной ему в устной беседе с каким-то высшим штабным чином Военного министерства. Так это было или нет – не суть важно. Не мог этот человек оставаться безучастным к судьбе искренне любимой им России.

С 26 апреля 1806 г. генерал Скалон снова в седле — «принят Высочайшим повелением в службу тем же чином с оставлением шефства Иркутским драгунским полком». Снова он командует эскадронами своих мрачноватых, коренастых сибиряков, снова его полк становится одним из лучших не только в Сибирском корпусе, но и во всей драгунской кавалерии империи. Уже через шесть месяцев в его послужном списке появляется резолюция командующего войсками Сибири генерал-лейтенанта Н.И. Лаврова, свидетельствующая, что генерал-майор Скалон «к повышению достоин, своим служением предан». В этом же документе есть записанные собственноручно Скалоном краткие автобиографические сведения, которые сообщают, что он «французской нации из дворянства, уроженец российский, лютеранской веры генераллейтенанта сын; российскую службу принял навечно и по отставке желаю остаться в России, и на подданство со своими детьми присягу принял».

Уже в 1807 г. драгунский генерал сменяет Лаврова на посту командующего, а год спустя, руководит передислокацией размещенных в

Сибири регулярных полков на западные границы России. Для того, чтобы понять причины их вывода, необходим небольшой экскурс в историю регулярных частей края. История регулярных войск начинается здесь в 1711 г., когда по указу Петра I здесь формируются три первых гарнизонных полка. Организационная структура постоянно увеличивающегося военного контингента Сибири складывается в 60-70-е гг. XVIII в. 12 расквартированных здесь пехотных и драгунских полков, гарнизонные полки и команды сводятся в Сибирский корпус под командованием генерал-поручика И.И. Шпрингера. Большая часть войск корпуса численностью около 25 тыс. человек сосредотачивается в западно-сибирском порубежье: на Иртышской, Ишимской, Колыванской и Кузнецкой пограничных линиях. На огромном пространстве от Бийской крепости до Южного Приуралья гарнизоны крепостей и редутов составляли части Томского, Ширванского, Селенгинского пехотных, Сибирского и Иркутского драгунских, 18 и 19 егерских полков. К концу XVIII в. обстановка на южносибирских линиях стабилизировалась настолько, что необходимость держать здесь столь внушительные силы отпала и встал вопрос о дальнейшей судьбе войск корпуса. В 1796 г., незадолго до смерти, Екатерина II предполагала большую часть полков расформировать, а солдат причислить к сословию государственных крестьян и расселить по прилинейным землям для «разведения хлебопашества». Три года спустя Павел I высказал идею о формировании из полков Сибири особого корпуса для «восточного удара» по английским колониям в Индии. В 1802 г. по указу Александра I. который тоже рассматривал несколько проектов реорганизации Сибирской воинской инспекции, полки стали считать стратегическим резервом российской армии и укомплектовывали по штатам мирного времени: 100% офицерского состава, 75% сержантского и 50% рядового. После заключения Тильзитского мира с Францией, судьба сибирских полков была решена. Используя мирную передышку, правительство ускоренными темпами реорганизовывало и пополняло армию, готовясь к будущей войне с Наполеоном. В декабре 1807 г. Государственный Совет распорядился о передислокации всех армейских полков Сибири на западные границы империи. В качестве основной военной силы в регионе оставались линейные казаки и гарнизонные батальоны. Вывод полков под командованием генерал-майора А.А. Скалона начинается летом 1808 г.

В июле в Омской крепости сконцентрировалось пять полков, передислоцированных из мест расквартирования на запад: 19-й егерский полк (из района Бийской, Катунской и Ануйской крепостей), Томский мушкетерский (из района Барнаульского завода и Змеиногорского рудника), Ширванский мушкетерский (из Усть-Каменогорской крепо-

сти) и выведенные с Иртышской линии Сибирский и Иркутский драгунские полки. В сентябре части начали длительный переход через Оренбург и Казань в районы новой дислокации на территории Волынской губернии. Марш сибиряков завершился в феврале 1809 г. Полки не потеряли ни единого человека дезертировавшего или отставшего по болезни (все 6 больных солдат и 2 офицера были оставлены по их настоятельным просьбам в походных полковых лазаретах), не было зарегистрировано дисциплинарных нарушений и неуставного отношения к населению. В официальной реляции о благополучном переходе полков командование отмечало: «Сей марш исполнен был в отличном порядке, с особым сбережением нижних чинов и всех полковых имуществ». Военный министр на этом документе начертал резолюцию: «Генерал Скалон восхищения и награды достоин».

К 1812 г. из Сибири было выведено 7 пехотных, егерских и драгунских полков, которые распределились по дивизиям 1-й и 2-й Западной армий. Кроме того, из состава каждого выделили по 6-8 рот, ставших кадровой основой для формирования еще 12 пехотных и кавалерийских полков, а все гренадерские роты частей Сибирского корпуса включили в состав сводно-гренадерских дивизий армий.

К началу войны генерал-майор А.А. Скалон командовал драгунской бригадой, состоявшей из Сибирского, Иркутского и Оренбургского полков и входившей в 3-й кавалерийский корпус графа П.П. Палена. С первых же дней боев с французами корпусу пришлось отступать от белорусского города Лиды фактически в полуокружении вражеских корпусов генерала Нансути и маршала Мюрата. Знаменитый кавалерист, король Неаполитанский Мюрат, оценивая мужество кавалеристов корпуса Палена, позже писал: «Даже в отступлении преследуемые нами русские постоянно атаковали нас с отвагой львов». Отбивая постоянные атаки с фланга и тыла, корпус и отступавшие вместе с ними пехотные дивизии генерала Дорохова, в которые тоже входили сибирские полки, в ожесточенных боях отходили на соединение с главными силами 1-й Западной армии в район Дрисского лагеря. Нанеся французам тяжелые потери в арьергардном бою у местечка Михалишки, русские пробились из окружения и присоединились к основным частям. Когда русская армия продолжила отступление, тылы ее первой колонны доверили прикрывать кавалеристам Палена. На пути к Смоленску бригада Скалона сдерживала натиск восьми дивизий Мюрата и трижды удостаивалась благодарности командующего армией Барклая-де-Толли.

Наконец, обе русские армии соединились под Смоленском, и измученные полки получили короткую передышку. Здесь А.А. Скалон получил первые известия о семье, которую еще в самом начале войны из

местечка Зерницы Гродненской губернии отправил к своему брату Александру, жившему в своем маленьком имении Араповка, в Белгородском уезде Курской губернии. Александр был отставным подполковником, считался небогатым помещиком, сам имел восьмерых детей, но с радостью принял семейство брата. Антон Антонович был женат на дочери омского бригадного генерала Х. Кесслера Каролине и имел уже пятерых сыновей: Александра (16 лет), Николая (12 лет), Василия (7 лет), Антона (6 лет) и четырехлетнего Даниила. Стремительность неприятельского вторжения тревожила генерала, ничего не знавшего о судьбе близких: успели ли они доехать или остались в тылу наступавших французов? Незадолго перед штурмом Смоленска французами, он был обрадован прибытием нарочного от супруги, уведомлявшей его о благополучном прибытии в Белгород. В ответном письме Антон Антонович на вопрос жены о возможном исходе войны писал: «Я тебе не пишу ничего о военных действиях, но только скажу, что Бог русских никогда не оставлял. Хотя враг и зашел далеко, но он падет от оружия нашего!»

Во время кровопролитного Смоленского сражения особенно напряженные бои шли у Молоховских ворот, в Рачевском предместье крепости. Здесь позиции защищали батарейная рота полковника Апушкина и Иркутский драгунский полк во главе с самим бригадным командиром А.А. Скалоном, а Сибирский и Оренбургский полки бригады вместе с казачьими сотнями прикрывали их фланги. Постоянно атакуемые конной дивизией Брюйера и корпусом маршала Нея, полки несли тяжелые потери, у артиллерийских орудий четырежды менялась прислуга, но русские рубежей не оставляли. Когда поступил приказ об отступлении, генерал с Иркутским драгунским полком остался в арьергарде, прикрывая отход артиллерии и егерей. В это время кавалерия Брюйера начинает еще одну атаку. И вот тогда Скалон, желая выиграть время для отвода пушек и пехоты, решается на отчаянный шаг. Сразу за последним залпом русских орудий последовала молниеносная контратака драгунских эскадронов во фланг наступающих французских полков. Неприятель дрогнул, смешал ряды и на короткое время утратил наступательный порыв. Но этих десяти-пятнадцати минут оказалось достаточно для спасения батарей и пехотного прикрытия.

Противник тем временем подтянул артиллерию и под прикрытием ее убийственных залпов картечью и гранатами начал перегруппировку. Как свидетельствовали участники этого боя, генерал Скалон, видя задачу выполненной, «скомандовал эскадронам по три налево, и полк левым флангом ретировался в крепость, находясь совершенно под огнем неприятельским». По традициям боевого российского офицерства

сам командир во время отхода находился в рядах последнего эскадрона. Внезапно рядом разорвались несколько гранат, и все скрылось в густом пороховом дыму, в котором адъютант и вестовые потеряли командира из виду... Кавалерия противника была уже близко, и «плац битвы в те же минуты достался неприятелю».

Героическая оборона Молоховских ворот сорвала попытку французов прорваться к Днепровскому мосту и отрезать оборонявшие Смоленск дивизии русских от основных сил армии. К ночи 5 августа сражение утихло, а на следующий день корпус генерала Дохтурова оставил город. Адъютант Наполеона Сегюр заметил, что, когда французская армия вошла в Смоленск, «свидетелей ее славы тут не было. Это было зрелище без зрителей, победа почти бесплодная, слава кровавая, и дым, окружающий нас, был как будто единственным результатом нашей победы». Борьба за Смоленск значительно ослабила армию Наполеона и охладила наступательный порыв французов настолько, что некоторые из его маршалов и генералов открыто заговорили о необходимости мирных переговоров.

Долгое время ни близкие, ни сослуживцы ничего не знали о судьбе А.А. Скалона. Был ли он убит или раненым попал во французский плен? Брат Александр расспрашивал пленных французов, и некоторые из них, участники Смоленского сражения, поведали ему, что «поднят был неприятелями российский генерал, и отправлен был он за конвоем в местечко Красное, а далее во Францию». В описанном пленными генерале Александр «все сходное находил с чертами любезного брата ...» В списках «убыли за смертию в сражении либо от понесенных ран» А. Скалон не числился, так как о его гибели не было достоверных известий, и, стало быть, не было никаких оснований для назначения его жене и пятерым детям воинской пенсии. Ни поместий, ни крепостных генерал не нажил, и его семья осталась без всяких средств к существованию. Лишь после вмешательства самого Александра I, с декабря 1812 г., вдове и сыновьям пожаловали ежегодную пенсию в размере 1800 руб. годового оклада А.А. Скалона.

Подлинные сведения об обстоятельствах гибели А.А. Скалона и месте его погребения близкие получили только к концу 1813 г. Оказалось, что тело сраженного картечью российского генерала было обнаружено французами 6 августа, на следующий день после кровопролитного боя у Молоховских ворот. По личному указанию императора Наполеона 8 августа герой был предан земле у подножия Королевского бастиона Смоленской крепости «с отданием всех почестей, приличествующих его воинскому подвигу, с ружейными и артиллерийскими залпами». Отдавая дань мужеству А.А. Скалона, французский импера-

тор сам присутствовал при погребении и, по русскому обычаю, бросил горсть земли на его могилу. Спустя сто лет 5 августа 1912 г. здесь был воздвигнут обелиск из серого гранита с выбитым на лицевой грани крестом. Этот памятник, сохранившийся до наших дней, поставили внуки павшего — генерал-адъютант Георгий Антонович и генерал от кавалерии Дмитрий Антонович Скалоны.

По императорскому указу четверо младших сыновей А.А. Скалона были зачислены в Пажеский корпус, и в 1814 г. семейство переехало в Москву. К этому времени старший сын Александр уже имел чин гвардейского прапорщика Генерального Штаба, но его жалования и отцовской пенсии было явно недостаточно для «приличного существования жительствующей в Москве дворянской фамилии». После получения известий о гибели мужа, Каролина Скалон, долгое время надеявшаяся «на чудо дарования непостижимым Божиим промыслом невредимым любезного супруга своего», от горя и житейских лишений тяжело заболела. В 1816 г. в письме к родным Александр Скалон признался, что практически все свое жалование он отправляет матери и братьям, «ибо пенсиона, за отца нашего произведенного, недостаточно даже на наем и отопку квартиры, а по сему жительство они имеют из милости в казенном церковном доме на Форштадтской улице». Спустя два года Каролина Скалон умирает, и по ходатайству Великого Князя Константина Павловича Александр I выделил из личных доходов императорской фамилии «прапорщику Скалону и четверым малолетним его братьям 1000 рублей».

Все сыновья генерала по примеру отца и предков служили Отечеству на военном поприще. Старший, Александр Антонович (1796-1854), будучи декабристом и членом «Союза благоденствия», с 1826 по 1828 гг. состоял под негласным надзором полиции. Однако активного участия в движении он не принимал, и во время личной встречи с Николаем I император демонстративно разорвал все следственные рапорта по его делу и «милостиво даровал монаршее прощение за легкомысленные дела и суждения молодости». Годом позже капитан гвардейского Генерального Штаба Александр Скалон за составление «Описания Российской империи казачьих войск гражданского ведомства» был пожалован бриллиантовым перстнем. В 1831-1836 гг. А.А. Скалон в звании полковника Генерального Штаба присутствовал в качестве полномочного комиссара Российской империи при определении новых границ между Турцией и Грецией, а за год до смерти произведен в чин генерал-майора. Второй, Николай Антонович (1800-?), генерал-майор, служил в Генеральном штабе, а затем командиром Белостокского пехотного полка. Третий, Василий Антонович (1805-

1882), капитан, служил помощником инспектора классов Петровского кадетского корпуса. Его жена Софья Васильевна была младшей дочерью автора знаменитой в то время комедии «Ябеда» и многих известных стихов В.В. Капниста. Семейство Скалонов находилось в дружеских и родственных связях с декабристами: братьями Муравьевыми-Апостолами, П.И. Пестелем, М.П. Бестужевым-Рюминым, М.С. Луниным. Важной страницей в жизни Василия Антоновича и его семьи была дружба с Н.В. Гоголем. Софья Скалон, знавшая писателя с детства, в своих мемуарах приводит любопытный эпизод, когда юный Гоголь, отправляясь в Петербург, заехал к ней попрощаться: «Расставаясь со мною, он удивил меня следующими словами: «Прощайте, Софья Васильевна. Вы или ничего обо мне не услышите или услышите что-нибудь очень хорошее». Слова эти встретили общее удивление, так как в молодом человеке не видели и не предполагали ничего особенного. Их искренняя и дружеская переписка продолжалась до самой смерти писателя. Четвертый, Антон Антонович (1806-1872), генерал-лейтенант, окончил Академию Генерального штаба, многое сделал для развития военной статистики, был членом Русского Географического общества. Пятый, Данило Антонович (1808-1856), генерал-майор, служил офицером-воспитателем, командиром кондукторской роты в Инженерном училище в Петербурге, где тогда воспитывался юный Федор Достоевский; известный русский писатель Д.Г. Григорович в своих воспоминаниях называет его «добрейшим» человеком.

Многие поколения Скалонов на протяжении веков верой и правдой служили России, а потомки этого древнего рода, которые живут в Москве, Петербурге, Алма-Ате, Новосибирске и Барнауле, до сих пор продолжают это служение.

В одном из залов знаменитой Военной галереи героев Отечественной войны 1812 г., в Зимнем дворце, среди 332 портретов военачальников русской армии есть портрет генерала средних лет в парадном драгунском мундире с золотыми эполетами, грудь его украшают четыре ордена за воинскую доблесть. Открытое, благородное лицо, вьющиеся волосы с начинающими седеть прядями, спокойный и твердый взгляд. Таким предстает перед нами родившийся на Алтае, в городе Бийске, генерал-майор от кавалерии Антон Антонович Скалон.

В.С. Петренко

Отец и сын Велижанины

Все лето в Барнауле упорно циркулировали слухи о сносе «Демидовского столба». Вскоре эти слухи приобрели зловещую реальность. 20 августа 1924 г. тяжелые плиты с надписями были погружены на пароход, отходивший в Ново-Николаевск. Несколько раз обеспокоенные краеведы обращались к губернским властям, настаивая на непременном сохранении в Барнауле исторического памятника. Напрасно. Тогда и появилось обстоятельное письмо в Народный комиссариат просвещения: «Имея в виду, что Демидов Столб с надписями на нем в истории Барнаула и в истории былой горнозаводской деятельности на Алтае является действительно памятником старины, подлежащим безусловной охране... считаем долгом уведомить... для возможного принятия соответствующих мер...». Письмо подписал председатель Совета Алтайского отдела Русского географического общества Андрей Петрович Велижанин.

В городе его знали и любили. Прежде всего, как врача. В 1904 г. А.П. Велижанин окончил медицинский факультет Томского университета. Будучи специалистом по детским болезням, Андрей Петрович отлично разбирался и в общих вопросах медицины. «Детский врач А.П. Велижанин помог моей маме, не имевшей средств, поместить меня в больницу. Там при содействии Андрея Петровича операцию сделал мне хирург Руднев. Благодаря Велижанину и Рудневу, ампутация ноги была предотвращена»,- написала мне из г. Ухты Коми ССР В.И. Минина, детство которой прошло в Барнауле. Людмила Андреевна, дочь А.П. Велижанина (живет в Вильнюсе), бережно хранит картину известного художника Андрея Никулина с дарственной надписью: «Дорогому Андрею Петровичу, этот дар как выражение моего чувства благодарности за бескорыстную добросовестную врачебную помощь, спасшую меня от смерти в самые лихие дни моей жизни».

Около четырех лет Андрей Петрович добросовестно выполнял обязанности главного врача Алтайской губернской больницы. Порядочность, рыцарская самоотверженность в деле врачевания, истинная интеллигентность — эти качества врачей старой школы связывали и сближали А.П. Велижанина с барнаульскими коллегами Александром Ивановичем Смирновым, братьями Александром и Михаилом Киркинскими, Матвеем Павловичем Элисбергом.

Деревянный двухэтажный дом, по ул. Сузунской, 95 с металлической пластинкой «Врач А.П. Велижанин» посещали многие барнаульцы. Поднявшись по крутой лестнице, посетитель попадал в небольшую приемную. Направо — уютный кабинет доктора, рядом располагалась столовая с роялем в углу. А возле него — огромные вазоны с пальмой и олеандром. Старомодный буфет и настенные часы с боем дополняли обстановку. Из столовой приветливый хозяин обязательно вел гостей в свою мастерскую. Книги и чучела птиц заполняли полки шкафов от пола до потолка. Особенно поражало обилие чучел. Орнитологию Андрей Петрович называл своей второй специальностью. Его статьи о птицах публиковались в научном журнале «Наша охота». К числу лучших работ сам ученый относил две, написанные в соавторстве с сыном Глебом: «Список птиц Барнаульского округа» и «О птицах Алтайского края».

Воспитанный в семье учителя, А.П. Велижанин любил поэзию, особенно русскую классику. Глубоко чувствовал серьезную музыку, часами мог сидеть за шахматной доской. Но всепокоряющей страстью его были охота и рыбная ловля. Он отдавал им почти все свое свободное время. Из воспоминаний Л.А. Оверко (Велижаниной): «...уезжал на несколько дней далеко. Во время сборов в доме царила неимоверная суматоха. Даже Том, умный и степенный пес, по-своему включался в общее напряжение, бегая по двору, от нетерпения оглушительно лаял. Когда возвращались с добычей, для нас начиналась довольно утомительная обработка зверей и птиц под строгим наблюдением отца. Брат мой Глеб пристрастился к этому занятию и стал впоследствии ученым».

Андрей Петрович имел все основания гордиться незаурядным талантом и бесконечным усердием сына. Опубликованная в «Алтайском сборнике» в 1930 г. статья Г.А. Велижанина «Заметки по орнитофауне Барнаульского, Рубцовского и Славгородского округов» отличалась глубиной и точностью систематических наблюдений. Для вступления в Географическое общество кандидату требовалось две рекомендации. Кроме отца, молодого ученого рекомендовал принять действительным членом В.И. Верещагин, известный педагог и исследователь Алтая.

Глеб и Людмила росли веселыми, здоровыми детьми. В минуты семейного досуга Андрей Петрович увлеченно играл с детьми или,

улыбаясь, наблюдал шумную возню детворы. «Без детей жизнь теряет изначальный смысл», – считал Велижанин-старший.

В 1910 г. Андрею Петровичу суждено было перенести жестокий удар судьбы – трагически погибла жена, оставив 35-летнего вдовца с двумя малолетками. Родственники настоятельно уговаривали его отдать детей им. Но Андрей Петрович решительно отклонял эти просьбы. Из воспоминаний Л.А. Оверко (Велижаниной): «Нас вырастила Полина Васильевна Овсянникова, в 1911 г. ставшая женой Андрея Петровича и проявившая большую преданность своему долгу. Сиротства мы с братом не чувствовали. Я вспоминаю нашу вторую маму с любовью и благодарностью».

Алтайский Отдел государственного Географического общества, продолживший прекрасные традиции Общества любителей исследований Алтая, созданного в Барнауле в 1891 г. объединял лучших людей, любивших Алтай, его природу, историю. Научные труды членов общества публиковались в «Алтайском сборнике», выходившем в Барнауле с 1894 г. Так, в 12 томе была опубликована статья А.П. Велижанина «Заметки из поездки в верховья речки Барнаулки», явившаяся результатом научной командировки автора по изучению горьких озер в верховьях р. Барнаулки. Ранее этим вопросом никто не занимался.

На заседаниях А.П. Велижанин не только председательствовал, но и нередко выступал с сообщениями и докладами. 14 ноября 1926 г. он сделал сообщение на тему: «От Омска до Обской губы с Карской экспедицией». Сообщение это привлекло большое число слушателей — 233 чел. В 1926-1927 гг. А.П. Велижанин был председателем Алтайского отдела РГО. По его инициативе состоялось заседание в память о крупном ученом, знатоке природы Алтая В.В. Сапожникове (1861-1924). Взволнованно звучали личные воспоминания Андрея Петровича, учившегося у В.В. Сапожникова в Томске, путешествовавшего с ним по Семиречью.

29 февраля 1928 г. Андрей Петрович посвятил свое выступление теме «Утки Алтая», сопровождавшееся «демонстрацией чучел и световых картин».

Заседания правления общества, как правило, проходили в краеведческом музее. Архивист и краевед Г.Д. Няшин отмечал огромную заслугу А.П. Велижанина в создании краевого краеведческого музея. По мнению Г.Д. Няшина, Андрей Петрович, проявляя специальные знания и художественный талант, положил основание богатейшей коллекции чучел птиц, ревностно и бескорыстно пополнял ее. Благодаря А.П. Велижанину наш современный музей располагает всеми главнейшими представителями пернатого царства Алтая.

В Барнауле только П.А. и Г.А. Велижанины производили кольцевание птиц, фенологические наблюдения, утверждал Григорий Дмитриевич Няшин. Вместе с П.А. Казанским, Г.Д. Няшиным, В.И. Верещагиным А. Велижанин деятельно готовил первую губернскую краеведческую конференцию, состоявшуюся в феврале 1925 г. в Барнауле. Андрей Петрович руководил секцией зоологов, выступив с двумя докладами.

В 1925 г. увидели свет «Очерки Алтайского края», вышедшие тиражом в 3 тыс. экземпляров, 192 страницы которых вместили 17 статей. Книга предназначалась для советских школьников. Среди организаторов издания и авторов – А.П. Велижанин.

В городах и селах губернии, как и во всей стране, мучительно зарождались новые общественные отношения. Старое отступало с трудом. Тяжелые предчувствия и страхи тяжелым камнем наваливались на крестьянскую душу. От двора ко двору распространялись невероятные слухи о затмениях, чудесах, волшебных источниках. Андрей Петрович доступно и убедительно объяснял крестьянам причину природных явлений, указывал на опасность массового заражения людей у святых источников, если они будут нарушать элементарные нормы санитарии.

Незаметно наступала старость. В 1937 г. А.П. Велижанину шел 62-й год. Но грядущие дни не обещали заслуженного радостного по-коя. Уже не существовало Географическое общество, его разогнали под флагом борьбы с «вредными элементами». Из архивных материалов УКГБ по Алтайскому краю стало известно, что в 1937 г. в Барнауле органами НКВД было сфабриковано дело о контрреволюционном заговоре врачей так называемой старой школы. По этому делу А.П. Велижанин был арестован 22 августа 1937 г. по обвинению в принадлежности к руководству повстанческого штаба контрреволюционной кадетской партии, якобы ставившей целью вооруженное свержение советской власти, а также в организации им четырех подпольных отрядов и одной диверсионной группы. Постановлением особой тройки УНКВД по Западно-Сибирскому краю он был приговорен к высшей мере наказания – расстрелу, с конфискацией лично принадлежащего ему имущества. Приговор приведен в исполнение 2 сентября 1937 г. в Барнауле.

14 ноября того же года был арестован и его сын Глеб Андреевич Велижанин 1905 г. рождения, который осуждался за участие в деятельности контрреволюционной фашистской диверсионной организации, в проведении работы по подготовке массовой бактериологической диверсии в момент интервенции капиталистических государств против СССР. По делу проходило 14 человек. Как «враг народа» Г.А. Велижанин был расстрелян 27 декабря 1937 г. в г. Барнауле.

Так естественно желание Людмилы Андреевны Оверко (Велижаниной) поклонится праху дорогих ее сердцу людей: отца и брата.

Из ответа УГКБ «места захоронения Велижанина Андрея Петровича, Велижанина Глеба Андреевича... не представляется возможным установить в связи с отсутствием информации в архивных уголовных делах».

...Пионерская площадь краевого центра. У «Демидовского столба» стайка притихших школьников, слушают учительницу. Подумалось: вряд ли здесь будет упомянуто имя Велижаниных. Ведь публикаций о них практически нет, кроме скупых строчек в Сибирской советской энциклопедии. Название железнодорожной станции «Велижановка» (Первомайского района) прочно связано с крестьянским родом Велижаниных на Алтае. Это отдельная и большая тема, которая, ждет своих кропотливых исследователей.

В.Н. Кислицын

ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВО И ЗЕМЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ СИБИРСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА (Колывано-Кузнецкая линия)

На юго-западной границе Алтайского округа, на землях Кабинета Его Величества, по рекам Иртышу, Бухтарме и Нарыму и частью внутри самого округа, на так называемой Бийской линии, располагались поселки и станицы, входившие в состав Сибирского казачьего войска и имевшие свое управление.

Цепь сибирских казачьих поселений, начинаясь от Оренбургской границы, направлялась через г. Петропавловск к Омску, потом по Иртышу проходила гг. Павлодар, Семипалатинск и Усть-Каменогорск, где разветвлялась на две линии: Бийскую и Бухтарминскую. Общее протяжение ее составляло 1801 версту. Вся территория Сибирского казачьего войска занимала площадь 48 058 кв. верст. В 1916 г. общая численность казачьего населения насчитывала 172 тыс. человек.

В военно-административном и хозяйственном отношении Сибирское казачье войско делилось на три военных отдела, с управлениями в городах Кокчетаве, Омске и Усть-Каменогорске. В первом отделе располагалось 14 станиц и 18 поселков, во втором — 11 станиц и 46 поселков и в третьем отделе — 18 станиц и 65 поселков.

По штатам мирного времени войско выставляло 3 конных полка и гвардейскую полусотню, что составляло свыше 3 тыс. человек, а в военное время $(1916 \, \Gamma.) - 9$ конных шестисотенных полков и 6,5 отдельных и запасных сотен. Это составляло 11,5 тыс. человек.

Главное управление Сибирским казачьим войском принадлежало Степному — генерал-губернатору, Командующему войсками Омского военного округа, облаченному в звание Войскового Наказного Атамана. Центром Сибирского казачества являлся г. Омск.

Для защиты от набегов кочевников в 1747 г. на Алтае была построена система крепостей, форпостов и укрепленных заводов. Начинаясь от устья р. Убы, впадающей в р. Иртыш, укрепленная линия, получившая название Колыванской, шла вверх по ней до р. Шемонаиха, а отсюда на Змеиногорский рудник к Колыванскому заводу, и далее по р. Чарыш до форпоста Николаевский, затем по р. Ануй и заканчивалась крепостями Ануйской, Катунской и Бийской. В 1757-1765 гг. был построен новый ее участок от крепости Усть-Каменогорской до форпоста Чарышского.

Крепости, редуты и форпосты вначале заселялись солдатами из ссыльных и казаками из Тобольска, Тюмени, Березова, Сургута, Томска, Нарыма. Первые казаки не составляли обособленного военного сословия, а просто назывались городовыми. Затем было разрешено селиться отставным драгунам и солдатам. Почти тогда же в Сибирь перевели значительное число донских казаков.

В начале 70-х гг. XVIII в. в укрепленных пунктах оборонительной линии расселили 150 ссыльных запорожских казаков. В виде пособия при водворении на новых местах, каждому выдавался казенный провиант и от 40 до 50 к. ежемесячно. Позднее, в 1796 г., предполагалось привлекать к заселению и отставных мастеровых Колывано-Воскресенских заводов, а также людей другого звания, обитавших между реками Иртышом и Алеем.

В 1768 г. была создана Кузнецкая укрепленная линия, которая являлась продолжением Колыванской, и проходила от Бийской крепости до г. Кузнецка. В эту военную линию вошли: Усть-Каменогорская крепость, защита Ульбинская, защита Бобровская, Секисовский редут, защита Верхне-Убинская, Убинский и Красноярский форпосты, редут Плоский, форпост Ново-Алейский, Ключевский маяк, защита Белорецкая, редут Андреевский, форпост Тигерецкий, маяк Яровой, защита Тулатинская, редут Чарышский, маяк Сосновский, защита Маралихинская, форпост Казанской Божьей Матери на р. Маралихе, маяк Слюденский, форпост Антоньевский, маяк Николаевский, защита Терская, форпост Ануйский, редут Смоленский, крепость Ануйская, крепость Катунская, крепость Бийская, маяк Бехтемирский, маяк Новиковский, маяк Лебяжий, маяк Сайлапский, форпост Сайдып, маяк Нижне-Ненинский, маяк Урунский, маяк Караканский, маяк Верхне-Ненинский, полумаяк Пуштулимский, маяк Сары-Чумышский, полумаяк Кандаланский, форпост Кузедеевский, маяк Калтанский, маяк Ашмаринский, крепость Кузнецкая. Это была одна цепь довольно далеко расположенных друг от друга укреплений, которая обходила Алтайские горы, расположившись у подножия их, прикрывая горную и металлургическую промышленность Кабинета, и обеспечивая освоение русским крестьянством земель южной части Сибири.

К 1765 г. на линии несли службу 834 казака и солдата. Это указывает на то, что военные поселения были иногда ничтожны по количеству населения. Так, например, в Белорецкой защите проживало только три драгуна и несколько казаков, не больше их находилось и в Тигирецском и других форпостах.

Кроме несения караульной службы и работ, связанных с укреплением оборонительных линий, казаки и солдаты занимались земледелием, скотоводством и рыболовством.

В 1746 г. по распоряжению генерал-майора Киндермана заведено казенное хлебопашество, для лучшего обеспечения хлебом гарнизонов крепостей и форпостов. Совмещать военную службу с хлебопашеством для солдат и казаков было трудно, поэтому в 1770 г. они были освобождены от землепашества и за службу стали получать жалование.

19 августа 1803 г. все казаки, служившие на пограничных линиях Иртышской, Ишимской и Колывано-Кузнецкой, крестьяне-переселенцы и другие были объединены в Сибирское казачье войско, как отдельное сословие, с особыми привилегиями, правами и своими сословными учреждениями.

Позднее, в 1819 г., разрешено было принимать в войсковое сословие и селить на казачьих землях отставных воинских чинов всех наименований.

В 1841 г. из числа казачьих селений в Алтайском горном округе находилось 13 форпостов и 22 редута с 20 тыс. жителей обоего пола.

Высочайшим указом 5 декабря 1846 г. войсковая территория была разделена на 9 полковых округов. В состав Сибирского казачьего войска были зачислены 42 крестьянских селения Курганского, Ишимского, Омского и Бийского уездов, в количестве 5 380 душ. Каждый полк формировался из населения своего полкового округа. По всем частям своего управления и хозяйства в административном порядке Сибирское казачье войско подчинялось Военному министерству, по департаменту военных поселений.

Северная часть Колывано-Кузнецкой линии, до Кузнецка, в 1848 г. была упразднена. Часть казаков была переселена на р. Копал, остальные же были перечислены в крестьянское сословие и вместе с отведенными им в 1816-1820 гг. землями переданы в распоряжение заводского начальства. Редуты и маяки от Бийска до Кузнецка пришли в негодность. Оставшаяся часть линии – Бийская – существовала до 1920 г.

Происхождение сибирских казаков существенно отличается от казаков донских и уральских, образовавшихся из вольных товариществ.

Донские и уральские казачьи сообщества, возникшие самостоятельно, заняли на правах собственности земли, никому ранее не принадлежавшие и лишь позднее вошедшие в состав Российского государства. В Сибири для защиты новых земель, само правительство образовало на далекой окраине крепости и форпосты. Для обеспечения существования служилым людям предоставлялись земельные участки. Между тем, все земли Алтайского горного округа, согласно ст. 1801 Свода законов, т. VII, Горный устав, принадлежали Алтайским заводам, которые согласно ст. 1690 того же устава, составляли собственность Государя Императора, а казачьему войску они были предоставлены лишь во временное пользование.

Каждый казак обязан был быть готовым к военной службе и иметь как обмундирование на свой счет, так, непременно, и лошадь. Благодаря этой службе, он освобождался от всех государственных повинностей и награждался достаточным земельным наделом. Земля была во владении общины, надел нарезался на каждого народившегося мальчика в пожизненное владение, с правом передачи по наследству или сдачи в аренду. Еще в 1725 г. Сибирским Приказом всем казакам Иртышской линии было назначено хлебное и денежное жалование: казакам по 4 р., по 3 четверти ржи, по 1,5 четверти круп на каждого в год и по 2 четверти овса на лошадь.

Интересно проследить историю земледелия в Сибирском войске и те мероприятия администрации, которые проводились с целью приучения казака к землепашеству. Местная администрация, стараясь обеспечить казаков своим хлебом, неоднократно делала попытки принудить казаков к занятию хлебопашеством.

Казенное хлебопашество было введено по ходатайству генерала Киндермана, начальника Сибирских пограничных линий. Работа на казенных пашнях возлагалась на крепостных и выписных казаков, для чего на Колыванскую линию было назначено 200 казаков. Каждый казак обязывался обрабатывать по три десятины ярового и по 3 ржаного хлеба. Для возделывания пашни казакам выдавались все необходимые земледельческие орудия и по 2 пары быков. Казенная пашня была, в частности, заведена у Кабановой защиты, что вынудило кабановских приписных крестьян покинуть свою деревню. В 1749 г. небольшие участки казенной пашни существовали и у Катунской крепости. Неурожай, охвативший всю Западную Сибирь в 1749 г., привел к резкому сокращению посевов. Просуществовав 24 года, казенное хлебопашество в 1770 г. было отменено Сенатом ввиду того, что было для всех разорительно, а казенные пашни не принесли никаких выгод, т.к. хлеб обходился не дешевле привозного.

Правительствующий Сенат в 1754 г., принимая во внимание трудности казачьей службы, а также дороговизну на линии, определил жалованье казакам на Колыванской линии деньгами по 5 р. 32 к., ржи по 3 четверти и овса по 2 четверти в год. Что касается чиновников, то они получали: атаманы — по 12 р. 81 к., 8 четвертей 2 четверика 7 гарнцев ржи и 4 четверти овса в год; сотники — по 8 р. 91 к., 7 четвертей ржи, по 4 четверти овса; писари, пятидесятники и прапоры — по 7 р. 17 к., 5 четвертей и 2 четверика ржи и 4 четверти овса в год.

Указом 27 марта 1773 г. казакам предоставлялись 6-десятинные наделы удобной земли на каждую душу мужского пола. В этот надел должны были входить усадьбы, выгон, пахотная земля, сенокосные и лесные угодья.

Площади 6-десятинных наделов, установленные Высочайшим указом, были в основном отведены казачьим редутам Кузнецкой линии в 1816 г., частью в 1817 г. Закончились работы в 1827 г. отводом надела Кузедеевскому форпосту и в 1828 г. редутам и форпостам Колыванской линии.

Наделы ограничивались межевыми чинами Горного ведомства. Работы при межевании начинались с установления границ земельной дачи, после обхода которых производилось измерение и одновременно закреплялись постоянными межевыми знаками. На поворотных пунктах копались ямы глубиною 2 м и радиусом 3 м. В лесу делались просеки, а на открытом месте — межники. Измерив межу и установив межевые знаки, межевщики производили простейшую съемку населенных мест, выпаханных и засеянных участков. На каждую дачу составлялся план, копия которого выдавалась и местной администрации. Справедливости ради надо сказать, что планы составлялись по произвольным меридианам, без румбов и астролябических углов, без меры линий, с несоответствием указанных масштабов, а по окружным граням не сходны с планами смежных дач. При отсутствии экспликации к плану не представляется возможным определить размеры душевого надела.

Работы, проводимые по отводу наделов, позднее, в 1828 г., отличались уже большей точностью. Но обход окружных границ также велся от произвольных меридианов, без румбов и также без указания меры линий.

Первоначальные отводы казакам Колывано-Кузнецкой линии, произведенные в 1816-1828 гг. составили 29 380 десятин удобной земли, причем к основной площади отвода было примежевано много пустолежащих кабинетских земель.

Землепользование казаков Верх-Алейского станичного правления из-за малоземелья резко отличалось от остальных поселков Бийской казачьей линии.

Так, в поселке Андреевском, Белорецком, Ключевском усадебная земля, хотя и была отделена, но соприкасалась с крестьянскими усадьбами, а в Верх-Убинском и Секисовском — выгон состоял в общем с крестьянами пользовании. Поселку Бобровскому особого надела в 1816 г. не было отграничено, а отведен один общий с крестьянами деревни Бобровской. Отрезка 773 десятин в 1865 г. по уставной грамоте мастеровым и рабочим Белоусовского рудника и наплыв переселенцев усложнили отношения казаков и крестьян.

Пашнями казаки Верх-Алейского станичного правления, за исключением Бобровского поселка, пользовались без переделов, захватным способом при залежном ведении хозяйства. В поселке Плоском – душевому наделу подлежали лишь сенокосные угодья.

Главное управление Алтайского горного округа рассматривало вопрос об упразднении Бийской линии, которая внедряясь вглубь округа, утратила свое значение, а к казакам поселка Бобровского и Антоньевского станичного правления применить выселение или добровольный переход в крестьянское сословие. Но этот вопрос не получил разрешения у Военного министра.

В 1846 г. на основании Высочайшего указа от 5 декабря норма земельного надела была определена в следующих размерах: штабофицерам по 400 десятин, обер-офицерам — по 200, казакам по 30 и церковным причтам по 99 десятин удобной для хлебопашества и скотоводства земли. Сверх этого каждому полковому округу, а их в Сибирском казачьем войске в то время было девять, прирезывалось до 24 тыс. десятин в запас на случай увеличения населения и для войсковых хозяйственных нужд. Следует заметить, что запасные земли отдавались в аренду в пользу войска.

В 1847 г. состоялось высочайшее повеление о переводе казаков Кузнецкой линии на новую границу с Китаем. В том же году были переведены две казачьи сотни, в следующем – еще две. Остальные же казаки были перечислены в крестьянское сословие. С выселением казаков, земли их в количестве 31 083 десятины поступали в ведомство Алтайских горных заводов и на них поселялись приписные к заводам крестьяне.

Позднее, для реализации указа 5 декабря 1846 г., в 1851 г. в соответствии с мнением Государственного Совета от 15 ноября 1850 г., для отмежевания казачьих земель, в Сибирском казачьем войске была учреждена особая межевая комиссия, которая под именем «временной межевой партии» в этом же году открыла свои действия. Работы начались с наделением землей казачьих поселков Пресно-Горьковской и Иртышской укрепленных линий. Межевая партия в каждый полевой

сезон старалась закончить наделение землей станиц и поселков целого поселкового округа, избегая при этом отрезки от земель, находившихся в пользовании у крестьян. Прирезки же в каждом случае рассматривались Войсковым Правлением совместно с чиновниками Горного ведомства, заключения которых представлялись через Главное управление Западной Сибири на высочайшее благоусмотрение.

Горное правление рекомендовало не стеснять в землепользовании крестьян, приписанных к Алтайским заводам, число которых с течением времени будет значительно возрастать. Такое возрастание крестьянского приписного населения обязывало иметь в запасе резервный фонд удобных земель.

На отведенные земли каждому казачьему поселку были составлены планы, хранившиеся в Главной Барнаульской чертежной.

Фактическое межевание, приуроченное по численности душ мужского пола казачьего населения, состоявшего в наличии к 1 января 1877 г. по Бийскому уезду, составило площадь в 218 653,3 десятины войсковых земель, в том числе луговой – 198 971,1 десятины, неудобной земли – 19 592,5 десятин.

В 1855 г. бывший генерал-губернатор Западной Сибири генерал Гасфордт Г.Х. признал необходимым упразднить Бийскую линию и с этой целью началось выселение казаков в Забайкальский край. Первыми выселению подлежали поселки Ануйский, Смоленский, Терский и Николаевский. Первоначально выселение казаков производилось по жеребьевке, а в дальнейшем — огульным вывозом всех оставшихся казаков. Поселки Ануйский и Смоленский подчинились огульному выселению, а Терский и Николаевский — по жеребьевке, так как к этому времени вышло распоряжение Военного министра об отмене обязательного выселения казаков Бийской линии.

Уходившие казаки распродавали свои дома и имущество переселенцам, а в обеспечение прав на землю выдавались приемные приговора. За каждый приемный приговор переселенцы платили казакам по 15 р., а в Слюденском поселке — по 10 р. с души. Приговора эти до 1875 г. свидетельствовали в Антоньевском станичном управлении, которое, удостоверяя неподложность приговоров, дополняло право переселенцев на принятие на жительство новоселов со стороны.

К концу 1870 г. Войсковое хозяйственное управление Сибирского казачьего войска заплатило казакам выдачу приемных приговоров, и с этого времени принятые крестьяне-переселенцы начали ходатайствовать перед Управлением Алтайского горного округа, перед Томским губернатором о формальном причислении их к сельским обществам. Но так как, несмотря на почти огульный выезд казаков, земли поселковые оста-

вались за войском, все ходатайства и прошения переселенцев не получали должного разрешения.

Весть о привольных землях распространилась далеко по России. Только из Воронежской губернии в период 1876-1882 гг. в Сибирь прибыло более 300 душ. Эта новая волна переселенцев оседала на землю, не обращая внимания ни на малочисленных казаков, потерявших всякий авторитет, ни на крестьян, имевших приемные приговора и, находясь официально не причисленными к волости, не могли образовывать сельские общества.

Выбирая для поселения казачьи поселки Бийской линии, переселенцы считали наиболее благоприятными поселки Ануйский, где осело 158 семей, Терский — 63 семейства, Смоленский — 38 семей и Николаевский — 30 семей. Результатом этого поселения явилось крайнее обострение земельных отношений населения части Бийской линии, вызвавшее даже поездку особой комиссии для устранения чересполосицы и выделения казачьих земель в дачах смешанного пользования.

Начались внутренние распри и ссоры, подача в Управление округом жалоб. Все проживающие переселенцы усиленно хлопотали о причислении, но везде безуспешно, в виду затянувшегося вопроса о налеле казаков.

Еще в 1875 г. была специально создана межевая съемочная комиссия под председательством начальника Съемочного отделения Управления Западной Сибири Ерофеева, в обязанности которой было вменено точное определение площадей прежнего межевания. Ей поручалось также обследование землевладения казаков, при восстановлении границ решать споры их с крестьянами на месте, устанавливать межевые знаки, руководствуясь планами съемки 1816-1828 гг.

По дачам поселков Маральевского, Тулатинского, Яровского и Чарышской станицы комиссией обследованы одни лишь окружные межи. Границы наделов поселков Бобровского, Секисовского, Верх-Убинского, Плоского, Ключевского, Белорецкого, Андреевского и Верх-Алейской станицы вообще остались не проверенными. Сняты все земли поселков Ануйского, Смоленского, Терского, Николаевского и станицы Антоньевской, причем установлено, что казаками этих поселков захвачены излишки земель в размере 33 017 десятин.

Кроме того комиссия обнаружила, что поселки Ануйский, Смоленский, Терский и Сосновский возведены на землях Горного ведомства, а в свою очередь селения Горного ведомства Михайловское, Маралихинское, Березовское, Генераловка с разрешения Горного Правления и Томской губернской Казенной Палаты построились на землях, нахолящихся в пользовании казаков.

Комиссией установлено, что в пользовании 3 144 душ казаков Бийской линии оказалось от 24 до 134,5 десятин удобной земли на душу.

Переселенцы, проживавшие в казачьих поселках Анжуйском, Смоленском, Терском и станице Антоньевской, оставлены там на жительство журналом Совета Главного управления Западной Сибири, состоявшегося 23 февраля 1882 г. № 12 при условии внесения всех платежей и сборов в станичное правление, за исключением посаженной платы за землю, взятую усадьбами переселенцев. На основании Мнения Государственного Совета, Высочайше утвержденного 26 апреля 1868 г., лица не войскового сословия, проживавшие в казачьих поселках собственными домами, обязаны были ежегодно платить за усадебные места по одной копейке за квадратную сажень.

Казаки также сдавали переселенцам в аренду излишние земли: за оброк по 30 к. с десятины пашни и сенокоса, за выгон скота по 15 к. с лошади, 10 к. с коровы и по 2 к. с овцы.

В течение 1894-1895 гг. земельные дачи смешанного населения были вымежеваны казачьими межевыми партиями из состава Алтайского округа. Но установить, какая площадь земли в этих дачах должна была составлять собственность казаков, и какая была предоставлена крестьянам, не было никакой возможности, т.к. часть дач была уступлена крестьянам казаками. Вследствие этого площадь казачьего землепользования была определена условно по действительному их землепользованию к 1894 г., исчисленному Войсковым хозяйственным правлением в пределах не менее 146 635 десятин удобной земли.

В 1894 г. казачье население составляло 14 348 душ обоего пола. Удобной земли имелось в среднем по 49,9 десятин на душу, а всего с неудобной – 54,8 десятины.

Средний посев казаков Бийской линии за трехлетие 1892-1894 гг. составлял: озимых - 12 164 десятины; яровых - 73 487 десятин. На один двор приходилось 4,3 десятины посева, а на одну душу мужского пола - 0,5 десятины. Хлеба было собранно 42 849 четвертей. Принимая в среднем норму потребления по две четверти на человека, имелся избыток 14 153 четверти.

Казаки содержали в своих хозяйствах $10\,807$ лошадей, $11\,091$ крупного рогатого скота и $8\,026$ голов мелкого рогатого скота. Земли на одну голову числилось 10 десятин, а в среднем голов скота на один двор $-\,16,5$.

Из вышесказанного можно заключить, что казаки Бийской линии в конце XIX в. жили безбедно.

Кабинет был также заинтересован в скорейшем разрешении земельных беспорядков, царивших в казачьих дачах, которые наносили

явный ущерб его интересам, т.к. масса переселенцев вносила арендную плату в пользу Войскового хозяйственного правления Сибирского казачьего войска. Для этого не оставалось иного выхода, как полное землеустройство крестьянско-казачьих поселений.

Полное землеустройство как казачьих, так и смешанных крестьянско-казачьих поселков было произведено в 1897-1908 гг. чинами Межевого отделения Сибирского казачьего войска под руководством особой комиссии.

Комиссия состояла из председателя статского советника Н. Наумова, двух членов от Кабинета: А. Сегедий и А. Булава-с, двух членов от Сибирского казачьего войска: полковников Г. Катанаева и М. Калачева и одного члена от министерства внутренних дел. Представителями, обычно, были чиновники по крестьянским делам А. Пучковский или К. Малиновский. Комиссия рассматривала все заявленные возражения и споры о границах, и разрешала их на основании всех имеющихся в ее распоряжении данных. Если восстановление границ дачи нарушало интересы Кабинета или Войска, то представители этих ведомств заявляли возражения, объясняли почему и каким образом должна быть изменена эта граница. В случаях, когда восстановление границы затрагивало интересы местного населения, споры о границах заявлялись через его доверенных.

При рассмотрении возражений со стороны членов комиссии и споров со стороны населения, комиссия, в случае, если она признавала представленные доводы уважительными, вырабатывала проект новой границы. Предъявляя его заинтересованным сторонам, и рассматривая их возражения, комиссия, наконец, выносила свое решение. Решение принималось большинством голосов и, не опротестованное кем-либо из членов комиссии, признавалось окончательным. Решения, опротестованные через Кабинет, представлялись на соглашение министров Императорского двора — Военного и Внутренних дел.

После окончательного установления всех границ, проектные планы представлялись на высочайшее утверждение.

Площадь земельного надела была соразмерна с существующим пользованием. Исчисление наличных душ казаков и крестьян определялось данными всенародной переписи 28 января 1897 г.

Если юртовый надел рассчитывался, в основном, по 30 десятин удобной земли на мужскую душу, то размеры душевого надела крестьян составляли от 10 до 15 десятин. Столь незначительные размеры душевых наделов были вызваны малоземельем, так как все близлежащие дачи были отведены крестьянам густонаселенной Смоленской волости.

Съемка ситуации действительного пользования производилась лишь в случае негодности имеющегося планового материала. При имеющихся доброкачественных планах производилась только проверка их в натуре.

Наделы при смешанных казачье-крестьянских селениях отводились поблизости к селениям, по возможности в одной общей черте (для казаков и для крестьян отдельно) и в спрямленных границах. Внешне эти границы обозначались в натуре межевыми знаками.

Все действия землемеров Межевой партии Сибирского казачьего войска производились при участии доверенных от общества казаков и крестьян. Доверенные же избирались на поселковых сборах казаков и сельских сходах от каждого селения, с вручением общественных приговоров об их избрании.

При землеустройстве, продолжавшемся с 1897 по 1908 гг., Сибирскому казачьему войску (Бийской линии) было отведено: 4 233 душам казаков –192 261 десятина; крестьянам – на 3 510 душ – 40 252 десятины.

Путем такого землеустройства были установлены точные размеры и границы земель каждого поселка. Земля была закреплена в виде компактных массивов, с правильной конфигурацией и удобными границами. Выдачей проектных планов была внесена ясность и бесспорность в казачье и крестьянское землепользование.

В.Ф. Гришаев

«ПРОШУ МЕНЯ РАССТРЕЛЯТЬ...» (материалы к биографии М.О. Курского)*

Михаил Онисифорович Курский родился в 1856 г. в Томске, в семье мещанина. В 1867 г. он поступил в Томскую гимназию, откуда в 1870 г. вынужден был уйти «за неимением средств». Работал «мальчиком», конторщиком, поденщиком у купцов, в 1875 г., вместе с отцом, на золотых приисках в Томской, Мариинской тайге, Зайсанском крае (Восточный Казахстан). Осенью 1882 г. он сдал экстерном экзамен в Томской гимназии на звание народного учителя и был направлен в с. Карасук Славгородского уезда.

Там М. Курский не только учительствовал. «Давал мужикам советы, — показал он позже на допросе, — когда с ними поступили незаконно, несправедливо; кроме того мною все местные божки разоблачались через «Сибирскую газету», в которой сотрудничал с 1881 г.».

Кончилось тем, что в 1884 г., по доносу волостного писаря, молодой борец за правду и справедливость был арестован и препровожден в Барнаул, в полицейское управление. Здесь его выручил В.К. Штильке — взял на поруки. С Василием Штильке Курский подружился еще в Томской гимназии, хотя и был на шесть лет моложе его. Осенью того же года, М.О. Курскому удалось получить место учителя в с. Ново-Ильинском Нарымского края, но и оттуда был он был уволен как политически неблагонадежный.

В марте 1894 г. М. Курский снова переезжает в Барнаул. У него уже четверо детей, но нет ни денег, ни работы. И снова его выручил В. Штильке — устроил библиотекарем городской общественной библиотеки, основанной им в 1888 г. (ныне Алтайская краевая универсальная научная библиотека им. В.Я. Шишкова — авт.).

^{*} Публикуется впервые.

В биографическом очерке о М. Курском, написанном в марте 1926 г. кем-то из членов артели «Краевед», говорится, что, возглавляя библиотеку, Курский «привел ее в образцовое состояние. Число подписчиков (так тогда называли читателей – авт.) возросло с 80 до 300 человек, а объем почти вдвое». Цифры эти нуждаются в уточнении. Из документов известно, что в 1892 г., то есть еще до М. Курского в библиотеке было 110 подписчиков. Сам Михаил Онисифорович позже показал: «Работая в библиотеке, распространял нелегальную литературу. Полиция, найдя каталог нелегальной литературы у моего знакомого фельдшера Шкалина, составленный мною, возбудила дело, предложила с работы уйти... С 1896 по 1906 гг. давал частные уроки, сотрудничал в периодике, не оставлял и партийной работы».

По воспоминаниям участников революции 1905 г., Курский вместе с В.К. Штильке был организатором и руководителем подпольного союза учителей, а также легального союза приказчиков — «Общества взаимопомощи частного труда» (с 1901 г.).

С 1900 г. М. Курский состоял под негласным наблюдением полиции. В 1911 г. он – агент «Общества русских драматических писателей и оперных композиторов».

В декабре 1900 г., с окончанием строительства Народного дома, М. Курский стал его первым заведующим. Но и на этой должности он долго не удержался. Уже в 1904 г. он был уволен по распоряжению Томского губернатора все из-за той же «политической неблагонадежности». Вознамерился открыть частную школу – не разрешили по той же причине.

В октябре 1905 г., во время известного погрома, он был жестоко избит черносотенцами. Один из очевидцев так это описывал:

«Курский жил на Томской (ныне В.Г. Короленко – авт.) улице, четвертый дом от Острожного (ныне Комсомольский проспект – авт.) переулка ...Утром я вышел за ворота – слышу необыкновенный шум, необыкновенное движение по Острожному переулку. Вот повернули на Томскую. Впереди – полицмейстер Тарасевич, огромный, в орденах, за ним 30-40 казаков. Одного из них я узнал – это был переодетый казаком Лубягин из конвойной команды. Толпа шла разбивать дом Курского, но видно не знала точно его адреса, разбила несколько стекол в доме его соседа...

Курский, как я после узнал, утром был у Симанина, от него зашел к Страхову. Почему он не вытерпел и вышел на улицу при появлении толпы, не знаю. Наверное, хотел обратиться к разъяренному и темному народу, а может, опасался за свою семью. Посидел бы минут пять, и толпа бы скрылась, но вышло так. Только он показался за воротами дома Страхова,

толпа бросилась к нему. Один из нападавших ударил Курского дубинкой по голове, тот свалился. Удары посыпались. Конный полицейский отогнал толпу. Тарасевич со своими казаками не предпринимал мер к прекращению громиловки. Один из служащих конторы, Копейкин, с трудом поднял Курского и отвел домой. Наутро он с повязкой на голове, огромный, бородатый, в сопровождении дочери, разносил по городу листовки. Ими были набиты карманы его просторной блузы...» Приведу воспоминания еще одного очевидца погрома – Максима Дмитриевича Зверева, тогда еще просто Максима: ему было 10 лет. Вот что писал он мне в одном из своих писем: «Мы жили на Бийской улице (теперь Никитинская – авт.) неподалеку от дома Штильке. В то утро на улице показалась небольшая толпа. Впереди неслись портреты царя и царицы, иконы, хоругви. Толпа шла без шапок и нестройно пела пьяными голосами «Боже, царя храни». Замыкал эту кучку людей десяток конных городовых. По тротуарам и сзади шла огромная толпа зевак. Я выбежал на кухню, потом во двор и Конюшенный переулок (теперь Красноармейский проспект – авт.) вместе с закадычным другом Степой Жилиным, который сообщил мне, что громят «Шпильку». С угла было видно, что хоругви лежали на земле, иконы держали женщины, портреты царя и царицы стояли на земле, их поддерживали какие-то парни. Из окон дома Штильке летели на улицу обрывки бумаги, перья, пух, какие-то обломки...»

В этот день от рук погромщиков пострадала значительная часть книг Барнаульской городской общественной библиотеки, находившейся в доме В.К. Штильке. Его самого друзья успели увезти во Власиху, жену спрятала в подполье домработница, дети укрылись у своих дружков и подружек. Одна из дочерей, Нина, рискнувшая появиться в доме, была ранена в руку выстрелом из ружья.

На этом дело не кончилось. В апреле 1906 г. по распоряжению Томского губернатора Василию Штильке было предложено в 48 часов покинуть пределы Сибири и Степного края «на время продолжения военного положения». Он выехал в Петербург. Несколько позже, по той же причине, здесь оказался преподаватель истории и русского языка реального училища Леонид Шумиловский, будущий министр труда в правительстве Колчака. В том же 1906 г. из Барнаула был выдворен и Михаил Курский, однако с ним обошлись более милостиво — разрешили остаться в г. Ново-Николаевске. Здесь он стал редактором местной газеты «Народная летопись». Правда через три месяца она была закрыта «за левое направление» и возобновлена ненадолго лишь в 1910 г., уже без М.О. Курского.

В 1907-1912 гг. М. Курский живет в Томске, редактирует, по его словам, торгово-промышленную газету, вероятно, «Сибирский ком-

мерсант», просуществовавшую всего около года, а также сотрудничает в других сибирских газетах и журналах.

Живя в Ново-Николаевске, он, по просьбе местных эсеров, укрывал бежавших из Нарымской ссылки, помогал их тайному проезду на пароходах. Проживая в Томске, он, опять же по поручению эсеров и эсдеков, выезжал в Нарым для передачи корреспонденции и денег ссыльным, указывал им маршруты побегов, снабжал картами местности, собирал для беглых деньги, одежду.

В 1912 г. М.О. Курский вернулся в Барнаул, и в сентябре того же года основал еженедельную газету «Алтайский крестьянин», став ее редактором и издателем. В газете публиковались довольно ценные для крестьян, на мой взгляд, советы и рекомендации специалистов по земледелию, животноводству, пчеловодству и другим отраслям сельского хозяйства, святочные рассказы и сценки из крестьянской жизни самого М. Курского, стихи известных в свое время крестьянских поэтов В. Белькова, И. Малютина и ряда других авторов. С началом «великой европейской» (первой мировой) войны из номера в номер в газете печатались списки убитых и раненых жителей Алтая. Значительное место занимала реклама, на доходы от которой, видимо, и существовала газета, так как большим капиталам у М. Курского взяться было неоткуда.

С января 1916 г. издателем газеты стал Алтайский союз кредитных и ссудо-сберегательных товариществ. С этого же времени газета преобразуется в журнал, также еженедельный. С 1917 г. до середины 1918 г. редактором журнала был П.А. Казанский, его сменил С.И. Исаков. В самом конце 1918 г. с помощью Культпросветсоюза Алтайского края, «Алтайский крестьянин» был преобразован в «толстый» литературнохудожественный журнал «Сибирский рассвет». Редактором его остался С. Исаков.

С января 1911 г. в г. Барнауле стала выходить газета «Жизнь Алтая». Издателем ее был либеральный купец В.М. Вершинин, впоследствии член IV Государственной думы. Он сумел объединить вокруг газеты наиболее передовую, демократически настроенную часть местной интеллигенции. В состав редакции вошли: Л.И. Шумиловский, П.А. Казанский, А.И. Шапошников, Н.И. Давидович, а, по приезде в Барнаул, и М.О. Курский, а несколько позже и его сын Сергей. Именно эти люди попеременно возглавляли редколлегию газеты, но больше других этот воз тащили А. Шапошников и Л. Шумиловский. Около года главным редактором газеты был Г.Д. Гребенщиков. Февральскую революцию они встретили с восторгом, впрочем, как и многие жители Барнаула, Алтая, России.

«Граждане! – писал в «Жизни Алтая» 7 марта 1917 г. А.И. Шапошников. – Старое правительство, приведшее страну к гибели, низверг-

нуто... Благодаря геройскому восстанию рабочих и войска против продажного правительства, все население России получает права гражданства и право голоса во всех государственных и местных делах. Народ теперь может свободно, без всякой оглядки и опаски, во всеуслышание говорить о том, что считает справедливым и полезным...»

«Кончилось кошмарное время!» — вторил ему Л. Шумиловский. Откуда им было знать, что кошмарное время только начиналось... Что-то недоброе почувствовал лишь многоопытный М.О. Курский. В обращении «К трудовому народу» («Жизнь Алтая» от 3 марта 1917 г.) он писал: «Среди кровавого зарева всемирного пожара восходит солнце и твоей свободы. И вот перед лицом всего мира, многострадальная и крестоносная, встретишь ли ты желанный над тобой восход с лицом, озаренным святой любовью и всепрощением или с лицом, омраченным чувством злобы и мести за невольные твои грехи и страдания. Святая! Не омрачай ясного утра твоего возрождения злобой, навеянной темной и буйной ночью...»

М.О. Курского угнетало даже то, что «свобода русского народа ограждается мерами лишения свободы его врагов. Лишены свободы, арестованы высокие представители старой власти, крупные и мелкие правительственные чиновники, более опасные мирному водворению нового строя на началах свободы и равенства». Он находит это противным идее свободы.

Очень скоро М. Курский понял, что худшие его опасения начинают сбываться: надвигается кошмар гражданской войны. В статье с примечательным названием «Великое опустошение душ» (14 мая) с гневом и горечью пишет, что боевики усиленно разжигают низменные страсти, и не без успеха. Ему уже приходилось слышать такие заявления: «Теперь вы сравнялись с нами. Теперь посмотрим, как вы будете нашу кровь пить». В статье «За честь свободы» (6 июля) он призывает: «Свобода – человеку, а не зверю, зверю-обывателю!». Возможно, он вспомнил тех, кто так жестоко избил его в 1905 г. 8 августа появляется его статья «Борьба социалиста с демагогом» с характерным подзаголовком: «Материал для будущего историка». В ней М. Курский заявляет, что социалист вышел с призывом к любви, взаимному доверию, к лучшей жизни, а демагог (имеется в виду, по всей вероятности, большевик) - к захвату власти, диктатуре, недоверию ко всем, кто не принадлежит к потомственным пролетариям. Действуя на низменные страсти толпы, льстя ей, призывает к мести, злобе, арестам, реквизициям, оправдывая все это ссылками на К. Маркса, на законы классовой борьбы».

Период с февраля по октябрь 1917 г. так богат событиями, что даже простое перечисление их заняло бы слишком много места. Но они дос-

таточно известны, поэтому останавливаюсь лишь на тех, которые имели касательство к М.О. Курскому.

14 марта 1917 г. состоялось организационное собрание ПСР (партии социалистов-революционеров, иначе — эсеров). М. Курский был избран членом исполнительного бюро, а председателем — И.Д. Румянцев, ветврач, будущий городской голова. Ранее М. Курский, судя по анкете, относил себя к народовольцам. 16 апреля состоялись выборы в городское народное собрание — так стала называться городская дума. Впрочем, уже на следующих выборах, состоявшихся в августе, прежнее название было восстановлено. За кандидатов социалистического блока (РСДРП, ПСР) проголосовало 95% избирателей. От эсеров, в числе других, был избран Сергей Михайлович Курский, сын Михаила Онисифоровича, который на этот раз не прошел. Он получил всего 44 голоса. Для сравнения: за А.И. Шапошникова проголосовало 19 605 избирателей из 20 084, за П. Казанского — 19 593. Призывы старого народовольца к гражданскому миру, любви и всепрощению не нашли поддержки ни в том, ни в другом лагере.

Перед выборами в Учредительное собрание М.О. Курский вышел из партии эсеров. Поступок свой объяснил так: «Партия эсеров, которую я считал своей, партия, которая имеет за собой большие исторические заслуги перед народом, и честь которой была мне дорога, теперь перед выборами в Учредительное собрание проявила захват власти и господствующее положение в революции». Словом, он испугался диктатуры своей родной партии: ведь всякая диктатура — это ущемление свободы. Поищите еще такого чудака! Курский организовал местное отделение трудовой народно-социалистической партии и был избран председателем бюро. Наверно, это была одна из самых мирных партий в России. Она ставила своей главной задачей не захват власти, а политическое воспитание народа. На выборах в Учредительное собрание они выступили со своим списком из 8 человек, в их числе был и М. Курский. Но все 13 мест от Алтайской губернии достались эсерам, за них проголосовало 87% избирателей.

Самое сокрушительное поражение потерпели меньшевики, не набравшие и одного процента голосов.

«Народные массы, – писал Л. Шумиловский, – политически не воспитаны. Верят, что всего можно добиться сразу, если захотеть. Наши способы борьбы казались им слишком медленными и ненадежными».

Что верно – то верно. Народные массы и теперь предпочитают голосовать за тех, кто больше пообещает. И чтоб сразу, без труда...

Известие об Октябрьской революции в Петрограде или, как теперь чаще говорят, Октябрьском перевороте, было встречено в Барнауле

неоднозначно. Городская дума резко осудила «большевистскую авантюру». В городе прошла многолюдная демонстрация, в которой участвовала в основном интеллигенция под лозунгом «Вся власть Учредительному собранию», однодневная забастовка служащих городского самоуправления, где прозвучали громкие заявления учителей и учащихся о неподчинении Совету Народных Комиссаров, но большевики тем не менее захватили власть в городе и губернии. Они действовали более решительно, не останавливаясь перед насильственными методами, в то время как их противники слишком уверовали в наступившее царство демократии. А самое главное, им удалось увлечь пролетарскую массу популистскими лозунгами: «Фабрики и заводы — рабочим!», «Земля — крестьянам!», «Грабь награбленное!» и пр. Можно и по-другому сказать: пробудили у них мечту о свободной и счастливой жизни. Сколько за нее было пролито крови, а она так и осталась мечтой.

Предлагаю вниманию читателей выдержки из статьи Курского «Фанатики и толпа», опубликованную в газете «Жизнь Алтая» 18 ноября 1917 г.

«Толпа – стихийная безвольная масса, движимая силой воли ее руководителей – героев. Герой может быть случайным. Неотразимость влияния на толпу таких героев зависит от степени их увлечения идеей, веры в нее, доходящей иногда до фанатизма. Таким фанатиком является в наши дни вождь большевиков-интернационалистов В. Ленин – Ульянов...

Россия представляет собою, благодаря своей невоспитанности и стихийности настроений, самую удобную массу как материал для задуманных им экспериментов. Никакой другой народ не позволит так легко себя разоружить и привести в полное расстройство и негодность к защите своей страны, как русский. Все это Лениным было учтено с поразительной верностью ...»

А заканчивается статья таким пророчеством: «Быть может, история отведет Ленину в ряде исторических имен второе место после Христа, а может быть, она низведет его ниже варвара – честолюбца Герострата».

Судите сами, обладал он пророческим даром или нет.

М.О. Курский в это время еще не призывал к вооруженной борьбе с большевиками, он писал; «Нужно избегать сопротивления кроме категорического заявления своего призрения к самозванцам. Борьба с ними не стоит жертв, не стоят они сами серьезной борьбы с ними. Нужно только оберегать общественное достояние от расхищений». («Жизнь Алтая» 9 декабря 1917 г.) Впрочем, он был далеко не один в ту пору, кто верил, что большевики не продержатся и двух-трех недель...

Чем же занимался М. Курский в годы гражданской войны?

В феврале 1918 г. он, как член Сибирской областной думы, был командирован на Дальний Восток для популяризации там идей областниче-

ства и вербовки сторонников. В ноябре-декабре сопровождал Г.Н. Потанина в поездке к забайкальским и уссурийским казакам. Власти предоставили «сибирскому дедушке» даже отдельный вагон. Несколько раньше М. Курский был приглашен в «Деловой кабинет» (правительство) генерала Хорвата, министром по делам вероисповеданий.

«Я долго колебался, – показал он позже на допросе, – вступать или не вступать в Деловой кабинет, но долг разделить с братьями по отчизне ответственность перед Родиной возобладал». По поручению Хорвата выезжал в Пекин для переговоров с атаманом Семеновым. В середине 1919 г. М.О. Курский вернулся в Барнаул и больше, по его словам, политикой не занимался.

Занимался! Еше как занимался!

В его уголовном деле сохранилась телеграмма Семенову в Читу, посланная в середине августа 1919 г. из Барнаула: «Родной мой, настал ваш час спасти Россию, двиньтесь, Родина велит». И ответ Семенова: «Всеми силами продолжаю дело служения Родине под руководством правительства ее, идя прямым путем во имя укрепления возродившейся государственности».

А теперь полистаем страницы барнаульских газет. Активность М. Курского – журналиста поразительна. Только в «Алтайском вестнике» (9 сентября 1919, переименованного в «Алтайские губернские ведомости») его статьи появились: 14, 22, 27 августа 1919 г., 1, 3, 5, 7, 9, 18, 19 сентября. Приведу лишь заголовки некоторых из них: «За кем будет победа» (14 августа), «Под молотом судьбы» (9 сентября), «На пути к одичанию» (19 сентября) и др.

В марте 1919 г. в Барнауле было организовано местное отделение «Общества возрождения России». Возглавил его присяжный поверенный эсер Ф.К. Ненарокомов, членами были председатель губземуправы А.Ф. Меринов, бывший городской голова В.Я. Бирюков, врач А.П. Велижанин, М.О. Курский и др. Общество ставило своей задачей «внутреннее оздоровление России, объединение страны в единое целое для борьбы с большевиками и содействие в этом правительству». Судя по газетным сообщениям, при участии Общества проводились благотворительные вечера для сбора средств на подарки воинам, находившемся на фронте. Так, в июне 1919 г. 3-му Барнаульскому стрелковому полку было отправлено 1 500 пар белья, 263 катушки ниток, 125 дюжин пуговиц.

29 августа было собрано на белье солдатам 33 тыс. рублей и кроме того, на 15 тыс. рублей мануфактуры. 11 мая был проведен кружечный сбор «На книгу солдату». Собрано 13 683 р. 64 к. и около 2 тыс. книг и журналов.

В мае 1919 г. при начальнике гарнизона был создан отдел просвещения для организации культурного отдыха солдат. В частности, проводить с ними популярные лекции, беседы согласились: А.П. Велижанин – по гигиене, В.И. Верещагин – по естествознанию, А.А. Лесневский – по географии Алтая, М.О. Курский – по русскому народному эпосу.

17 июня 1920 г. М. Курский был арестован «за контрреволюционную деятельность в годы колчаковщины». Губревтрибунал приговорил его к расстрелу. Однако расстрел ему заменили 20 годами тюремного заключения и его этапировали в Москву, в Бутырки. Оттуда 14 октября 1920 г. он был освобожден по ходатайству и под поручительство Екатерины Ивановны Калининой, жены «всесоюзного старосты». В Москве М.О. Курский оставался до конца 1925 г., лишь в 1924 г. ненадолго приезжал в Барнаул. Убеждений своих он не скрывал. 24 июля 1924 г. из Барнаула московскому следователю ОГПУ Генкину он написал: «В октябре 1923 г. я приходил к вам с настоятельной просьбой поместить меня в тюрьму, а если это будет затруднительно, то расстрелять, ибо я убежденный непримиримый противник советской власти…»

Мне думается, что такое заявление не было дешевой бравадой.

Один из барнаульских знакомых М. Курского так его охарактеризовал: «Курского уважаю за прямоту взглядов. Это человек способный всегда высказываться прямо в глаза и, который всегда желает пользы народу».

В конце 1925 г. Курский вернулся в Барнаул.

28 апреля 1926 г. П.Е. Семьянов опубликовал в газете «Советская Сибирь» статью «45 лет на литературной работе». В ней в частности говорилось:

«...Исполнилось 45 лет литературной деятельности сибирского журналиста и педагога Михаила Онисифоровича Курского, хорошо известного не только барнаульцам, но и всей литературной и революционной Сибири. В настоящее время он живет в Барнауле. Ему уже перевалило на восьмой десяток. Избитый когда-то до полусмерти черносотенцами, он получил нервную болезнь и теперь инвалид, ушел от всякой общественной работы. Но его прошлое заслуживает того, чтобы этот день был отмечен. Литературную работу Курский начал со статьи «Зайсанский пост», напечатанной 15 апреля 1881 г. в «Сибирской газете». Затем писал в газетах «Сибирская жизнь», «Сибирь», «Восточное обозрение», «Народная летопись», «Жизнь Алтая». «Народную летопись» редактировал. В 1912-1918 гг. издавал и редактировал в Барнауле первый кооперативный журнал «Алтайский крестьянин»... В Барнауле заведовал городской общественной библиотекой, Народным домом, был активным деятелем Школьного общества и Общества любителей исследования Алтая... Литературная работа была основной его профессией. Нельзя не сказать старику в день его 45-летнего юбилея спасибо!»

Вместо «спасибо» М.О. Курский в июле 1926 г. был снова арестован органами ОГПУ. Было ему уже 70 лет, в его медицинском свидетельстве говорилось: «Эмфизема, кашель, сильная одышка, боли в желудке, почти нет зубов, атеросклероз, дряхлость». Он даже не мог писать — так дрожали руки, а машинку у него отобрали чекисты. И этот глубокий, стоявший одной ногой в могиле старик, все еще представлял какую-то опасность для властей предержащих.

Вместе с ним аресту подверглись: Немцов Г.И., 1873 г., старший инспектор Окрфинотдела, Минкин В.А., 1879 г., заведующий детдомом № 3, Курочкин В.М., 1864 г., выпускник Казанской духовной семинарии, бывший заведующий отделом народного образования Барнаульской уездной земской управы, Авессаломов С.А., 1864 г., протоиерей Вознесенской церкви, учитель барнаульских школ Левашев А.А., 1886 г. и Чупрунов И.М., 1887 г.

В обвинительном заключении А. Левашов назван эсером, остальные — «эсерствующими». Все обвинены в том, что были единомышленниками М. Курского, распространяли среди крестьян привезенные им листовки «Христос Воскрес!», «Власть земли» (сочиненную М. Курским), а также присланные из Харбина стихотворения Сергея Есенина о Демьяне Бедном и письмо Аркадия Аверченко Ленину. Ну и, само собой, вели антисоветскую агитацию.

26 ноября 1926 г. ОСО (особое совещание) при ОГПУ СССР постановило: В. Курочкина из-под стражи освободить, дело прекратить; А. Левашова выслать в Казахстан на три года; М. Курского, И. Чупрунова, В. Минкина, Г. Немцова из-под стражи освободить, лишив права проживания в Сибири, Москве, Ленинграде, Харькове, Киеве, Одессе, Ростове-на-Дону, с прикреплением к определенному месту жительства сроком на три года.

М.О. Курский выбрал Усть-Каменогорск. Он прибыл туда из Москвы во второй половине декабря 1926 г. В удостоверении, выданном на Лубянке, есть отметка, что по дороге он на три дня (14-16 декабря) останавливался в Барнауле. О том, как жилось М. Курскому в ссылке, можно судить по письму от 24 июля 1927 г. некоего «доброжелателя Курского» почетному старосте барнаульской артели «Краевед» П.Н. Тузовскому:

«Сообщаю Вам, что Курский сослан в Усть-Каменогорск, где и живет по Набережной улице, 4. Материальное положение его крайне тяжелое, средств к жизни никаких. Единственное дело, которым он мог бы зарабатывать, это переписка, но и этим заработать он не может, потому что машинка у него отобрана. Сейчас он находится в крайне угнетенном

состоянии и решил уморить себя голодом. Сегодня десятый день пошел, как он не ест ничего, причем он не объявлял голодовки».

«Доброжелатель» даже фамилию свою побоялся назвать ...

По свидетельству П.Е. Семьянова, в 1928 г. М.О. Курский находился в Кызыл-Орде, в 1929 г. — в Чимкенте, откуда был освобожден досрочно и вернулся в Барнаул. Его приютили у себя члены артели «Краевед», жившие, как известно, в доме В.К. Штильке. 1 декабря 1930 г. Курский обратился к ним с письмом, которое трудно читать спокойно: «Дорогие товарищи! Я уже старик, мне 74 года. Я одинок и совершенно не обеспечен. Вследствие острой нужды, мне пришлось переселиться к Вам, мои дорогие друзья по работе в подполье во время царизма. Я живу в Вашем общежитии, но тяжело жить без средств и пользоваться бесплатными услугами и подаяниями от своих товарищей. Вследствие этого я решил просить Вас возбудить перед кем следует ходатайство о назначении мне персональной пенсии как старому, с 15-летнего возраста, революционеру, постоянно преследуемому царизмом».

Друзья-пятигодники постарались ему помочь, благо приближалось 25-летие первой русской революции. С просьбой поддержать ходатайство о назначении пенсии М. Курскому обратился в юбилейную комиссию П.Е. Семьянов. Та включила М.О. Курского в список участников революции, нуждающихся в улучшении материального обеспечения.

Ныне М.О. Курский является членом кооперативной артели «Краевед». Он страстно желает на склоне своих лет поделиться своими общирными знаниями общественно- революционной жизни Алтайского края прошлых эпох и потому является одним из ценных сотрудников артели «Краевед».

Предположительно, просьба М. Курского была удовлетворена. В анкете его сына Сергея от 18 марта 1933 г. значится: «отец — пенсионер». Но документального подтверждения этому пока найти не удалось. Не удалось найти и точную дату смерти Михаила Онисифоровича. Бывший его подельник И.М. Чупрунов, вновь арестованный в феврале 1949 г., на допросе показал: «С Курским последний раз встречался примерно в 1932 г. В этом же году он умер». Но, по словам сына, в марте 1933 г. он был еще жив. Возможно, в этом году и умер. Газета «Красный Алтай» никак не откликнулась на смерть старейшего журналиста, педагога, всю жизнь в меру своих сил боровшегося за свободу и счастье трудового народа...

Несколько слов о его семье. В уже упоминавшемся биографическом очерке говорится, что жена М.О. Курского сошла с ума и умерла, оставив ему кучу детей. В ЦХАФ АК хранится небольшая переписка С.М. Курского с В. М. Вершининым. В одном из писем (от 12 декабря

1909 г.) В. Вершинин сообщает С. Курскому, проживавшему в то время в Томске: «Твоего папахен вижу теперь редко, так как со смертью Евгении Сергеевны он сделался домоседом». В другом письме С. Курский сообщает В. Вершинину: «Папа женился на Лидии Алексеевне Орловой, родной сестре Юферовой». Речь идет, вероятно, об Александре Алексеевне Юферовой, учительнице Нагорной школы Общества попечения о начальном образовании в Барнауле. Видимо, Михаил Онисифорович не постоянно жил в Томске, а на какое-то время приезжал в Барнаул.

Теперь о детях. У него было их четверо: два сына – Сергей (1884 г.) и Василий (1891 г.) и две дочери: Ольга и Анастасия (1894 г.). В ЦХАФ АК сохранилось заявление М.О. Курского начальнице женской гимназии с просьбой отсрочить плату за Ольгу, учившуюся в 1 классе или совсем отменить ее, ибо платить ему нечем. В анкете же за 1926 г. значатся трое детей – Ольги нет. Кое-какие сведения удалось собрать лишь о Сергее. Он родился в 1884 г., в 1917-1918 гг. избирался в городскую думу, заведовал типографией «Алтайское печатное дело», а при Колчаке, по мобилизации – типографией штаба Верховного правителя. Отступая вместе с белыми, был в Красноярске взят в плен, возвращен в Барнаул и осужден на 5 лет лагерей; в 1928 г. вторично осужден на 2 года за злоупотребление служебным положением; после освобождения работал бухгалтером на мясокомбинате. В 1933 г. был снова арестован органами ОГПУ и приговорен к 3 годам лагерей (условно). По его словам, арестовывался он не три раза, а больше, только уголовные дела не возбуждали. Видимо, терроризированный бесконечными арестами, а, может быть как и отец, не примирившись с советской властью, он покончил жизнь самоубийством.

Следователь губчека В. Андреев дал М.О. Курскому такую характеристику: «Провинциальный литератор, мелкий по качеству, имеющий большое значение как лицо со связями — его связывали дружеские отношения с Потаниным, Адриановым и др. архивными областниками. Большой фарисей, он сумел, пользуясь своими знакомствами, создать и себе положение. Мелкий кляузник в литературе, все время примазывающийся к «правящим» самоуправлениям (дума, земство), он при царизме мог считаться в оппозиции и считался таковым. Переворот 1917 г. напугал этого квазиреволюционера, и он после некоторых наблюдений связал свою судьбу с правоэсеровским течением. Знакомство с областниками, умело офишированное, социалистический налет, чисто внешний, выдвинул архивную фигуру Курского на политическую арену. Он кем-то в областной думе, затем — член делового Кабинета Хорвата. Пишет сладкие благоглупости, но в

тоже время благословляет и вызов иностранных войск, и доморощенных атаманов. Наряду с платоническими инициациями в прессе «против большевиков» Курский участвует в «Союзе возрождения России», где его роль, за неимением ярких фигур, также очень значительна. Оставление на свободе небезопасно».

Согласитесь, объективности в этой характеристике нет и в помине. Да и смешно было бы ожидать ее от сотрудника ОГПУ. На мой взгляд, он вознамерился отнять у Курского последнее, что у него оставалось: лишить его права на уважение. Ни какой он ни фарисей, ни кляузник и ни к кому не «примазывался». А вот Октябрьского переворота и разразившейся вслед за ним братоубийственной гражданской войны он действительно испугался и был прав.

Давно известно, что революции приводят совсем не к тем результатам, на которые рассчитывают их вдохновители и участники. Яркий пример тому – наша Октябрьская революция. Начатая во имя высоких идеалов СВОБОДЫ, РАВЕНСТВА, БРАТСТВА, она обернулась величайшей народной трагедией.

Стала она трагедией и для М.О. Курского. Человек, с юных лет посвятивший себя борьбе за свободу и счастье людей, умер в нищете и забвении, потерпев крушение всех своих надежд и мечтаний.

Пусть он не был звездой первой величины на Барнаульском небосклоне, пусть в чем-то ошибался, но свой след в общественной и культурной жизни Барнаула, мне думается, оставил. И вполне заслужил, чтобы вспомнить его добрым словом.

В.М. Чекалин

ОТКРЫТИЕ И ОСВОЕНИЕ ОСНОВНЫХ МИНЕРАЛЬНЫХ БОГАТСТВ АЛТАЙСКОГО КРАЯ (краткий исторический очерк)

Природа «распорядилась» так, что практически все основные минеральные богатства Алтайского края (полиметаллические, железосодержащие, вольфрам — редкометальные, золоторудные и другие месторождения) оказались в его южной части на территории Змеиногорского, Краснощековского, Курьинского, Локтевского, Рубцовского, Третьяковского и Чарышского районов. Это обусловлено стечением ряда обстоятельств, связанных с конкретным местом, определенным временем и необходимыми процессами.

В общем геолого-структурном понимании рассматриваемая территория представляет сопряженные северо-западные части структур Горного и Рудного Алтая. Границей этого сопряжения является Северо-Восточная зона смятия, прослеживающаяся здесь в северо-западном направлении по линии сел Ручьево – Ивановка и др. В структурах Горного Алтая в связи с проявлением интрузивного магматизма в средневерхнем девоне (350-380 млн лет назад) – образовались железо- и золоторудные, а в перми – триасе (215-250 млн лет назад) – вольфрамредкометальные месторождения. В Рудном Алтае вулканическая деятельность средне-верхнего девона завершилась в целом образованием месторождений полиметаллических руд.

Упуская последующую длительную и сложную историю различных геологических процессов, происходящих в регионе в целом и на месторождениях в частности, приводящих к погребению и, во многом, преобразованию этих месторождений, отметим лишь последний из известных, очень крупный катаклизм — горообразование. Именно этот геологический процесс привел к появлению сегодняшних Алтайских гор и, что

крайне важно для нас, выводу на уровень эрозионной (практически дневной) поверхности всех известных к настоящему времени железо-, золоторудных, вольфрам – редкометальных и значительной части полиметаллических месторождений, где многие из них под действием экзогенных факторов (солнца, воздуха и воды) подверглись окислению. Особенно химически активными в поверхностных условиях являются полиметаллические руды, состоящие из сульфатов меди, свинца, цинка, железа. Здесь эти металлы вступают в основном в оксидные формы соединения. Часть месторождений с зоной оксидных (окисленных руд) в последующем перекрыты толщей мощностью до 100 м рыхлых (песчано-глинистых) отложений. Все другие месторождения остались не погребенными под наносами и поэтому еще много тысяч лет назад (в бронзовом веке) легко обнаруживались легендарными племенами под общим названием «Чудь». Эти племена, вероятнее всего кочующие, овладевшие навыками металлургического производства меди, золота, серебра на месте своего предыдущего пребывания, здесь только из окисленных полиметаллических руд выплавляли эти металлы, а затем стали получать свинец и бронзу (сплав меди и олова). Источником олова был минерал касситерит (оксид олова), завозимый (заносимый) ими сюда в основном с Калбинского хребта Восточного Казахстана (100-200 км). Другие металлы людям того далекого времени были еще неведомы, поскольку неизвестна была технология получения их в чистом виде или в виде каких-либо сплавов, хотя месторождения они находили. Так началась история освоения минеральных богатств региона. Отмеченные металлы и отдельные сплавы люди использовали для изготовления боевого оружия, предметов быта, украшений. Сколько было добыто тогда руды и получено металлов, определить невозможно. По меркам сегодняшнего дня – это безусловно ничтожно малая доля. Однако месторождения, выходящие на дневную поверхность, они знали практически все и даже те, которые находятся в трудных природно-климатических условиях и явно непригодны для использования, как не поддающиеся в то время металлургической переработке из-за характера их химического соединения. Например, пирометаллургии подвергались только те полиметаллические руды, основные минералы которых имели оксидную форму. Сульфиды не давали желаемого эффекта.

Следы древних разработок в виды выработок, орудий труда, шлаков, иногда плавильных печей и т. д. сейчас встречаются крайне редко. Они почти полностью уничтожены, «затушеваны» природными процессами, горно-геологическими работами последних почти трехсот лет. В XVIII столетии во многом они привели «охочих к рудному делу людей» — демидовских рудознатцев к вторичному открытию месторо-

ждений. Началась новая эпоха освоения и не только освоения, но и изучения недр рассматриваемой территории. Это дело настолько серьезное, что оно практически сразу же ставится под контроль царствующих особ. И, вероятно, первым из них о серебряных рудах Алтая узнает Петр I от бургомистра Амстердама еще в конце XVII столетия. Можно себе только представить темпераментного, всем живо интересующегося царя, придающего большое значение горному делу и, в конечном счете, искренне болеющего за процветание своего Отечества, как возмутила информация о том, что образцы алтайских руд оказались за границей без его ведома. Но быть может она, пролив свет о тайнах недр Алтая, его обрадовала. Может быть. О его реакции на этот счет мы можем только гадать. Но как бы там ни было, это известие, возможно, спровоцировало его на создание 24 августа 1700 г. Приказа рудокопных дел с целью регламентации поиска, разведки, добычи, переработки и т.д. всех полезных ископаемых. В последующем эта необходимая структура, многократно изменившись, дошла до наших дней в виде крупного департамента в Министерстве природных ресурсов. Ради полноты информации об этом, здесь уместно отметить, что до 1991 г. многие десятилетия существовали самостоятельные Министерства геологии СССР и РСФСР. Именно в эти годы подготовлена вся, за редким исключением, крупная минерально-сырьевая база страны по всем полезным ископаемым, известным на земле, забегая вперед, скажем – и на рассматриваемой территории по отдельным их видам тоже.

Этот приказ способствует развитию горнорудного дела в России с первых лет своей организации. На Алтае всплеск открытий месторождений начинается с 20-х гг. XVIII в., когда сюда пришли демидовские рудознатцы, а сам А.Н. Демидов, некогда поддерживаемый в его горнозаводских делах Петром I, получил разрешение на строительство рудников и плавильных печей (заводов). Одним из первых было обнаружено Колыванское (Демидовское) месторождение медных руд, находящееся на северном отроге г. Синюхи. Рядом с ним для плавки его руд у подножия отрога на берегу р. Локтевки в 20-е гг. XVIII столетия построен первый на Алтае плавильный завод (печь). После первых плавок он был закрыт, а на р. Белой в с. Колывань построен второй, более мощный завод, который просуществовал несколько десятилетий и на его месте в 1802 г. была открыта Колыванская шлифовальная фабрика, функционирующая до настоящего времени. Причинами закрытия первого плавильного завода явились истощение медных руд на Колыванском месторождении, неудобный участок на р. Локтевке для строительства плотины и удаленность от вновь открывающихся месторождений полиметаллических месторождений (по современным

понятиям рудопроявлений), а затем более крупных объектов с территории Рудного Алтая. Так, одним из первых рудоалтайских рудных объектов было крупное золото-серебро-барит-полиметаллическое Змеиногорское месторождение, первые опытные плавки руд которого осуществлялись на этом заводе.

Всего на рассматриваемой территории в XVIII столетии было открыто много десятков месторождений и проявлений, более 30 из которых тогда же были вовлечены в отработку. Одни из них были отработаны сразу, другие (Петровское, Черепановское) – в XIX столетии, Золотушинское - в ХХ. А такие, как Змеиногорское и Лазурское - перешли в XXI столетие. Из последних, если Лазурское месторождение колчедано-полиметаллических руд и эксплуатировалось во всех столетиях, но эпизодически и в небольших объемах, то Змеиногорское до 1960-х гг. почти постоянно и интенсивно, особенно в XVIII-XIX столетиях. Его эксплуатация – это уникальная, славная страница российской, более того – мировой истории горнозаводского дела. Эта тема заслуживает отдельного, большого разговора и всестороннего описания. Здесь же отметим лишь некоторые основные ее моменты. Отработка месторождения осуществлена комплексом подземных выработок на 10 горизонтах, связанных одной основной эксплуатационной шахтой (Екатерининской) глубиной около 210 м и двумя вспомогательными (Преображенской и Вознесенской) по 102 м. При этом две первые из них заложены в висячем боку рудной зоны, что противоречит канонам горнопроходческого производства. Однако эта смелая (в то время особенно), инженерно продуманная идея полностью оправдалась и дала огромный эффект в материальных и временных затратах.

Спуско-подъемные операции в шахтах и откачка воды из них осуществлялась мощным гидросиловым комплексом, равного которому в России, возможно и в мире, не было. На большеразмерные мельничные колеса, установленные в вышеназванных шахтах, вода подавалась по водопроводной штольне из нагорного пруда, созданного при помощи двух плотин, последняя из которых построена на р. Змеевке в 1786 г. К.Д. Фроловым и сохранилась до наших дней. Водопроводная и водоотводная (Крестительская) штольни также сохранились. В нижней части Змеиногорска на р. Корбалихе были построены плотина и при ней похверк (обогатительная фабрика) для отделения руды от пустой породы. В результате с 1747 г. к 1790-м гг. основная золото- и серебросодержащая залежь месторождения, выклинившаяся до глубины 210 м, была отработана полностью с годовой производительностью до 133 (при средней 40) тыс. тонн. Производительность и срок отработки по тем временам рекордные. Причина в том, что к этому объекту было прико-

вано пристальное внимание Берг-коллегии, Кабинета Е.И.В., непосредственно руководителей государства. И не случайно. В XVIII столетии на нем добыто около 2 200 тыс. тонн руды, из которой извлечено около 983 т золотистого серебра, содержание золота в котором (по М.Ф. Розену) около 2,6%. Всего же с другими месторождениями здесь добыто около 2 550 тыс. тонн руды, меди – 3 343, свинца – 4 637 и серебра – 1 035 т. Это составляет соответственно 96, 99, 77 и 97% от общего количества их, добытых за это же время с юго-восточной (ныне казахстанской) частью Рудного Алтая. Из этого видно, что основным поставщиком благородных металлов в царскую казну в XVIII столетии была северо-западная (ныне российская) часть Алтая, а в ней главным образом - Змеиногорское месторождение. Окружающий его одноименный населенный пункт сформировался как крупный на Алтае и в Сибири в целом центр научной и инженерной мысли в области горногеологических знаний. Это о нем позднее отзовется Ф.М. Достоевский, как о более культурном и более крупном городе по сравнению с Семипалатинском, откуда он сюда не раз приезжал. Но оставим его социально-культурную сторону историкам-специалистам, здесь же отметим, что из Змеиногорска открывались многочисленные полиметаллические месторождения и месторождения поделочных камней, многие из которых и по настоящее время составляют основу цветной металлургии в Восточном Казахстане, а у нас эксплуатируются месторождения поделочных камней. Несмотря на то, что центр тяжести горнодобывающей промышленности на рубеже XVIII и XIX столетий начал интенсивно смещаться в сторону юго-восточной (ныне казахской) части Рудного Алтая, в Змеиногорске в начале XIX в. все-таки были построены свинцово-сереброплавильный завод и к нему от рудника железная дорога - конка более 2 км, первая в России такого размера и конструкции и т.д.

В XIX столетии по сравнению с предыдущим, в Змеиногорском регионе добыто руды более чем в 2, меди в 1,7 раза больше, а свинца в 9, серебра в 2 раза меньше. Это объясняется тем, что на Змеиногорском месторождении перерабатывался материал закладки выработанного в прошлом веке тела богатых руд с содержанием, например, серебра 443 г/т, а в «закладочных» и других рудах добытых в количестве почти 3 950 тыс. тонн оно составляло всего 68 г/т. Добыча руды осуществлялась и на других месторождениях региона. Однако, во второй половине XIX столетия горно-рудные работы здесь стали сворачиваться в связи с отсутствием необходимых денег у царского правительства и истощением запасов на одних месторождениях полностью, на других – богатых руд. Перспективы на открытие новых месторождений хотя и

были большие, однако поисковые работы не проводились. В 1871 г. эксплуатация Змеиногорского месторождения была прекращена и рудник затоплен. В 1894 г. практически после полной отработки серебряных руд был закрыт последний здесь рудник (Черепановский) на одноименном месторождении, где с 1780 г. было добыто более 52 т серебра. В этом же, 1894, году было прекращено пирометаллургическое производство и на Змеиногорском заводе, но был налажен электролитический процесс для получения меди из поступающих концентратов из юго-восточной части Рудного Алтая, где до этого не было ни металлургических заводов, ни электролитических фабрик.

Всего в течении XVIII-XIX столетий добыто руды около 7 860, меди - 8,9, свинца - 5,1 тыс. тонн, золотистого серебра - 1 518 т, в т.ч. на Змеиногорском месторождении 1 252 т и свободного золота - 817 кг. При этом золота, содержащегося в серебре в количестве 2,6% (по М.Ф. Розену) и извлекающегося на монетном дворе в Санкт-Петербурге, должно было быть получено около 39 т, из них из Змеиногорского серебра 32,5 т.

XX столетие характеризуется бурным расцветом геологоразведочных работ на северо-западе Алтая, приходящимся в основном на 50-80-е гг., что привело к покрытию территории кондиционной геологической съемкой разных масштабов, к созданию крупной минерально-сырьевой базы (МСБ) цветной и черной металлургии России в Алтайском крае, открытию месторождений других полезных ископаемых. С этим временем связана отработка большого количества месторождений полиметаллических руд. Но все это потом, а начиналось все, например, в части регионального геологического изучения территории с того, что, проведенная на рубеже столетий Геолкомом России (Санкт-Петербург) первая десятиверстная геологическая съемка районов Змеиногорска, Курьи, Белоглазова и т.д., завершилась в 1904 г. составлением карты и изданием монографии (ее автор, талантливый геолог Г.Г. фон Петц, в 1908 г., будучи в маршруте, погиб в Горном Алтае, где и похоронен). Разномасштабные, некондиционные съемки спородически проводились в 20-е и 30-е гг. Однако полноценные кондиционные геологические съемки на соответствующей топооснове, и с использованием геофизических и геохимических методов, были проведены практически на всей территории региона позднее, начиная с 1950 г.

Геологическая съемка, как правило, сопровождалась и поисковыми работами. В больших объемах они проводились и самостоятельно, за рамками съемки, на тот или иной вид полезного ископаемого на перспективных участках, на флангах и глубоких горизонтах известных месторождений и т.д. В результате к четырем месторождениям полиметаллических

руд (Змеиногорское, Золотушинское, Лазурское, Семеновское), известным с глубокой древности, открыто еще 11 новых месторождений в 50-80-е гг. после образования Рудно-Алтайской экспедиции. К ним относятся: Среднее, Майское, Зареченское, Новозолотушинское, Корбалихинское, Степное, Крючковское, Таловское, Рубцовское, Захаровское, Юбилейное месторождения. Всего в XX столетии открыто и разведано по высоким промышленным категориям около 78 млн тонн полиметаллических руд с высоким содержанием меди, свинца, цинка, а также промышленнозначимых — кадмия, золота, серебра и многих других металлов, что составляет в 10 раз больше того количества руд, которое было добыто здесь в два предыдущих столетия. Это — крупная минерально-сырьевая база цветной металлургии.

МСБ черной металлургии в Алтайском крае — это открытие XX столетия, хотя его начало относится к 1774 г., когда шихтмейстером Головиным у западного отрога Тигирецского хребта, сложенного крупнозернистыми гранитами, среди известняков обнаружен выход на поверхность богатых руд, считавшихся первоначально преимущественно серебро-свинцово-медными. Что это магнетитовые (железные) руды, стало известно позднее, а тогда внимание нашедших их людей привлекли налеты, примазки, землистые массы зеленого, синего, желто-коричневого цветов, которые дают сложные оксиды меди (малахит, азурит), свинца (плюмбоярозит) и т.д., о чем хорошо известно было рудознатцам того времени. Дальнейшие исследования не подтвердили наличие здесь медных и каких-либо других, практически значимых минеральных форм, кроме магнетита, являющегося основным минералом железных руд. Промышленным железорудным объектом оно считается с 1911 г.

По результатам неоднократно проводившихся работ в 50-х — нач. 80-х гг. месторождение считается крупным с запасами более 300 млн тонн руды со средним содержанием железа в них 31%. Вторым объектом тех же руд является Инское месторождение, находящееся в 30 км к востоку от Белорецкого, у северного подножия того же (Тигирецкого) хребта. Датой его открытия принято считать 1952 г., когда лесником И.В. Столяревским при помощи буссоли (компаса) были обнаружены свалы сливной магнетитовой руды. На самом деле история открытия и разведки гораздо сложнее и интереснее. Но как бы там ни было в начале 60-х гг. завершились разведочные работы с постановкой на государственный баланс запасов руд высоких категорий в количестве 163 млн тонн со средним содержанием железа 45%. И больше данные цифры запасов не менялись, несмотря на усиленную попытку сделать это в 80-е гг. В 50-е гг. в с. Харлово горно-алтайскими геофизиками и

рудноалтайскими геологами выявлено очень крупное месторождение комплексных ванадий-титано-железных руд, связанное с расслоенным интрузивным массивом габброидов. Его запасы по данным предварительных работ оцениваются первыми миллиардами тонн. Руды эти качественно аналогичны рудам Качканарской группы месторождений на Урале, а по некоторым показателям и превосходят их. Кроме того, высокое содержание глинозема в нерудной части месторождения позволяет рассматривать его и как надежный источник алюминия.

ХХ столетие пополнило список полезных ископаемых открытием здесь еще и месторождений комплексных вольфрам-редкометальных руд, пространственно и генетически связанных с массивами пермотриасовых крупнозернистых гранитов, таких как Колыванское, Белорецкое, Плитнинское, Кремлевское и др. Каждое из них имеет свою историю открытия, но особо, хотя и кратко, следует остановиться на Колыванском месторождении, которое не что иное, как уже упоминавшееся Колыванское (Демидовское) меднорудное месторождение, явившееся основой строительства первого медеплавильного завода на Алтае. Несмотря на то, что медная легкоплавкая руда была быстро выработана и в этом плане месторождение практически уже не представляло интереса, оно стало привлекать к себе внимание другими минеральными формами. Так, в 1788 г. при описании его И. Ренованцем, как медного объекта в кварцевой жиле, был впервые обнаружен вольфрамит, отнесенный им к «черному шерлу» - турмалину, содержащему, как позднее выяснилось по анализу, высокий процент триоксида вольфрама. В 1869 г. Бекк и Тейх это месторождение рассматривают уже как медно-вольфрамовое. Однако его промышленная значимость еще долго была не ясна. Однако в 1970-80-е гг. в Ново-Фирсово - Курьино-Акимовском девонском прогибе (Горный Алтай) выявлен перспективный на рудное золото Ново-Фирсовский участок. Какихлибо серьезных оценочных работ здесь пока не проводилось из-за отсутствия финансирования. Кстати, в восточной части этой структуры давно известно Мурзинское месторождение, коренное золотое оруденение которого также не изучено, хотя свободное золото, связанное с россыпью и остаточной корой выветривания, добывается с некоторыми перерывами не одно столетие.

Наряду с поисково-съемочными и разведочными работами здесь осуществлялась и эксплуатация отдельных месторождений разных полезных ископаемых. В 1903 г. основные рудные объекты были сданы в аренду иностранным комиссионерам для эксплуатационных и поисково-разведочных работ на них. Таким образом, спустя 32 года после закрытия рудника на Змеиногорском месторождении, работы на

нем были возобновлены. Компания австрийских граждан князя Александра фон Турн и Таксис и доктора права Иосифа Жаннэ начала добычу золота из кварцитов, подстилающих первично отработанное еще в XVIII в. тело богатых золото-серебро-барит-полиметаллических руд. Ранее эта часть месторождения не эксплуатировалась. До второго горизонта (глубина 42,5 м) содержание золота на отдельных участках достигало 20-40 и более г/т. Хотя в среднем по эксплуатационным блокам этот показатель был ниже, но еще достаточно высоким, особенно по сравнению с той частью кварцитов, которая залегает ниже второго горизонта. До этого горизонта австрийскими концессионерами была пройдена Александровская шахта с западной стороны карьера (ныне территория стадиона). Добытое золото отправлялось в Барнаул. Поисково-разведочные работы проводились при помощи бурения большого количества колонковых скважин глубиной до многих десятков метров. При этом, в качестве разрушающих наконечников применялись алмазные коронки. Подобные скважины бурились ими и на Лазурском месторождении. В советское время такие коронки при бурении скважины в регионе стали применять только спустя почти 60 лет.

В 1914 г., после начала войны России с Германией, Австрия, как союзница последней, отозвала свою компанию из региона и Змеиногорский рудник и другие горно-геологические объекты перешли в аренду меняющихся русско-английских акционерных обществ («Алтайских горных промыслов», «Лена-Банк», «Лена-Гольдфилдс»), которые просуществовали здесь до 1932 г. Последние по сравнению с австрийской компанией действительно больше существовали, чем что-то делали. Так, АО «Лена-Гольдфилдс» в 1925-1929 гг. ограничилось лишь добычей в небольших объемах барита из старых отвалов рудника.

В начале 1930-х гг. на Змеиногорском месторождении и в его районе начали работать государственные добывающие и геологоразведочные организации. Начали с добычи барита, а затем быстро перешли на добычу золота. По данным М.Ф. Розена (1952 г.) из кварцитов лежачего бока до глубины второго горизонта в 1935-1951 гг. извлечено золота около 3,5 т. Кроме того, 349 кг его было получено из баритового шлиха на участке дробильной фабрики, а также 360 кг золотоносной россыпи, обнаруженной в 1935 г. в левом борту р. Змеевки, у южного подножия сопки Батарейной (Райисполкомовской). Эксплуатационные работы на месторождении были прекращены в 60-е гг. Но и после этого нельзя считать его полностью отработанным. Ниже второго горизонта находятся руды (кварциты) с содержанием золота и серебра 2 и 29 г/т соответственно.

Кроме того, в этом столетии добывались полиметаллические руды еще на многих месторождениях, из которых четыре отработаны пол-

ностью, во всяком случае запасы их списаны с государственного баланса. История освоения отдельных из них хотя бы в краткой форме заслуживает быть упомянутой.

Золотушинское месторождение богатых полиметаллических руд, известное с глубокой древности, в больших масштабах начало эксплуатироваться с 1947 г., после завершения строительства на его запасах крупного горно-обогатительного комбината. Для его обслуживания в степи возник город Горняк. Годовая производительность комбината в товарной руде этого месторождения поднималась с 11,5 тыс. тонн до более чем 700 тыс. тонн. В последние годы перед закрытием комбината производительность упала до 100 тыс. тонн. Комбинат определенное время был передовым предприятием в системе Министерства цветной металлургии СССР и давал прибыль, исчисляемую многими миллионами рублей, сопоставимых с долларами США или будучи дороже последних. Всего на месторождении добыто руды на 30% больше той, которая в результате геологической разведки была поставлена на государственный баланс. С закрытием рудников на Золотушинском, Новозолотушинском и Зареченском месторождениях Алтайский ГОК в 1994 г. прекратил свое существование. В результате г. Горняк, как город горно-рудного производства, оказался обреченным.

Еще одна история. К юго-востоку от Горняка на территории Третьяковского района в 60-е гг. XX в. было открыто небольшое Крючковское месторождение окисленных полиметаллических руд с запасами золота около 1,2 т и серебра 130 т. В 70-е гг. оно было легко отработано открытым способом без особых капитальных затрат. Руда на самосвалах была вывезена в Казахстан, где и переработана без возвращения в Алтайский край какой-либо компенсации за все извлеченные благородные и цветные металлы. Это яркий пример непозволительного, а точнее говоря, преступного отношения к богатствам своих недр. И, наконец, последняя из приводимых здесь историй рудников. В трех километрах к западу от Змеиногорска находятся Среднее и Зареченское месторождения соответственно полиметаллических и золотосеребро-барит-полиметаллических руд. Последнее по составу руд сходно с Змеиногорским месторождением с той лишь разницей, что в нем имеется много пирита (соединение серы и железа). Эти месторождения отрабатывались с 60-х гг. XX в. при помощи одного шахтного комплекса выработок. После прекращения эксплуатации Змеиногорского месторождения в 60-е гг. Зареченский рудник, приняв от Змеиногорского рудника эстафету градообразующего, непрерывно наращивая темпы, просуществовал до разгара «перестроечных» событий в стране. В 1995 г. он был закрыт, а в 1997 г. поставлен на мокрую консервацию. С этого момента Змеиногорск, исторически определенный как город горняков, вслед за Горняком, перестал существовать.

Из других полезных ископаемых необходимо остановиться прежде всего на упоминавшемся уже Колыванском месторождении висмутмедно-вольфрамовых руд, которое эксплуатировалось непрерывно с 1936 по 1959 гг. Месторождение отработано до глубины 200 м. При этом на шести горизонтах пройдено 14 737 погонных метров горизонтальных выработок и одна шахта глубиной 162 м. Из-за несовершенной технологии обогащения в концентрат извлекался вольфрамит (вольфрам), минералы же других полезных элементов (меди, висмута) «отходили» в хвосты. Нам неизвестен путь движения концентрата, а затем и металла Колыванского месторождения. Можно только догадываться, что вольфрам в те трудные для страны 30-40-е гг. ХХ в. шел, в основном, на изготовление броневой стали, а затем уже на вытягивание проволоки для лампочек накаливания и т.д.

Вторым таким месторождением было Белорецкое, которое отрабатывалось артельным способом с 30-х гг. до 1942 г. с целью получения вольфрамового концентрата. Эксплуатационные работы велись только до уровня воды р. Белой, так как в то время не было возможности бороться с обильным притоком воды в выработки и рудник был закрыт. Месторождение так и осталось не отработанным полностью, хотя в нем кроме вольфрама присутствуют висмут, бериллий и флюорит.

Подводя итог прошлому в изучении и освоении недр региона, следует подчеркнуть, что XVIII и XIX столетия отличаются равенством между количеством открываемого и добываемого полезного ископаемого; XX столетие — это расцвет геологических, поисковоразведочных работ и горно-добываемого производства, это многократно более высокие темпы восполнения запасов по сравнению с темпами их выбывания, то есть в этом столетии преимущество отдано открытию новых месторождений различных полезных ископаемых.

XXI столетие будет столетием горно-добывающего производства, столетием создания и внедрения высоких технологий во всем комплексе мер рационального использования недр. Предпосылкой для этого является крупная минерально-сырьевая база цветной и черной металлургии, подготовленная к промышленному освоению в предшествующем столетии и перешедшая в наступившее. В части цветной металлургии она составляет более 50 млн тонн богатых полиметаллических руд с золотом и серебром, сосредоточенных в одиннадцати месторождениях; черной – 500 млн тонн магнетитовых (железных) руд (2 месторождения) и первые миллиарды тонн ванадийтитано-железных руд (1 месторождение) для Западно-Сибирского

металлургического комбината (г. Новокузнецк). При этом последнее может явиться сырьевым источником алюминиевой промышленности для Ачинского глиноземного комбината. Вольфрам-редкометальные мелкие месторождения после их доизучения могут представлять промышленный интерес для небольших горнодобывающих предприятий на фоне отработки месторождений цветных и черных металлов. В крае имеются перспективные объекты на рудное золото, известные с прошлых веков, оценку же и, возможно, отработку которых предстоит выполнить в наступившем веке. Из прошлого известно также много месторождений различных строительных материалов и подземных вод.

Все это наследие, явившееся результатом огромного труда многих больших и малых специализированных производственных и научных коллективов далекого и недалекого прошлого, принадлежит жителям XXI в.

В.А. Виноградов

Страницы музыкального прошлого Барнаула (камерно-симфоническая музыка в конце XIX – начале XX вв.)

Конец XIX и начало XX вв. в России характеризуется насыщенной и многообразной музыкально-общественной жизнью, особенно в Петербурге и Москве. Блистали знаменитыми именами Мариинский и Большой театры. Петербургская и Московская консерватории выпускали из своих стен великолепных музыкантов, композиторов, инструменталистов, певцов, прославивших русское искусство. В этих же городах сосредотачивалась и концертная жизнь, которая поражала масштабностью и живым интересом к самым различным явлениям мировой музыкальной культуры, обилием выдающихся исполнителей, принимавших участие в многочисленных симфонических и камерных концертах. В те годы в России параллельно действовали разнородные музыкальные общества, ставившие перед собой просветительские задачи.

Среди них самой мощной и разветвленной музыкальной организацией продолжали оставаться Русское музыкальное общество (РМО), основанное в 1859 г. и Русское хоровое общество (РХО), основанное в 1878 г. В начале XX в. РМО имело свои отделения в 34 городах России, включая и сибирские — Томск, Омск, Тобольск, Иркутск. Основную задачу эти общества видели в создании стройной системы профессионального музыкального образования и организации концертно-исполнительской деятельности. Создание обществ в городах России оказало серьезное влияние на активизацию музыкальной жизни в провинциальных городах, в том числе и в Барнауле.

Прошло более 100 лет со времени создания первого постоянно действующего оркестрового коллектива в Барнауле. Среди различных областей музыкальной культуры (театр, обучение, образование, общественные организации, концертная деятельность) пристального внимания

заслуживает оркестровое исполнительство. Отсутствие музыкально-образовательных учреждений в Барнауле, удаленность его от столичных городов, не стали помехой для увлечения серьезной музыкой наиболее просвещенной части жителей города. Значение уникальности явления, каким представляется оркестровое исполнительство, подчеркивает высокий уровень распространения струнных и духовых инструментов, наличие подготовленных музыкантов, нотного материала, концертного зала, заинтересованного руководителя-дирижера.

Как протекал процесс становления и развития оркестрового исполнительства в нашем городе? Какие факторы и тенденции ему сопутствовали? Обозначим наиболее важные из них. Они представляют определенный интерес для тех, кто изучает историю города, и всех любителей музыки. Освещение данного вопроса оправдано и с точки зрения сопоставления современной музыкальной жизни с опытом прошлого.

Вплоть до 1917 г. Барнаул осуществлял функции административного центра Алтайского горного округа. Сложная система управления округом, его принадлежность к царскому Кабинету сыграли важную роль не только в социально-экономическом развитии города, но и оказала существенное влияние на формирование особой атмосферы в духовной жизни Барнаула. В воспоминаниях современников, архивных документах сохранились сведения об увлечении городской интеллигенции музыкой. Они устраивали домашние вечера, клубные спектакли, благотворительные концерты, организовывали выступления гастролеров. В этой среде образовалась инициативная группа, официально оформившаяся в организацию «Барнаульский музыкальный кружок». 12 января 1895 г. губернатор Томской губернии утвердил устав этого кружка, состоявший из 19 пунктов. Устав предписывал следующее: «кружок имеет целью давать возможность своим членам собираться в помещении для исполнения музыкальных произведений, а также способствовать развитию музыкальных талантов среди своих членов. Для достижения означенной цели, членам кружка предоставляется право устраивать домашние и публичные музыкальные вечера и концерты, завести нотную библиотеку».

В начале марта 1895 г. музыканты провели организационное собрание, на котором председателем дирекции кружка был избран горный инженер, пианист-любитель Александр Александрович Бобятинский. Начались регулярные вечерние выступления по четвергам при клубе Горного собрания. Вот как писала об этих вечерах газета «Сибирский вестник» в 1895 г.: «...публика всегда остается довольна исполнением и получает там истинное музыкальное наслаждение, тем более мы, барнаульцы, музыкой не избалованы, поэтому нельзя не порадоваться открытию у нас «музыкального кружка» и не пожелать ему полнейшего

успеха и процветания». Так писал корреспондент-барнаулец о вечерах, устраиваемых в городе.

Иногда концерты проводились в зале Общественного собрания. Он располагался на Кузнецкой улице (ныне ул. Гоголя). Об этом мы можем узнать из публикации того же «Сибирского вестника», который, в частности, писал: «21 ноября был дан первый концерт музыкального кружка в зале Общественного собрания, удавшийся на славу: все участвовавшие в нем выполнили программу блистательно. Особенно потрудились на этом концерте А.А. Бобятинский и А.Г. Басарев. Первый – знаменитый по Барнаулу пианист, участвовал почти в каждой пьесе, а второй – прекрасною прочувствованною игрою на скрипке, исполнил, по крайней мере, половину всей программы концерта. И надо сказать правду, что он артист и в нашем городе наилучший музыкант-скрипач. Сбор более чем полный, билетов не хватило и пришлось поставить несколько добавочных стульев, а это доказывает, что подобные концерты в высшей степени желательны для барнаульской публики».

Программы вечеров музыкального кружка отличались разнообразием. Их основу составляла популярная камерно-инструментальная музыка того времени: вокальные дуэты, трио, романсы, пьесы для отдельных инструментов (скрипка, фортепиано, флейта и др.). Об успехах и удачно подобранных программах свидетельствуют их неоднократное повторение. Вход на некоторые концерты был платным, и часть денег от сбора уходила на оплату исполнителей, аренду помещения, а другая часть использовалась для приобретения инструментов и нот. Члены кружка имели определенные привилегии. Каждый из них, за меньшую плату, мог пригласить на вечер своих близких, что было и для тех и для других очень важно. Музыканты репетировали и устраивали свои концерты в свободное от основной работы время. Среди них не было ни одного профессионала – дипломированного специалиста.

Дирекция кружка серьезное внимание уделяла устройству концертов гастролеров. В зале Горного собрания проходили выступления известных музыкантов-исполнителей: К. Думчева (скрипка), А. Вербова и А. Ваксмана (виолончель), М. Ангарова (вокал), Л. Максимова (фортепиано), ставились сцены из опер «Жизнь за царя» М. Глинки, «Русалка» А. Даргомыжского и др.

Музыкальный кружок просуществовал до 1903 г. и внес большой вклад в музыкальное просвещение жителей Барнаула. В связи с отъездом из города в 1903 г. бессменного руководителя кружка А.А. Бобятинского, концерты прекратились. В 1908, 1911 гг. несколько бывших членов кружка пытались возродить его деятельность — были проведены выборы членов правления, ревизионной комиссии, казначея, но наладить работу по разным причинам не удалось. Однако некоторые музы-

канты кружка (Ларионов, Басарев, Шведе) принимали активное участие в концертах оркестра Общественного собрания, литературно-вокальномузыкальных вечерах реального училища, женской прогимназии.

Ведущая роль в музыкальной жизни города на рубеже XX в. принадлежала оркестру Барнаульского общественного собрания. Созданный в начале 90-х гг. прошлого столетия, он впервые ознакомил барнаульцев со многими произведениями в жанре симфонической музыки, не только композиторов России, но и сочинениями многих западно-европейских композиторов. О раннем периоде деятельности оркестра мало что известно. «От единственного оркестра Общественного собрания, кроме полек и вальсов редко что-нибудь можно услышать...», - сообщал местный корреспондент газеты «Сибирский вестник» (1895). Прикладной характер оркестра очевиден – исполнение танцевальной музыки на вечерах в клубе Общественного собрания. Иногда он играл в антрактах спектаклей, на маскарадах, юбилейных мероприятиях различных благотворительных обществ города. «Празднование юбилея (10-летия Общества попечения о начальном образовании - В.В.) закончилось вечером в Барнаульском Общественном собрании и состояло из двух отделений: музыкально-вокальнолитературное и танцы... пропеты серенада «Дон Жуана» Чайковского и романс Малашкина. Исполнялось два «трио» на скрипке, флейте и рояле и соло на скрипке с аккомпанементом рояля – мазурка Венявского. По требованию публики было исполнено несколько номеров на «bis», – писала газета «Сибирский вестник» в 1895 г.

В 1897 г. оркестр состоял из 9 музыкантов. С приглашением в этом же году в качестве руководителя и дирижера Абрама Исаевича Клястера оркестр увеличился до 16 человек. Вскоре это позволило открыть в клубе Общественного собрания серию вечеров, так называемых, «музыкальных сред», ставших очень популярными среди барнаульцев. Обратимся к заметке, опубликованной в газете «Сибирский вестник» в 1897 г.: «С начала нынешней зимы в Барнаульском Общественном собрании еженедельно, по средам, устраиваются музыкальные вечера, в которых преимущественно играют музыканты того собрания под управлением их капельмейстера. Вечера эти посещают члены собрания и посторонние лица... Клястер оказался очень хорошим капельмейстером и прекрасным скрипачом, всей душой преданным своему делу... В великий пост музыкальные вечера тоже продолжаются, но только не по средам, а по воскресеньям».

С приездом в Барнаул А.И. Клястера музыкальная жизнь города преобразилась. Он выполнял роль «первопроходца», успешно доказав жизнеспособность жанра камерно-симфонической музыки в отдаленном, периферийном городе. Отсутствие квалифицированных музыкан-

тов компенсировалось творческой активностью образованных людей города. Многие из них имели дипломы высших учебных заведений России. В их кругах умение играть на музыкальных инструментах и петь, а также знания из области литературы и искусства считались признаками хорошего тона.

Рассматривая с высоты прошедшего времени обширную художественно-просветительскую деятельность А.И. Клястера и оркестра Барнаульского Общественного собрания, отметим их новаторский характер. Совместные выступления с местными любителями музыки консолидировали усилия оркестра на исполнение сложных симфонических произведений собственными силами, на проведение монографических концертов, посвященных именитым композиторам: П.И. Чайковскому, М.И. Глинке, Э. Григу, Д. Верди, А.Г. Рубинштейну, Н.А. Римскому-Корсакову и др. Музыканты доказали, что существующим составом оркестра вполне возможно исполнять симфонические произведения. Анализ программ свидетельствует о планомерной, целенаправленной работе барнаульских музыкантов, которая велась на протяжении многих лет. Только благодаря этому, коллективу удавалось принимать участие в программах из 2-х и 3-х отделений, где, кроме сольных номеров, приходилось аккомпанировать певцам и хору.

Жизнедеятельность городского оркестра неизбежно была связана с множеством вынужденных экспериментов, поиском путей для самостоятельного решения порой очень сложных задач. Репертуар зачастую зависел от вкусов местной публики, материальная зависимость вынуждала угождать той части слушателей, которая предпочитала модную музыку легкого жанра. Отчасти этим можно объяснить наличие в программах многочисленных «попурри» и «фантазий» на мелодии известных опер и оперетт.

Одним из самых популярных и любимых композиторов в то время был Петр Ильич Чайковский, его инструментальные, вокально-хоровые сочинения звучали в России регулярно. Барнаульскими музыкантами в начале XX в. исполнялись сцены и отрывки из его опер «Пиковая дама», «Евгений Онегин», увертюра-фантазия «Гамлет», «Славянский марш», торжественная увертюра «1812 год».

В своих концертах оркестр с успехом и большой любовью исполнял произведения основоположника русской классической музыки Михаила Ивановича Глинки. В разные годы под управлением А.И. Клястера звучали в Барнауле его знаменитые произведения: увертюра к опере «Руслан и Людмила», «Камаринская», «Вальс-фантазия», «Ночь в Мадриде». На одном из вечеров, целиком составленном из произведений Н.А. Римского-Корсакова, прозвучали увертюра к опере «Царская невеста», песня варяжского гостя из оперы «Садко» и песня

Левко из оперы «Майская ночь». Поражает серьезность концертных программ, высокий уровень технических возможностей исполнителей, без которого немыслимо исполнение перечисленных произведений. Некоторые из перечисленных произведений таят в себе известные исполнительские трудности для музыкантов и современных симфонических оркестров, не говоря уже о любительских. Как же они преодолевались оркестром БОС?

Большая музыкальная культура коллектива в целом, без чего невозможно донести до слушателей содержание исполняемой музыки, — в этом, безусловно, великая роль руководителя и дирижера А.И. Клястера. В одной из рецензий на музыкальный вечер, посвященный памяти М.И. Глинки, и состоявший почти исключительно из его произведений, опубликованной в 1906 г. в газете «Барнаульские известия», даны анализ и оценка основным проблемам исполнительства сложной симфонической музыки местным оркестром:

«...оркестр, по своим силам, приближается к составу симфонического, без которого оркестровые произведения Глинки теряют свой смысл и не дают настоящего впечатления. Редкая для Барнаула наличность в оркестре одиннадцати смычковых при восьми духовых и 2-х ударных инструментах, дополнение не хватающего деревяннодухового квартета органом и роялем – все это содействует получению во многих местах полного аккорда. Конечно, для слушателей, привыкших к исполнению Глинкинских произведений оперными и полным симфоническим оркестрами, с обширными хорами, наш вечер казался миниатюрным: но в этом смысле критика, во-первых, должна считаться с теми музыкальными силами, которыми располагает Барнаул, а, во-вторых, и с той массой препятствий, с которыми встречается у нас симфоническая музыкальная постановка: полная акустическая неприспособленность, как зала, так и сцены (имеется ввиду зал Общественного собрания – В.В.), заменившей эстраду – представляющей из себя ловушку звуков и неразрешимую шараду для размещения инструментов и хора: полный недостаток библиотеки, музыкальных средств, заставляющей дирижера пускается в ухищрения распортировки номеров... Качественное несовершенство меди, несмотря на вполне музыкальную опытность исполнителей, тоже давало знать... нельзя не остановиться на одном общем выводе: оркестр Барнаульского собрания может захватывать интерес у публики, так и любителей музыкантов, объединяя последних - обстоятельство, существенно важное для музыкального успеха и говорящего само за себя».

Достойное место в программах оркестра занимала музыка западноевропейских композиторов. Впервые в Барнауле под управлением А.И. Клястера состоялись премьеры симфонии Л. Бетховена, Ф. Шуберта, Ф. Мендельсона, Й. Гайдна, увертюр «Сорока-воровка», «Севильский цирюльник» Д. Россини, «Волшебный стрелок» К. Вебера, «Фингалова пещера» Ф.Мендельсона, поэма «Пляска смерти» К. Сен-Санса, сюита «Пер Гюнт» Э. Грига и др.

Свидетельством творческой зрелости коллектива и его кропотливой работы, является исполнение 5-й симфонии Л. Бетховена. В анонсе на предстоящий концерт, газета «Жизнь Алтая» писала: «Задача Клястера, задумавшего дать барнаульскому обществу исполнение бессмертной симфонии Бетховена, этого колосса среди музыкальных гениев, несомненно, вызывает полное сочувствие в сердцах тех, кому дорога истинная музыка и кто ценит великое воспитательное значение ея. И как бы ни было слабо осуществление этой задачи с теми ограниченными силами, которые находятся в распоряжении Клястера, вызывает полное одобрение».

Оркестр и его дирижер часто испытывали финансовые и материальные затруднения. Проблема решалась по-разному. Наиболее удобной формой в артистической среде были концерты-бенефисы. В течение 18-летней работы с оркестром Барнаульского Общественного Собрания А.И. Клястер практически ежегодно устраивал такие концерты, и всегда старался включать в программы ранее не звучавшие произведения. Поэтому в свой бенефис он включил симфонию Бетховена и вступление к опере «Хованщина» М. Мусоргского. Рецензию на этот концерт написал известный сибирский писатель-публицист Г.Д. Гребенщиков, который отметил: «Клястер, несомненно, обладает не только большими музыкальными способностями, но и большим художественным вкусом, что оправдало программу его бенефисного музыкального вечера, успешно прошедшего 31 марта в зале Общественного собрания. Помимо дивной симфонии Бетховена, занявшей целое отделение, был представлен Мусоргский с его прелестной прелюдией к «Хованщине»... Как в Бетховене, так и в других номерах, оркестр производил необыкновенно приятное впечатление и, во всяком случае, на наш взгляд, он не испортил взятой на себя трудной и ответственной миссии...»

Необходимо остановиться на организационной структуре оркестра. Всеми делами ведала Дирекция клуба Общественного собрания. Тут же решались вопросы о репетициях и концертах, о приобретении новых инструментов, заключались контракты с отдельными музыкантами — весь круг вопросов, связанных с функционированием оркестра и его дальнейшими перспективами. Особыми полномочиями был наделен руководитель, в помощь которому на собрании выбирались несколько секретарей и казначей, которые помогали руководителю в решении административных вопросов, отвечали за подготовку нотного материала.

В 1914 г. разразилась первая мировая война. Жизнь в Барнауле резко изменилась. К лету 1915 г. в городе открылось несколько лазаретов, создавались различные благотворительные общества для сбора и распределения средств нуждающимся. Эти общества устраивали многочисленные вечера, неизменными участниками которых были и музыканты оркестра. Один из таких концертов состоялся в январе 1915 г. Чистый сбор, от этого концерта предназначался для восстановления собственной больницы общества Красного Креста. «Концерт 26 января явился бесспорным историческим событием в музыкальном мире нашего города. – писала газета «Жизнь Алтая», – Сравнительно большая сцена Народного дома (ныне концертный зал филармонии - курсив В.В.) была вся заполнена оркестром. Одних только смычковых инструментов было 18. В концерте приняли участие лучшие музыканты и вокальные силы коими в настоящее время весьма богат Барнаул. Из исполненных оркестром пьес лучше всех прошла симфоническая увертюра «Робеспьер» Митольца. На фоне хаоса звуков, изображающих бой, могуче звучала Марсельеза. Немного слабее, в смысле нюансировки, прошла знаменитая увертюра Чайковского «1812 год»... «Юмореска» Дворжака и симфоническая миниатюра «Баба Яга» А. Лядова были сыграны стройно и весьма красиво... Общее впечатление, произведенное концертом, надо признать очень сильным. Как участники, так и посетившая концерт публика долго не забудут пережитых ею в этом вечере впечатлений».

С 1 сентября 1915 г. Барнаульский клуб Общественного собрания отказался от содержания оркестра из-за отсутствия денежных средств, а также потому, что многие музыканты были призваны в действующую армию. Так завершилась судьба самобытного оркестрового коллектива под руководством А.И. Клястера.

Если мы попытаемся создать собирательный образ А.И. Клястера, то перед нами предстанет, прежде всего, энтузиаст, человек безмерно преданный делу просвещения, пропаганды классического музыкального наследия, обладающий высокой музыкальной культурой и широтой взглядов. Талантливый исполнитель, композитор, необыкновенно работоспособный — это те качества, определяющие уровень мастерства руководителя-дирижера. Деятельность Абрама Исаевича и оркестра была настолько значительной, обширной и разнообразной, что без него невозможно в полном объеме представить музыкальную жизнь Барнаула в начале XX в.

Л.М. Остертаг

Музыкальных дел мастер Семен Васильевич Шаронов

В последние годы мы все чаще стали обращаться к нашей истории, к судьбам людей, которые жили до нас, их делам, наследию.

Мало кому в нашем крае известно имя Семена Васильевича Шаронова — учителя пения, музыканта, композитора, журналиста, человека незаурядного, с многогранными интересами. Среди материалов, хранящихся в литературно-краеведческом музее средней школы № 27 г. Барнаула, есть ноты с любопытной печатью: «Столярно-обойных и музыкальных дел мастер С.В. Шаронов». Ноты эти подарила музею учитель музыки школы № 4 г. Барнаула Г.М. Бурцева, а находятся они в фонде № 18 — личном фонде Семена Васильевича Шаронова.

С.В. Шаронов – не сибиряк. Он родился в 1874 г. в селе Никульском Костромской губернии, но большая часть его жизни прошла на Алтае – в гг. Бийске и Барнауле. Крестьянин по происхождению, столяр по профессии, он не получил систематического образования, тем более музыкального, но музыку полюбил с детства. Он часами мог слушать пение и мечтал стать музыкантом или учителем пения. Но пришлось учиться другому, далекому от музыки ремеслу – столярному делу. А музыка по-прежнему жила в его душе, не покидала и надежда связать с нею свою жизнь, стать учителем пения.

По словам А.М. Топорова, друга С.В. Шаронова, ему было неизвестно, что такое праздность и лень. Огромное трудолюбие и несомненная одаренность помогли ему добиться цели. Первым реальным шагом к ее осуществлению стало пение в церковном хоре одного из соборов г. Бийска. Там он овладел и нотной грамотой. Потом научился играть на гитаре, фисгармонии. Но особенно полюбил скрипку. Тогдато, видимо, и появилась на его нотах та самая печать, о которой было упомянуто выше.

Овладеть мастерством музыканта самоучке помогли летние регентско-учительские курсы в Екатеринбурге, Одессе и Перми. С искренней благодарностью и теплотой отзывался позднее С. Шаронов о преподавателях курсов в Екатеринбурге в своей статье, опубликованной в журнале «Баян» в 1908 г.

К этому времени он уже два года работал учителем в начальных школах Барнаула. А с 16 сентября 1910 г. исполнял обязанности учителя пения в первой женской (казенной) гимназии. Но в штат гимназии зачислен не был, так как не имел специального образования. У него не было и гимназического образования, получить которое он несколько раз пытался. В фондах краевого архива сохранилось прошение С. Шаронова от 23 января 1913 г. в педагогический совет гимназии: «...не имея учительского образования, тем не менее я всю жизнь стремился таковое приобрести упорным трудом, вследствие чего почтительнейше просил бы Педагогический совет найти возможность дать мне отпуск на 2 месяца с сохранением содержания, столь необходимый для усиленной подготовки на звание учителя» (ЦХАФ АК. Ф. 36. Оп. 1. Доп. Д.6).

Кроме преподавания в гимназии, С.В. Шаронов обучал пению нижних чинов пехотного полка. В 1917 г. в течение нескольких месяцев исполнял обязанности регента Петропавловского собора – главного собора г. Барнаула. И это без специального образования!

Чем бы не занимался Семен Васильевич, он всегда вкладывал в дело свою душу. Вот как отзывалась о нем начальница женской гимназии: «Семен Васильевич Шаронов к исполнению принятых на себя обязанностей относится добросовестно и с достойным знанием дела».

Без музыки С. Шаронов не представлял себе жизни и мог говорить о ней часами. Он сближался с теми, кто, как и он, чувствовал и понимал ее. А. Топоров, узнав, что в женской гимназии пение преподает композитор, решил без всяких церемоний пойти и познакомиться с ним. В своей книге «Я — учитель», он описал момент знакомства: «Мою руку жал человек лет сорока, с открытыми серыми глазами. Несмотря на раннее утро, он был в костюме, галстуке, манжетах, гуттаперчевом воротничке. Прямые, как свежая ржаная солома, волосы прикрывали уши, светлые усики завивались на концах, широкое русское лицо расплылось в улыбке. Комната, куда он меня ввел, вся была завалена книгами, журналами, партитурами. Лежали они на этажерке, на полке, на фисгармонии. Со стен глядели портреты великих композиторов. Первая же встреча затянулась у нас часов на семь. Пели дуэты, беседовали о музыке, о литературе, о театре. Потом взялись играть — он на фисгармонии, я на скрипке». В 1914 г. А.М. Топоров подарил С.В. Шаронову

ноты, сделав на них такую надпись: «Глубочайшему ревнителю пения и музыки и моему нервному другу на память».

Однако пение барнаульского учителя в 10-е гг. XX в. слушали не только в Барнауле. В мае 1987 г., уже после смерти жены С. Шаронова – Ирины Ивановны, ее внучатая племянница Рустемова Галина Зуликаровна принесла в школьный музей несколько листов каталога пластинок фирмы «Стелла—Концерт—Рекорд». В него наряду с другими фамилиями артистов-исполнителей романсов, песен, и арий из оперетт, включена и фамилия С. Шаронова. К счастью, у одного из ленинградских коллекционеров Ю.Б. Перепелкина сохранились пластинки с записью голоса С.В. Шаронова. Он же и сообщил музею, что в 1910-1911 гг. С.В. Шаронов сделал в Москве и Петербурге 26 записей на 13 дисках: романсы, вальсы, народные песни, и посетовал: «Очень обидно, что Шаронов был записан на далеко не первоклассной фирме того времени. Хотя чувствуется даже по этим записям, что он был неплохим профессиональным певцом». Ленинградский коллекционер прислал в музей записи голоса С. Шаронова с имеющихся в его фонотеке 10 дисков.

Писал С.В. Шаронов музыку и сам. Он не был профессиональным композитором, однако в 1902 и 1909 гг. его «Гимн Гоголю» звучал не только на вечерах в учебных заведениях Барнаула, но и во время шествия учащихся по городу в день памяти писателя.

В 1912 г. к 100-летию Отечественной войны им была написана юбилейная кантата «Памяти двенадцатого года» на слова поэта-барнаульца Порфирия Казанского. Она исполнялась гимназистками Барнаула. Интересен тот факт, что на прошении С. Шаронова к попечителю Западно-Сибирского учебного округа о разрешении исполнения сочиненной им кантаты, стоит собственноручная запись попечителя Л. Лаврентьева от 16 августа 1912 г.: « Разрешаю с особенным удовольствием и благодарностью автору».

Написаны самодеятельным композитором также песни, посвященные героям гражданской войны, посевной кампании, песни для детей.

С.В. Шаронов, по утверждению А. Топорова, не только любил музыку и пение, но и «ценил их как средство дисциплинирования и воспитания в духе коллективизма». Справедливость этих слов подтверждается высказываниями самого С. Шаронова, а главное, его делами. В 20-30-е гг. в газетах «Красный Алтай» и «Советская Сибирь» он опубликовал ряд статей, в которых не уставал повторять, что музыка в школе предмет не второстепенный, она облагораживает человека, развивает его нравственно, открывает ему мир прекрасного. По мнению С.В. Шаронова, к музыкальной грамоте нужно приобщать каждого человека, особенно детей, научить их чувствовать и понимать музыку.

С этой целью он создал хор печатников, хор Союза «Иглы», пропагандировал русскую народную песню, готов был заниматься музыкой и пением со всеми желающими. На свои средства в начале XX в. он издал и раздал хористам два сборника текстов народных песен, куда вошли известные и сегодня песни «Ноченька», «Посею лебеду», «Славное море» и др.

В 1919 г. опытный учитель пения составил и издал три книжечки «Нотной азбуки для народных хоров, семьи и школы», в которых доступно и просто рассказал о нотах, привел для первых опытов начинающего музыканта несложные упражнения. В 1925 г. им выпущен сборник революционных песен, в фонде С.В. Шаронова сохранились также записи, сделанные им во время поездок по городам и селам Алтая, которые он в 1929 г. опубликовал в сборнике «На богов на попов», куда вошли песни и частушки, собранные им. В это же время появляются и его собственные «заемные», «кооперативные», «авиа» частушки, которые печатает газета «Красный Алтай». Вот две из них под названием «На ликпункте»:

Говорили раньше бабе: «Дальше кухни не ходи». Нынче ж мы все на ликпункте То ли будет, погоди.

* * *

Как нам грамота полезна, Я сама заметила: Прочитала письмецо И сама ответила.

В литературно-краеведческом музее хранится также один из ценнейших экспонатов — школьная тетрадка в мягкой обложке оранжевого цвета, на которой написано: «Шаронов С. Свадебные обряды приалтайских горнозаводских крестьян». На 38 листах тетради изложен записанный С. Шароновым в с. Локоть Алтайского края, во время его «краеведческих скитаний» в 1928 г. свадебный обряд. Главная ценность записи — песни, причитания, прибаутки, приговоры, связанные с каждым днем сибирской свадьбы, приуроченные к каждому действу, дающие представление о быте и обычаях. В конце тетради Шаронов пишет о мелодических особенностях записанных им песен и, предполагая издание их, пишет: «Ниже прилагаю нотные записи песен свадебных обрядов при-

алтайских горнозаводских крестьян, записанных со слуха лично мной и другими любителями песнотворчества. 26/VI 1930 г.»

К сожалению, нотные записи не сохранились, утрачены были скорее всего в 40-е гг. Но мы благодарны И.И. Шароновой за то, что в трудных условиях она сумела сохранить многое из того, что было сделано ее мужем, что было дорого ему.

Умер С.В. Шаронов в декабре 1937 г. В его архиве сохранились написанные незадолго до смерти наброски стихов о Барнауле. Вот о чем мечтал Семен Васильевич: «Строптивая Барнаулка оденется в гранит, пышным ковром зелени и цветников покроются ее берега, ажурным кружевом перекинутся чугунно-бетонные мосты, как легкий смычок Давида Ойстраха... И один из мостов, тот, что около бывшего сереброплавильного завода, назовут Ползуновским...»

Мосты и смычок Ойстраха... Для С.В. Шаронова, учителя пения и композитора, все самое прекрасное в жизни всегда было сопоставимо только с волшебными, чарующими звуками музыки.

Т.В. Скворцова

БАРНАУЛЬСКИЙ БОГОРОДИЦЕ-КАЗАНСКИЙ ЖЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ

В истории любого народа, как и в жизни каждого из нас, были трагедии и ошибки, соблазны и падения. Но при этом с уверенностью можно сказать, что народ наш явил миру прекрасный и светлый идеал Святой Руси. Будем же верны этому идеалу.

(из послания Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II)

Монастыри – оплот и хранители христианской веры и чистоты – твердыни православия. Это благодатная пристань для страждущих нравственными недугами. Наличие в стране монастырей есть выражение крепости и силы религиозно-нравственного духа народа.

Велика была Россия молящаяся! 1 250 монастырей было в России до революции. В них люди усваивали суть христианской жизни. Ныне мало кто знает об одном из таких духовных центров как Барнаульский Богородице-Казанский женский монастырь.

Начинался монастырь как женская община, которую создала Евдокия Ивановна Судовская, потомственная дворянка, жена коллежского асессора. Община обустроилась на арендованной Е.И. Судовской оброчной статье, называемой «Монастырская дача». Там уже в 1892 г. проживало тринадцать женщин. Не будучи в постриге, но, ведя иноческий образ жизни, женщины образовали скит. И все же общине нужны были насельницы с опытом монастырской жизни для устройства порядка и исполнения правила, положенного Св. отцами. Поэтому в 1894 г., по просьбе Е.И. Судовской и с разрешения Епархиального начальства, в Барнаул были переведены из Троицкого женского монастыря Пензенской губернии благочинная монахиня Парфения (в миру Параскева Сергеевна Мещеринова, 1841 г.р.), сестры Фроловы, старшая —

инокиня Ксения Петровна (1868 г.р.) и младшая — Матрона Петровна (1872 г.р.), инокини Матрона Мещеринова (1874 г.р.) и Феврония Ушакова (1875 г.р.). Вот эти, вновь прибывшие, и местные насельницы и положили начало женской Богородице-Казанской общине.

Официальное открытие общины состоялось 18 и 24 мая 1894 г., так как к концу этого года насельниц было уже около ста человек. А 21 февраля 1895 г., по указу Томской Духовной Консистории, монахиня Парфения была утверждена управляющей Барнаульской Богородице-Казанской женской общиной. Первой помощницей матушки Парфении стала Матрона Фролова.

5 марта 1895 г. была отстроена и освящена домовая Церковь во имя Святителя Иннокентия, первого епископа Иркутского, чудотворца, которого в Сибири почитали наравне со Святителем Николаем. Вслед за домовой Церковью, в 1896 г. была открыта школа грамоты для девочек, которая разместилась в одном из общежительных корпусов. Учителем в ней был священник Георгий Головков, а помощницей ему стала послушница общины двенадцатилетняя Пелагея Прокуророва, дочь унтер-офицера. В монастырь поступила вместе со своей матерью, Евдокией Прокуроровой, вдовой. Впоследствии Пелагея Прокуророва станет счетоводом монастыря.

Еще в сентябре 1895 г. Е.И. Судовская обратилась к Макарию, Епископу Томскому и Барнаульскому, за помощью о ходатайстве перед начальником Алтайского Округа в передаче арендуемых ею земель в собственность Барнаульской Богородице-Казанской женской общине. Епископ Макарий, в свою очередь, обратился к начальнику Горного округа с письмом, содержащим просьбу о передаче «Монастырской дачи» во владение Барнаульской женской общине посредством дара. 1 марта 1896 г. участок земли в пятнадцать десятин был передан общине в бесплатное пользование.

Участок, отведенный общине по левую сторону р. Барнаулки, несмотря на слабый болотистый грунт, местами вполне отвечал тому назначению, какое дала ему община, возведя на нем главным образом хозяйственные постройки – амбары, сараи, погреба и скотные дворы. Большую часть земель община отвела под огороды. Из жилых помещений на лучшей части участка возведены два деревянных корпуса, в одном из которых и находилась церковь общины.

А Богородице-Казанская обитель все разрасталась. Нужно было строить соборный храм. И вновь матушка Парфения обращается с ходатайством к начальнику Алтайского округа: уступить участок земли в пять десятин для постройки каменного соборного храма во имя Казанской Божией Матери и надворных строений; а так же разрешить вырубку леса для образования чистой площади для предполагаемых хра-

ма и строений. Через год с небольшим, после большой и тщательной работы по изучению грунта, под строительство храма, матушка Парфения получила акт о передаче земельного участка общине. Началась подготовка к строительству Собора: проведена вырубка части леса, заготовлена и доставлена на место значительная часть материалов. Составление проекта и сметы были поручены Епархиальному архитектору. Одновременно готовились места для постройки каменного келейного корпуса, дома для священников и церковно-приходской школы. В 1899 г. закладывается главный храм монастыря — Соборная церковь, каменная, трехпрестольная.

В этом же году по указу Томской Духовной Консистории Матрона Фролова была утверждена исполняющей должность казначеи Барнаульской Богородице-Казанской женской общины.

В 1900 г. женская община была переименована в женский общежительный монастырь, а монахиня Парфения была возведена в сан игумении.

К 1904 г. число насельниц монастыря составило уже 196 человек, в том числе 30 девочек-школьниц, призреваемых на средства монастыря. Монастырь полностью содержал себя: сеяли хлеб, косили сено, занимались огородничеством, имели пасеку, лили восковые свечи, пекли хлеб и просфоры. Были у монастыря свои иконописная, ткацкая, переплетная мастерские, чеботарня. В особом здании монастыря находилась больница на 6 кроватей для сестер. Рукодельницы-золотошвеи, шившие и вышивавшие священнические одежды и ризы, славились своим искусством далеко за пределами монастыря. Изделия золотошвеи монастыря Натальи Яковлевны Скорняковой были хорошо известны в Санкт-Петербурге и Париже. Анна Михайловна Гусева в 1904 г. получила похвальный отзыв Первой Всероссийской выставки в Санкт-Петербурге за работы гладью. Обеспечивая себя, монастырь также содержал и обучал девочек-сирот. И, конечно, неукоснительно соблюдался устав монастыря.

1 октября 1904 г. для монастыря наступил большой праздник – была отстроена и освящена Соборная церковь. Необычайно красивая, сверкающая белизной стен и золотом куполов среди изумрудной густоты сосен и елей, возвышалась она на крутом берегу р. Барнаулки. Это была самая большая церковь в г. Барнауле, вмещавшая одновременно до полутора тысяч человек. Главный престол был освящен в честь Казанской иконы Божией Матери.

Одновременно с храмом были построены два одноэтажных деревянных дома для священников, двухэтажная церковно-приходская школа и большой каменный келейный корпус. У подножия храма, куда сбегал целительный источник, была построена двухэтажная деревянная часов-

ня во имя Святителя Николая Чудотворца. Об источнике знала вся Россия, к нему везли больных и ослабленных. Для них была устроена особая купальня.

20 мая 1905 г. была освящена третья церковь – молитвенный дом с алтарем в честь Владимирской иконы Божией Матери.

Октябрьская революция, как чудовищный разлом земной коры, трещиной прошла по судьбам людей и самой страны, поглотила миллионы невинных жертв. Было разрушено то, что создавалось кропотливым трудом не одного поколения.

Русская Православная Церковь приняла страшный удар. Если в 1917 г. в России насчитывалось 80 тыс. храмов и приходов, 1 250 монастырей, то с годами их становилось все меньше и меньше. Монастыри закрывались, церкви разрушались, многие из церковнослужителей были убиты или зверски замучены.

После революционных событий в еще действующий Барнаульский монастырь шли насельницы из разогнанных монастырей с запада России. Но Богородице-Казанскому монастырю была уготована та же участь. В 1917 г. умерла первая настоятельница монастыря — игумения Парфения. За свои труды по устройству монастыря матушка Парфения в разное время была награждена Знаком Красного Креста от Российского общества Красного Креста, наперстным Крестом от Святейшего Синода, серебряной медалью на двойной Владимирской и Александровской ленте, серебряным знаком Ольгинского общества, а также получила Библию от Святейшего Синода.

Бывшая казначея Матрона Фролова, приняв постриг, стала игуменией Мариамной и понесла на своих плечах судьбу монастыря. Имена всех насельниц Богородице-Казанского женского монастыря до 1917 г. известны. После же 1917 г. ведомости насельниц либо уже не составлялись, либо, по понятным причинам, были уничтожены самими монахинями.

В 1920 г. монастырь был переименован в «Сельскохозяйственную Богородицкую Трудовую Общину», с этого момента началось постепенное уничтожение монастыря. У общины постоянно отнимали помещения, и она настолько уплотнилась, что дальнейшее сокращение помещений фактически было немыслимо. К осени 1920 г. насельниц попросту выдворили, монастырь же переименовали в «городок просвещения». Затем в разное время в нем располагались курсы красных учителей, сельхозтехникум, три детских дома, тюрьма.

Большинство сестер монастыря вернулись в «мир», разъехались по своим родным селам и деревням. Часть осталась в городе, поселившись на частных квартирах. Кое-кто из послушниц попытался «прибиться» к еще не ликвидированным храмам. Агафья Матвеевна Бряки-

на, например, стала казначеей общины верующих Знаменского собора, где и трудилась до своего ареста в 1938 г. Матрена Алексеевна Колесникова и Анастасия Афанасьевна Татарникова пекли просфоры для того же Знаменского собора. Их постигла участь многих – арест. Игуменья Мариамна поселилась в половине маленького домика по улице Пролетарской, 163, вместе со своими сестрами, бывшими насельницами монастыря. Дом находился рядом с Покровской церковью. Там тихо и молитвенно трудилась бывшая игуменья: пела на клиросе и помогала выпекать просфоры. В начале 1921 г. игуменью Мариамну арестовали, как одну из главных активисток в подготовке кулацкого восстания в с. Сорокино, и приговорили к расстрелу. Приговор, по неизвестным причинам, был заменен десятью годами заключения, а в 1924 г. ее освободили. В 1925 г. вновь арест за сокрытие церковных ценностей. Но вновь она была оправдана и освобождена. И, наконец, 4 февраля 1938 г. был произведен обыск по адресу ул. Пролетарская, 163, за которым последовал арест Фроловой Матрены Петровны. И начались допросы, на которых добивались одного – где монастырское золото? Официально же в протоколах допросов всех монахинь приводятся десятки одних и тех же имен, адресов, дат и событий, которые даже в нормальных условиях вряд ли можно так точно и в таком количестве вспомнить.

Вместе с игуменьей Мариамной было арестовано еще четырнадцать человек, среди них и бывшие насельницы ее монастыря Агафья Матвеевна Брякина и Анисья Ивановна Чуркина. Позже арестовали группу «контрреволюционеров» в пятьдесят три человека, среди которых — старшая сестра игуменьи Ксения и еще десять монахинь Богородице-Казанского монастыря. Первая группа вся была приговорена к расстрелу, во второй группе — почти каждый второй, в том числе и Ксения.

11 марта 1938 г. игуменья Мариамна была расстреляна. 7 апреля та же участь постигла Ксению.

Теперь на горе, на бывшей монастырской земле, на месте убиения сотен православных христиан, священников, монахинь, стоит скромный памятник с надписью: «Невинно убиенных пусть сила правды воскресит. Вечная память почившим». По обе стороны памятника — два православных креста на могилах. А слева, вдали, из-за стены нынешнего следственного изолятора немым укором нам виден притвор некогда величественного храма Казанской Божией Матери. Остался и переделанный, но узнаваемый, келейный каменный корпус, где сидят теперь женщины в ожидании суда. Стоит угловая монастырская башня. И в грудах мусора звенит Свято-Никольский источник, данный граду Барнаулу на спасение.

К.Н. Метельницкий

Прогулка по улице Пушкинской (по материалам фотоколлекции Алтайского государственного краеведческого музея)

Фотофонд Алтайского государственного краеведческого музея насчитывает более 20 тыс. экспонатов. Значительная часть его — это фотографии и открытки с видами старого Барнаула. Без всяких сомнений они являются золотым ядром фотоколлекции старейшего музея Сибири. Фотографы-профессионалы и любители начала XX в. проделали колоссальную работу, запечатлев на многочисленных снимках облик современного им Барнаула. Их труд оказался поистине бесценным, так как позволяет нам, живущим на исходе XX в., «пройтись» по старым улицам, «заглянуть» в синематографы, гостиницы, магазины. Вряд ли найдется более честный и беспристрастный свидетель, чем старая фотография.

Неудивительно, что наиболее часто издавались открытки с видами Московского проспекта, улиц Пушкинской, Гоголя, Л. Толстого, Петропавловской. Эти открытки и фотографии обладают колоссальным объемом информации и в определенной степени помогают заполнить пробелы на карте старого города. Они с успехом могли бы служить хорошим иллюстративным материалом для путеводителя по дореволюционному Барнаулу.

Попробуем и мы совершить небольшую прогулку по одной из самых ярких и нарядных улиц старого города — Пушкинской. О Демидовской площади написано много. Пожалуй, нет ни одного краеведческого издания по истории Алтая, где бы не было каких либо сведений об уникальном уголке старого Барнаула. К сожалению, ансамбль этот сохранился не полностью — здание богадельни в 30-е годы подверглось варварской реконструкции — уничтожены колонны, фронтон, ряд других архитектурных деталей и надстроен безликий второй этаж. Поте-

ряв свою прелесть, здание перестало быть памятником архитектуры. А ведь строилось это здание в комплексе с церковью Святого Димитрия Ростовского и вход в него был именно из последней. Для верующих это было не совсем удобно, а ведь посещали церковь не только горожане: во время Великого поста здесь говели ученики Барнаульского Императора Николая II реального училища, а также мужской и двух женских гимназий. Осенью 1905 г. это неудобство было устранено – по многочисленным ходатайствам верующих со стороны Пушкинской улицы был устроен новый вход-часовня с двумя арочными воротами и кирпичным забором. Ворота и верхняя часть забора были богато украшены изящной металлической ковкой, а за ними находился небольшой церковный сад. Часовня и сад не сохранились. На их месте сейчас находится совершенно необорудованная стоянка автобусов на площади Спартака. Сама Димитриевская церковь – как домовая – была закрыта в первые послереволюционные годы.

Напротив сада Димитриевской церкви находился двухэтажный кирпичный дом, который сохранился и поныне (ул. Пушкинская, 78). Здесь в начале века находилось богоугодное заведение – детский Мариинский приют. Воспитанницами его были только девочки, для которых при приюте работала школа. В 1909 г. в ней обучалось 24 ученицы. Одним из источников денежных поступлений Мариинского приюта являлась сдача в аренду здания, располагавшегося рядом с ним. Сейчас здесь находятся ворота для въезда на территорию объединения «Алтайтурист». Арендовал это здание синематограф «Алтай», открытый 11 апреля 1911 г. Ранее здесь же размещался синематограф «Грот». Следует заметить, что все синематографы, или электротеатры, так их тогда называли, располагались именно на улице Пушкинской. Одни синематографы, проработав один-два сезона, закрывались, не выдержав жесткой конкуренции, другие, оказавшиеся более жизнеспособными, проработали до самой революции. К числу последних относятся синематографы «Иллюзион» Лебзиной и «Новый Мир» Варена. Кстати, они тоже находились на Пушкинской улице, в районе современного театра кукол.

Фонды Алтайского краеведческого музея располагают большим количеством фотоснимков и цветных открыток с видами Пушкинской улицы при пересечении ее с Соборным переулком. Они сделаны с разных точек, иногда с крыш и даже с колокольни Петропавловского собора, захватывают не только пересечение вышеназванных улиц, но и находящиеся рядом дома. На одном из снимков хорошо видно двухэтажное здание с прекрасной резьбой и вывеской над входом, на которой нетрудно прочесть: «Аптека Крюгер». В разных ракурсах запечатлены казенная женская гимназия и дом, ей принадлежавший, богадельня, построенная барнаульским купцом Пуртовым еще в 1811 г.,

причем один из снимков богадельни Пуртова, сделанный С.И. Борисовым, поистине уникален: на нем можно увидеть праздничное убранство барнаульских домов в один из национальных русских праздников. Все стены увиты гирляндами из искусственных цветов и хвойных пород деревьев, богато украшенных плошками, применявшимися тогда для проведения праздничной иллюминации. В подвальном помещении богадельни Пуртова находилась фруктовая лавка с вывеской «Продажа верненских яблок», что также видно на одной из открыток. Фрукты с юга, часто из Верного (Алма-Ата), завозились в Барнаул круглогодично, зимой, закутанные в кошмы, — на лошадях, в санях. Всю зиму ими торговали в полуподвальных лавках, почти не отапливаемых.

Барнаульскую женскую гимназию горожане начала века называли иногда «коричневой» из-за цвета обязательной формы учениц, в отличие от «голубой» частной женской гимназии М.Ф. Будкевич, воспитаницы которой носили голубую форму. Барнаульская казенная прогимназия была открыта еще в 1877 г. В 1900 г. она была преобразована в гимназию. В то время, когда были изданы многочисленные открытки с ее изображением, то есть в 1910 г., в ней обучались 408 учениц, а преподавательскую работу вели 14 учителей. Возглавляла учебное заведение начальница гимназии, в ее подчинении были не только преподаватели, но и классные надзирательницы — их было четыре. Предметы преподавания — обычные для средних учебных заведений. В гимназии была своя домовая церковь, оборудованная попечительством барнаульских предпринимателей Ворсиных.

В начале XX в. Барнаул переживал торговый бум, к этому времени город стал крупным торговым центром, а «Сибирский торговопромышленный календарь» отмечал, что в Барнауле все мало-мальски пригодные строения до отказа были заполнены зерновым товаром. Заслуженной славой пользовалось и алтайское масло. На рынки Алтая зачастили купцы из Европейской России и стран Западной Европы. Открытой в 1897 г. гостиницы «Сибирь», принадлежавшей Звездину, явно не хватало, поэтому за короткое время в городе появилось еще несколько заведений подобного рода. Лучшей гостиницей Барнаула в то время была «Первоклассная Центральная гостиница К.П. Сасс», находившаяся между Соборным переулком и Московским проспектом, неподалеку от богадельни Пуртова.

Строительство гостиницы было закончено в мае 1908 г. Это было вместительное трехэтажное здание с балконами, украшенными оригинальной фигурной ковкой, в ней было 40 прекрасно меблированных номеров с электрическим освещением, ванными комнатами и телефонами. В гостиницу выписывались российские и иностранные газеты и журналы, имелись роскошные столовые. Нижний этаж занимал ресторан «под наблюдением опытного повара». Проживание в лучшей гос-

тинице стоило недешево, номера оценивались от 1 до 6 р. в сутки, что было значительно дороже, чем в других заведениях подобного рода. Здание гостиницы всегда использовалось по своему прямому назначению. В двадцатые-тридцатые годы в «бывшей Сасс», как тогда говорили, размещалась гостиница «Комхоз», позднее она превращается в общежитие, а первый этаж занимает памятная многим старым барнаульцам столовая № 19. В конце 70-х гг., после чрезвычайно затянувшегося ремонта, здание было разрушено, а кирпич вывезен на строительство кооперативных гаражей. Сейчас на этом месте находится пустырь.

В фотоколлекции краеведческого музея неплохо представлен участок Пушкинской улицы, примыкающий к Московскому проспекту. В начале века на месте современного магазина «Молодость», находились представительство и магазин фирмы «Зингер». Как и в любом фирменном магазине компании «Зингер», здесь можно было встретить большой выбор швейных машин и сопутствующих товаров, причем предлагались швейные машины самых новейших конструкций «с высоким рукавом и качающимся челноком от 25 руб. и выше». Широко практиковалась торговля в кредит «с платежом от одного рубля в неделю». Купивший швейную машину в фирменном магазине имел право на бесплатное обучение шитью и «модным художественным вышивкам».

Высокая кирпичная противопожарная стена отделяла магазин фирмы «Зингер» от «Молочной» и «Писчебумажного и фотографического магазина И.А. Трубицина». Это здание сейчас занимает продовольственный магазин по обслуживанию ветеранов.

Пушкинская улица выходила на Московский проспект одним из самых больших магазинов дореволюционного Барнаула – «Пассажем И.Ф. Смирнова». Он занимал целый квартал между улицами Пушкина и Гоголя. Первоначально это было двухэтажное кирпичное здание с башенными вставками по углам. Огромные окна, заполненные товаром, закрывались от перегрева и солнечных лучей в летнее время «маркизами» из плотной ткани, на ночь опускались тяжелые металлические ставни – от злоумышленников. В магазине работали отделы: модно-галантерейный, канцелярский, обувной, аптекарский, виннобакалейный, посудный, ювелирный и фотографический. Одним словом, это действительно был Пассаж - один из самых шикарных и дорогих магазинов города, с высоким уровнем сервиса: товары покупателям доставлялись на дом, а на каждую проданную вещь обязательно наклеивался художественно выполненный ярлык, свидетельствовавший, что товар приобретен именно в этой фирме и в случае обнаружения скрытого дефекта, подлежит незамедлительному обмену.

Второй этаж смирновского магазина занимал «Русский для внешней торговли банк». Многочисленные пожары не обходили стороной

это здание. Первый раз оно горело летом 1914 г., но пожар не нанес ему значительного ущерба, его быстро восстановили и расширили – надстроили третий этаж, угловые башни стали четырехэтажными. На вновь выстроенном третьем этаже разместилось управление Алтайской железной дороги. Но простояло обновленное здание недолго. Пожар 1917 г. нанес ему непоправимый урон, и в тридцатых годах оно было разобрано.

Улица Пушкинская была главным местом действия многочисленных праздников, проводившихся в Барнауле. Особенно оживленной улица становилась во время Масленицы и Рождества. По воспоминаниям старожила Барнаула, писателя Максима Дмитриевича Зверева, все три дня здесь устраивались традиционные катания на лошадях. В экипажах самых различных конструкций барнаульцы съезжались на Пушкинскую улицу и, начиная от Реального училища, ехали друг за другом до р. Оби и обратно. Вереница празднично украшенных коврами саней к полудню становилась сплошным потоком, и опоздавшим приходилось довольно долго ждать, чтобы влиться в праздничное катание, сопровождавшееся песнями под гармошку, звоном поддужных бубенцов и колокольчиков.

Я.Е. Кривоносов

Юбилейные пушкинские торжества на **А**лтае сто лет назад

Россия широко праздновала юбилей своего великого сына, праздник был поистине державным. В столицу – Санкт-Петербург – прибыли гости «из славянских земель и Франции». Богослужение в Александро-Невской лавре, торжественный акт в Петербургской духовной академии, «блестящий Пушкинский вечер» в Таврическом дворце с участием великих князей, банкет в офицерском собрании, памятный вечер в Императорском лицее и открытие памятника поэту – далеко не полный перечень общегосударственных юбилейных акций.

Страницы немногочисленных газет в юбилейные дни были заполнены сообщениями о торжествах в Томске, Бийске, Змеиногорске, Барнауле – «по всей Руси великой».

Барнаульская городская дума дважды обсуждала вопросы, связанные с подготовкой 100-летия А.С. Пушкина: 17 февраля 1899 г., за четыре месяца до юбилейной даты, она утвердила комиссию «для составления программы предстоящего празднования», а 14 апреля приняла постановление о праздновании юбилея, назначив для этого день — 26 мая, а также об отпуске 500 рублей «на сказанное» торжество.

26 мая в 9 часов утра Пушкинские юбилейные торжества в Барнауле начались литургией в Димитриевской церкви в присутствии представителей городского самоуправления, учителей и учащихся всех школ и училищ города.

Центром юбилейных торжеств стала главная улица города – Пушкинская, до сего дня именовавшаяся Иркутской. Она была сплошь украшена флагами. На перекрестке ее с Московским проспектом, на бульваре, была воздвигнута арка, декорированная гирляндами из зелени, украшенная флагами и портретами юбиляра. Около двух часов дня по улице под под звуки духового оркестра Вольного пожарного общества прошествовала

«громадная процессия» учащихся барнаульских школ и училищ. Они направились в сад Общества попечения о начальном образовании, где открылось литературно-музыкальное представление. Преподаватель городского училища И.Л. Симанин говорил о роли поэта, прочитал несколько его стихотворений. Детям раздали сборники произведений А. Пушкина. Днем и вечером у праздничной арки играл оркестр.

Вечером в саду школьного общества состоялось народное гуляние. На подмостках летнего театра артистами-любителями были исполнены произведения А.С. Пушкина: сцены из «Бориса Годунова», «Русалки». Театр был переполнен, публика была «преимущественно из простого народа». Вход в театр был бесплатный.

Торжественные акты прошли во всех учебных заведениях города.

Барнаульское самоуправление организовало подписку среди граждан города на учреждение стипендии имени А.С. Пушкина в Барнаульском реальном училище. Деньги были собраны, и впоследствии, учреждены 2 стипендии в память 100-летия со дня рождения поэта, которые присуждались ежегодно «наиболее бедным» учащимся реального училища и женской гимназии.

В Бийске пушкинские торжества прошли в здании городского училища в присутствии епископа Сергия. Ученикам были розданы портреты поэта и книги его сочинений.

В селе Змеиногорском «чествование памяти незабвенного поэта» началось, как и в Барнауле, 26 мая панихидой после литургии, затем молебном и музыкально-вокальным праздником в местной сельской школе.

В газете «Сибирский вестник» не пожелавший подписаться корреспондент подробно описал это событие:

«Учениками обоего пола соединенных школ сельской и горной прочитаны и пропеты некоторые стихотворения поэта; затем ученики и бывшие на празднике дети продефилировали под музыку пожарного общества, получили каждый по портрету Пушкина, пакеты со сластями, а умеющие читать по книжке сочинений поэта. 27-го же состоялся в зале местного общественного собрания концерт, в коем исполнена сцена в келье из «Бориса Годунова», прочитано несколько стихотворений поэта, исполнена при полной постановке баллада «Русалка» А.С. Даргомыжского и в заключение поставлена живая картина «Венчание Пушкина Славой». Кроме того, временно живущий здесь лицеист 52-го выпуска, исполняющий должность крестьянского начальника, Григорий Алексеевич Кологривов прочел стихотворение «Змеиногорский листок в лавровый венок А.С. Пушкина». Стихотворение это, вызвавшее бурю аплодисментов, по единодушному желанию присутствовавших было повторено автором со сцены и потом еще раз...»

Сообщение мое будет явно неполным, если я не приведу в этой статье упомянутое мною стихотворение.

Змеиногорский листок в лавровый венок А.С. Пушкина

Что голос мой и слабый, и нестройный Прибавит к твоему лавровому венцу? Могу ли памятник создать, тебя достойный, Тебе, великому российскому певцу?! Нет, не надеюсь я; но, слившись с общим хором, Дойдет и он в надзвездные края, Не современников язвительным укором, А гимном в честь бойца – богатыря. Сегодня весь народ наш православный, Как человек один, тебя превознесет, И в этот день, торжественный и славный, Средь общей тьмы луч света нам прольет. Вспомянут о тебе товарищи былые «В садах, где некогда ты юным процветал», И песни звучныя, могучия, святыя Во славу родины таинственно слагал; И, если будет в них хоть капля дивной силы, Хоть слабый огонек таланта твоего, Они сплетут для дорогой могилы Лицейских рифм венец для первенца его. И я, заброшенный в глуши Сибири, В тот светлый день с восторгом вижу я, Что чтит тебя во всей красе и шири Вся наша русская великая земля. Что от Москвы до Пятигорска Всяк о тебе с восторгом вспомянет, И даже здесь в глуши Змеиногорска, Наш слабый хор хвалу тебе несет. Что собраны мы все во имя дивных песен, Что славу здесь поет и детский голосок, И общий круг наш так хорош, так тесен, Что раем кажется забытый уголок!

Дружными знаками одобрения благодарила публика и исполнителей за их чтение произведений поэта, в особенности М.Б. Кандаурову за ее милое, мастерское и задушевное чтение отрывка из поэмы «Полтава» – «Тиха украинская ночь...» Очень удовлетворительно прошло и исполнение «Русалки»... Присутствующие искренне благодарили энергичных распорядителей: А.А. Недельского, Е.К. Стеблин-Каменского, Е.Д. Гнерозова, П.А. Лебедева, в особенности последнего, приложившего массу труда на организацию хора и дирижирования музыкальных номеров.

А.Д. Сергеев

Алексей Иванович Узатис: инженер и краевед*

Алтайские краеведы знают много имен горных специалистов. Их имена встречаются как в архивных описях, так и, в первую очередь, в формулярных списках чиновников горного правления и, в особенности, в кадровых списках отдельных заводов и рудников. Сотни и сотни имен можно встретить, но наслуху у краеведов только десятки, а нужных тебе в данный момент и того меньше: я имею в виду обнаружение (маленькое краеведческое открытие) точного источника «дела». К слову, инженер А.И. Узатис в моих поисках специально не значился, «мелькал» в связи со сбором сведений о крупном историографе инженере А.И. Кулибине, о путешественнике П.А. Чихачеве; рядом были В.И. Тистров (дед Н.К. Крупской), А.Г. Бояршинов (собиратель документов о И.И. Ползунове): они зачастую заслоняли другие имена. И лишь в начале 1991 г., когда я просматривал 5-й том «Горной энциклопедии» (с. 241), высветилось то, насколько велик А.И. Узатис. Однако его «очередь» наступила лишь в 1997 г., когда в отделе редкой книги Алтайской краевой универсальной научной библиотеки им. В.Я. Шишкова мы договорились собирать материалы о нем. Пытливую Валентину Петровну Кладову не надо было убеждать в необходимости этого, и в октябре 1999 г. Клуб любителей алтайской старины, по ее предложению, провел заседание, посвященное 185-летию малоизвестного краеведа, знатного алтайского инженера и крупного ученого Алексея Ивановича Узатиса.

ЗНАМЕНИТЫЙ НЕЗНАКОМЕЦ. В упомянутом выше томе «Горной энциклопедии» об А.И. Узатисе помещена краткая справка, главное в ней – определение, что он «один из основоположников отечест-

^{*} Публикуется впервые.

венной школы горной механики», а также то, что он написал учебник по горному делу энциклопедического содержания. Во втором томе этой энциклопедии в капитальнейшей и интереснейшей статье «Горное дело» книга А.И. Узатиса «Курс горного искусства» отнесена к «наиболее представительным публикациям, характеризующим в известной степени уровень горного дела на различных этапах его развития». В другой статье – «Горное образование», А. Узатис упомянут среди тех ученых, имена которых связывают с развитием горного образования в России. А в обзоре «Горные науки» отмечено, что «капитальная работа Узатиса (1843 г.) в области вскрытия и систем разработки твердых полезных ископаемых способствовала становлению и выделению отдельных дисциплин горной науки в России». Там же в статье «Демидовские премии» А. Узатис указан первым среди ученых, удостоенных почетной награды в области горного дела. В «Советском энциклопедическом словаре» (М., 1980 г.) А.И. Узатис назван автором первого русского «Курса горного искусства». В учебной, но очень солидной, книге «Грани горной науки» автор утверждает, что с изданием «фундаментальной работы» Узатиса начинается новый период в развитии горного искусства (науки), что «оно представляет длинный ряд разнообразных фактов, которые должны слиться в одно целое, чтобы составить самобытную отрасль знаний» [1, с. 39]. В другой главе той же книги отмечается огромная заслуга Узатиса, наряду с Агриколой и Ломоносовым, в создании понятийно-терминологического аппарата горной науки. Упоминание о его научных достижениях отражено и в современной краеведческой литературе [2, с. 72-74; 3, с. 10, 37].

Такие высокие оценки творчества первого алтайского инженера А.И. Узатиса в наше время не являются данью запоздалого признания. Следует отметить, что по выходу в свет «Курса горного искусства» оценку ему дали такие известные журналы того времени, как «Горный журнал» (1884, № 7), «Современник» (1884, т. XXXIII, с. 88-89). Автору была присуждена Демидовская премия [4]. Более того, именно в советское время вышла в свет первая (самостоятельная) книга А.А. Остромецкого о жизни и инженерной деятельности А. Узатиса [5]. О жизни А. Узатиса на Алтае в ней всего несколько строк. А.А. Остромецкий восстанавливал его биографию впервые, и использовал источники только ленинградских архивов; поэтому остались вне поля знаемости детство и школьные годы, и совсем белым пятном оказались десятилетия его жизни после выхода в отставку. Ни в книге А.А. Остромецкого, ни в «Горной энциклопедии» не обнаружено портрета А. Узатиса.

Скудная, фактически информационная, историография заставляет более внимательно рассматривать новые источники, которые удалось обнаружить в Центре хранения архивного фонда Алтайского края, и

вовлечь их в научный оборот. И оказывается, что не так уж мало сделали для Алтая подобные «временные краеведы».

АЛТАЙСКИЙ ПЕРИОД ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. Родился Алексей Иванович 12 марта 1814 г. в с. Архангельские городищи Ставропольского уезда Симбирской губернии, в семье канцеляриста. В 1828 г. был зачислен в Горный кадетский корпус, здесь он получил общее и специальное среднее образование, закончил его в 1834 г. и был произведен в подпоручики. Однако его не выпустили в горную службу, а теперь уже как «студента, оставили усовершенствоваться в науках» еще на один год в «старшем офицерском классе». Дело в том, что в этом году Кадетский корпус был переведен в ранг института, ввели новые программы и с 1834-1835 гг. здесь стали готовить горных инженеров с высшим образованием. В числе первых в России им стал Алексей Иванович Узатис: 31 мая 1835 г. он получил диплом с большой золотой медалью, был произведен в инженер-поручики и сразу направлен на Алтайские горные заводы. В Барнаул прибыл в начале сентября. В городе его не оставили, горный начальник Ф.Ф. Бегер поручил ему «на первый случай» осмотр рудников и заводов Змеиногорского края, чтобы этот первый горный инженер «практически мог познакомиться с горным и заводским производством». По прибытии в Змеиногорск, Узатис находился в штате управляющего, без назначения на какую-либо должность. В действительности он как ревизор объездил все (за исключением Чагырского) рудники края, все брал на заметку, в том числе и хозяйственные проблемы, а с 1 мая 1836 г. весь летний сезон провел в поисковой партии Николаевского рудника. За год накопил массу материалов, провел химические анализы руд и горных пород, высчитывал проценты потерь («угар») руды при плавке, сравнивал и анализировал скопления (точки рудопроявлений) руд на серебро, медь, свинец по признакам залегания в земных слоях и по внешним признакам очертания гор и долин. Разрабатывал геологические карты обширного рудного района. Результатом явилась большая статья «Геогностические очерки Змеиногорского края», вскоре опубликованная в «Горном журнале» (1839. № 9. С. 309-346).

Под «Змеиногорским краем» он разумел ту часть Алтайского горного округа, те рудники и заводы, которые с октября 1763 г. были подчинены конторе Змеиногорского рудника — по служебной принадлежности : административных границ «края» не было. А. Узатис в своей статье впервые определяет природно-географические границы понятия — Змеиногорский край. В начале он называет горную страну Алтай, которая связана в единстве с «главною центральною возвышенностью Азии и горными цепями северо-восточной Сибири». Выделяя в Алтае географические контуры Змеиногорского края, он считает хребет Хол-

зун его «первенствующей» возвышенностью. «Чтобы лучше представить себе орографическое положение Холзуна и связь его с Алтаем, заметим, что в вершинах реки Катуни, в центре Катунских Белков, лежит огромная гора Белуха», от нее он намечает зоны и области края на север через Чарыш и на юг через Бухтарму. И очень верно утвердил, что «к горам Змеиногорского края должны относиться так же возвышенности, лежащие на левом берегу Бухтармы, разделенные долиною этой реки от Холзуна и составляющие непосредственные отпрыски Алтая», т.е. Нарымский хребет. Очень важным научным заключением является его утверждение, что по наблюдениям напластований горных пород, их залеганию, а самое главное — по органическим окаменелостям следует говорить, что кряжи гор Алтая «еще новые в своем создании». Таким образом, применение палеонтологических сборов в определении возраста геологических эпох для Алтая впервые было применено А. Узатисом.

Змеиногорский край, по Узатису, есть рудный Алтай: рудные месторождения серебра, свинца, меди, железа весьма обыкновенны в горах Змеиногорского края. На запад и юго-запад Холзун отпускает от себя несколько горных ветвей, которые заключают все его богатейшие рудные месторождения...На левом берегу Бухтармы лежат рудники: Зыряновский, Бухтарминский, Заводинский и множество приисков, из коих некоторые подают надежду на богатство... Среди этих кряжей есть порфировые возвышенности, в которых заключаются богатые месторождения рудников Змеиногорского, Гольцовского и многих замечательных приисков...» Следует отметить, что глубокое изучение Змеиногорского края предворяло многие положения будущего учебника, где он ссылается на свою практику. Так, в главе III автор пишет: «В округе Алтайских заводов одним из важнейших признаков металлоностности являются порфиры, внешние очертания которых так резко отличаются от внешних очертаний почти неметаллоностных гранитных кряжей, что при некоторой наглядности, можно прямо очертить ту площадь, в которой нахождение металлов прямо вероятно». И он дает практический совет: «Геогностическое, хотя неполное исследование местности, должно всегда предшествовать ее разведке для того, чтобы не искать напрасно в известной формации таких минералов, которые в ней и встречаться не могут, например: каменного угля в породах метаморфических, серебра и золота в юрской почве и т.д.» Все положения начинающего ученого подтверждаются современными исследованиями.

Когда осенью 1836 г. А.И. Узатиса вернули в Барнаул, он смог заняться той программой, что была ему утверждена — описанием металлургического процесса Барнаульского завода. Выполнение подобных заданий было обязательным для выпускников Горного института, без

чего им в дальнейшей службе не могло быть повышения. Однако Узатис запоздал, его совыпускники уже обработали его тему. В своем рапорте Узатис писал: «Я был в обстоятельствах самых неблагоприятных для составления требуемых от нас описаний, ибо серебрянная плавка Барнаульского завода, как мне известно, была описана гг. Калитьевским и Строльманом. Мне оставалась для описания только механическая часть Барнаульского завода, которую я избрал по необходимости предметом, представляемых мною, на основании § 49 «Устава для горного Института» [РГИА, ф. 44, оп. 2, д. 608, л. 1]. Программу ему изменили: определили «При Барнаульском заводе заниматься практическим (! – A.C.) усовершенствованием» (!!). За короткое время - до середины 1837 - Алексей Иванович Узатис объездил все заводы: Павловский, Нижнесузунский, Гавриловский, Томский железоделательный, а раньше он побывал и на Змеиногорском, и на Локтевском. Занимался ли он на Барнаульском сереброплавильном заводе, не говоря о других, как-то «усовершенствованием», да еще ПРАКТИЧЕСКИМ, – неизвестно, не удалось пока обнаружить какихлибо «живых» документов, однако неопределенность табельной должности говорит за то, что горный начальник, видимо, продолжал считать его рядовым специалистом, неопытным инженером. Но ведь несомненно то, что Узатис именно в это время должен был написать работу о Змеиногорском крае (как можно заключить из дальнейшей его огромной занятости, в другое время он этого сделать не мог), мог бы ее представить в качестве «зачетной» (дата создания рукописи пока не известна), мог ее «показать» Бегеру.

Ничего практического на заводе он, конечно, не сделал, ибо в январе 1838 г. изменилось его служебное положение. К этому моменту управляющий Барнаульского завода инженер капитан Кованько попросил увольнения «по домашним обстоятельствам», ему в незачет дали чин майора, - и место освободилось. Горный начальник произвел переназначение и отправил документ (от 22 января), в котором об Узатисе речи не было, главному начальнику Алтайских заводов Н.А. Шленову (он находился в Томске, т.к. одновременно был губернатором). Однако навстречу уже шел приказ Н. Шленова от 26 января, и в нем говорилось, что управляющим Барнаульского завода назначается инженер майор Н.А. Соколовский, а на его место производителем проб в Главную Барнаульскую Лабораторию назначается инженер-поручик Узатис, и к нему в помощники поручик Айдаров [см. ЦХАФ АК, ф. 2, оп. 1, д. 3761, л. 237]. Горный начальник не согласился с этим и 30 января собрал горное правление, подготовил возражения и новые предложения, об Узатисе сочинил обстоятельные аргументы, но отправил документ лишь 5 февраля. Хорошо обдумав, написал: «На основании § 51

Положения о Корпусе Горн. Инж. Высочайше утверждено 1 января 1834 года поручик Узатис без особого приказа, не может быть определен к исправлению действительной должности производителя проб. (Далее Бегер напоминает, что он назначал Айдарова, но получил замечание из Штаба корпуса от 9 июня 1836 г. — А.С.)

Почему Горный начальник затрудняется в проведении в исполнение предписания Главного Начальника относительно определения поручика Узатиса к настоящей должности без особого объявления о том в приказе по Корпусу». Далее: «Сверх того, хотя находит со своей стороны поручика Узатиса достойнейшим офицером, но, имея в виду важную ответственность обязанностей производителя проб при Главной Лаборатории как по контролю всего пробования руд продуктов металлов, по всем заводам здешнего округа, так по опробованию серебра отправляемого в караванах и в особенности золота, доставляемого с частных золотых промыслов, не может со своей стороны не признать опытности в столь ответственном занятии г. Узатиса не весьма достаточного». В конечном итоге Бегер «просит Его Пр-во г. Главного Начальника, об утверждении в должности производителя проб Иваницкого, как уже несколько (? – А.С.) находившегося при этой должности и исполнявшего ее с успехом, потому более что настоящее его занятие по Астрономическим и Магнитным наблюдениям не послужат ни малейшим к тому препятствием».

Главный начальник Алтайских горных заводов инженер генералмайор и губернатор Томской губернии Николай Алексеевич Шленов страшно возмутился аргументами своего первого заместителя и фактического руководителя горного производства инженер-полковника Федора Федоровича Бегера, и создал второй официальный приказ «Об определении поручика Узатиса производителем проб при Главной Барнаульской Лаборатории (от 9 февраля 1837 г. Томск, № 166. См. л. 245-245 об.). Он удивлен: «Ни г. Горный Начальник Колывано-Воскресенских заводов, ни Горное Правление не должны встречать затруднений в исполнении моих предложений, имеющих свои законные основания, зная, что всякое сделанное мною распоряжение, остается уже прямо на моей ответственности, не подвергая оной ни в коем случае местное Горное начальство...» Затем: «...равномерно неприличным бы казалось обращать внимание мое, в отношении поручика Узатиса, на 51 § Положения о Корпусе Горных Инженеров, который я и без того имел в виду при назначении г. Узатиса к занятию сказанной должности». И, наконец: «Обязываю Алтайское горное Правление немедленно привести в исполнение предложение мое от 26 января за № 85 - об определении поручика Узатиса производителем проб при Главной Барнаульской Лаборатории...» Только 17 февраля последовал приказ Бегера, но в Формулярном списке Узатис числится в должности с 30 января. Вот с этого времени Алексей Иванович получил штатную должность, одновременно он отвечал за Химическую лабораторию и за заводской музей. Кстати заметить, от прежнего поручения «практического усовершенствования» его не освободили.

Новая должность поглощала все время, но 26 октября 1837 г. в Барнаул прибыл (по назначению) инженер-поручик М.Д. Моисеев, который был определен «к производству химических опытов и разложение золотосодержащих песков». Оказалось, что у Моисеева зачетная работа по той же проблеме, и они вдвоем занимались «усовершенствованием». Но зачетные работы индивидуальные, мы же имеем «Замечания на механические работы плавилен Алтайских заводов» от А.И. Узатиса (РГИА, ф. 44, оп. 2, д. 608, л. 4-14 с об.), здесь на л. 9 об. сказано, что «мы вместе с г. поручиком Моисеевым занялись составлением проекта совершенно новой системы...»; работа Моисеева пока не обнаружена. Данные «Замечания» выходят за пределы рядовых описаний, содержание работы свидетельствует не только о знании конкретных дел и отдельных проблем (болячек Барнаульского завода), но исходят от знаний состояния производства всего округа, всех заводов. Работа носит научно-методологический характер для подобной темы. А.И. Узатис сразу выдвигает проблему статьи, определяет задачи и обосновывает их изложение на основе существующего производства, а не отвлеченноучебного объекта. Вот его вступительные обоснования: «Степень совершенства всякой металлургической операции большого объема, должна рассматриваться в отношении достоинства механических способов, служащих к доставлению воздуха, руд, флюсов и горючего материала во внутренность печей», - сразу можно сказать, что это определение учебного характера, и что потом вошло в состав его «Курса горного искусства». И еще: «Достоинство плавки измеряется угаром металла и зависит от состава шихты, а так же от количества и качества доставляемых в печь воздуха и угля», - и это формулировка будущего учебника. Затем он дает оценку уровню металлургии на Барнаульском заводе следующей очень емкой фразой: «Многолетние опыты, совершенное познание составных частей руд, довели, наконец, здешних металлургов до истинных начал, которыми должно руководствоваться при теперешней методе плавки, и можно сказать утвердительно, что при настоящей производимости рудников, относительно большего извлечения серебра из руд, Алтайские заводы весьма близки к совершенству». Очень глубокое понимание состояния дела, это законченный тезис: мануфактурная технология плавки дошла до совершенства, ничего большего при настоящей технике уже, кажется, и требовать невозможно. Однако тут же указывает: «Но нельзя того сказать о механических работах плавилен, которым предстоит еще обширное поле усовершенствований». То есть здесь есть резервы. И это верно, мы теперь знаем, что сереброплавильное производство (технология при той технике) все XIX столетие топталось на месте. Инженер утверждает, что «Правила хорошего хозяйства непременно требует изменение этого невыгодного действия Барнаульского завода». Что же? Его работа дает возможность представить завод, здесь 24 плавиленных печи, при них два водоналивных колеса, они приводят в движение четыре деревянные цилиндрические машины, и т. п. Пруд огромный, платина огромная, объема воды, однако, еле хватает на производство утвержденного количества серебра; расход энергии зачастую идет вхолостую, производственная отдача на конечный результат незначительная. Узатис предлагает, «основываясь на самых осторожных математических вычислениях» увеличить действующую силу завода, если только изменить устройство наливных колес, заменить старые воздуходующие машины и воздухопроводные трубы деревянные и уже обветшалые, чугунными двудувными цилиндрическими машинами и чугунными воздухопроводами». Он представляет все расчеты по Барнаульскому заводу, а затем отдельно по всем другим. Выгоды и сбережения (особенно численности мастеровых) такие-то и такие-то. Ничего «революционного» (хотя наравне машины на уральских заводах и рудниках уже применяются), а лишь простое механическое (физическое) улучшение в рамках мануфактурности данных заводов. Заключает: «Нельзя сомневаться, что в первый же год действия завода при чугунных машинах, устройство их окупилось бы сбережением угля, рабочего времени и в особенности хорошим ходом печей».

Другое крупное предложение (вот это совместно с Моисеевым) состояло в рационализации с доставкой руд, флюсов, угля к «внутренности печи» и способа настилки шихты (т.е. всего того, что загружается в печь): «Степень ее совершенства измеряется числом занятых людей для ее выполнения, и зависит от более или менее правильного расположения частей плавильни (т.е. как стоят печи относительно дверей корпуса и друг друга, где находится устье печи, как устроены мостки для подноса и укладки шихты, где находятся кучи руды, угля, флюсы, как они подвозятся и т.п. – А.С.), и принятого способа настилки шихт». Молодые инженеры толково и обстоятельно показывают несовершенство теперешних работ, выдвигают свои предложения. Крайне необходимо устроить переносные железные дороги от куч руды и угля хотя бы до дверей корпуса, что уже давно сделано на других заводах России – и делают сноску на статью в «Горном журнале». Каковы подсчеты? «Итак, одна лошадь в одну минуту в состоянии перевезти по предлагаемой нами железной дороге 400 пудов чистого груза на 40

сажен; следовательно, в 4 минуты она перевезет 400 пудов руды на 130 сажен среднего расстояния от угольной свалки и рудной площадки до печей; полагая 3 минуты для обратного пути лошади, 5 минут для подъема и спуска ящиков по наклонной плоскости, 8 минут для выгрузки ящиков, – получается: 1 лошадь в 20 минут перевезет на полки 400 пудов руды или угля». Рабочая смена 12 часов, для 24 печей надо 15 600 пудов руды и угля, «следовательно, силы одной лошади будет совершенно достаточно для снабжения обоих фабрик Барнаульского завода рудою и углем». Конечно, приводятся все расчеты: на изготовление железной дороги, на строительство здесь же вогранки, количество досок для настилки новых полков и т.п., сокращение числа мастеровых (их оплата) и т.д. Только по Барнаульскому заводу на осуществление их проекта потребуется 2 950 р. (разовый расход), но сбережения в 3 678 р. (ежегодные). Затем инженеры Узатис и Моисеев приводят расчеты по всем заводам, «моментальные» выгоды: высвобождается 500 рабочих и 60 лошадей, а ежегодный доход до 200 тыс. рублей. Заключительный вывод: «Если же обратить 500 человек и 60 лошадей на серебряные наши рудники (т.е. на заводах эти «силы» уже лишние – А.С.), которые терпят большой недостаток в людях, то нельзя сомневаться что в 3 года они приведут наши заводы в полный годичный запас руд, чрезвычайная выгода которого совершенно оценена нашим Высшим Начальством, ибо непременным следствием сего (вот здесь «гвоздь» предложений – А.С.): будет более правильный фонд УПРАВЛЕНИЯ Алтайских заводов, как в техническом, так и в хозяйственном отношении. Поручик Узатис».

Пока переписывали юные радетели свои рапорты, 1 мая 1838 г. Моисеева назначили руководителем поисковой партии в Зыряновский край, а 10 мая пришло императорское повеление: «горных инженерпоручиков Узатиса и Моисеева отправить за границу, для изучения определяемой каждому особой отрасли Горных наук...» (ЦХАФ АК там же, Л. 362). За шесть дней все было сделано: Узатис сдал дела по Лабораториям и по музею Айдарову, вместо Моисеева в Зыряновск отправили Иваницкого, выдали им жалование по 10 мая, и по 472 р. 65 к. каждому прогонных на 4 260¾ версты до Санкт-Петербурга, и надо понимать, утром 17 мая 1838 г. наши замечательные краеведы покинули Барнаул, выехали на встречу «Большой Судьбы». И вот уже 20 июля А.И. Узатис рапортует Штабу, что он зачетную работу представляет. Ее рассмотрели на Ученом Комитете и пришли к заключению: направить «Заключения» горному начальству Алтайских заводов «для сведения и соображения». То есть, документ пожелательный, а необязательный, даже не требовали известить обратно Штаб, что сия бумага получена. Несомненно «Замечания» в Барнауле были получены, но пока не удалось натолкнуться на архивный след: как отреагировали на замечания. Последний «След» в ЦХАФ АК есть извещение Томской казенной палаты от 19 сентября 1838 г., что в Барнаульскую заводскую кантору возвращено 945 р. 30 к. – за прогоны для Узатиса и Моисеева (Л. 399).

«ТРУД САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ И ОРИГИНАЛЬНЫЙ...» Как установил А.А. Остромецкий, Узатис провел за границей два года, вернулся в Россию в 1840 г. и был назначен преподавателем в институт, где он вел курсы и читал лекции по горной механике и горному искусству. Одновременно разрабатывал учебник, сама книга сразу начинается с его признания: «Курс ГОРНОГО ИСКУССТВА составлен мною по поручению Начальства Института Корпуса Горных Инженеров, чтобы облегчить преподавание его в этом заведении; – и я старался передать этот предмет в современном его состоянии». Книга носит название «Курс ГОРНОГО ИСКУССТВА». Всего по решению Штаба было отпечатано 600 экз., чертежи и таблицы в отдельном приложении. Из них «за труд» Узатису выдано 200 экз., (цена книги 4 р. серебром).

По предложению академика Химии Германа Ивановича Гесса, учебник был представлен в АН на Демидовскую премию; Ученый комитет Корпуса горных инженеров поручил полковнику Д.С. Меньшенину подготовить развернутую рецензию; все обсуждения ученых и практиков сводились к тому, что этот «труд самостоятельный и оригинальный», что здесь представлен не просто учебник, не просто описано производство, горное дело, но что автор «вводит по усмотрению своему и по мере необходимости даже математические вычисления, обобщая этими формулами знания частные и так сказать наглядные, какими их признавали до сих пор. Это нововведение послужит к утверждению науки на основаниях общих и неизменных». Премия была утверждена — 5 тыс. рублей.

В том же году А.И. Узатис покинул Горный институт «по домашним обстоятельствам», числился отставным майором, писал, печатался, изобретал, работал в инженерой должности; умер 7 октября 1875 г. и похоронен на Волковом кладбище в С-Петербурге.

«ВРЕМЕННЫЕ КРАЕВЕДЫ». Алексей Иванович Узатис родился не на Алтае, но он – краевед, он начал трудовую деятельность здесь, он писал о нашем крае, хотя прожил в горном округе неполных три года. Еще меньшее время прожил здесь Михал Дмитриевич Моисеев: приехал в Барнаул 26 октября 1837 г., а выехал вместе с Узатисом, 17 мая 1838 г., но и он, как свидетельствует Узатис, писал об Алтае, не говоря о том, что досконально изучил свойства Алтайских минералов, состав руд со всех рудников округа.

Подобных деятелей много, они составляли костяк образованных земляков. Они учились в Горном училище, их распределяли по заводам и рудникам России, некоторых назначали в Алтайский горный округ. Прослужив 3-5 лет, их перебрасывали в другие округа. Временщики? Очень верно писал один Алтайский патриот, что Алтай, Барнаул «...служил только станционным пунктом для горных специалистов, в конце концов уезжавших для благодосуществования в шумную столицу. Эта бродячая интеллигенция не сроднилась с краем, не связала себя с ним органически...» [7]. Но это не означает, что «бродячие» горные офицеры не краеведы, они прекрасно знали Алтай, особенно его природные ресурсы, способствовали его развитию, составляли его культурный фонд. Поэтому изучать их надо, поэтому мы уделили внимание одному из «временных краеведов» Узатису.

История возникновения формирования, состава и существования социального слоя интеллигенции в Алтайском крае еще не разработана. Вместе с тем подобное историческое явление должно подтолкнуть архив создать на первый случай постоянный справочник, алфавитный словник по таким примерно названиям: «Специалисты народного хозяйства Алтайского горного округа 18-19 столетия. По формулярным спискам. Словарь-справочник». Задача словаря информационная, накопительная, унификационная, чтобы не оставались в забвении такие «временные краеведы», как Алексей Иванович Узатис, как Михаил Дмитриевич Моисеев. Уместно заметить на нашем заседании, что подбор фамилий некоторых алтайских специалистов уже осуществил Почетный член Клуба любителей алтайской старины В.Ф. Гришаев, создав очерк биографий начальников горного округа и книгу очерков о «горных инженерах». Но это крупные деятели, видные и достаточно известные лица. В Словарь надо включать всех выявленных по формулярам или по другим документам горных специалистов, специалистов лесного хозяйства, медиков, учителей, а не только горных инженеров. Оговорюсь, что о горных инженерах мы можем рассуждать со второй трети XIX столетия, тогда как такие выдающиеся краеведы, как Ползунов, Чулков, Риддер, Фроловы и многие другие не были инженерами, но были специалистами и они должны быть вписаны в Словарь.

Мы все – краеведы, все земляки, как прошлые поколения, так и современники. Краевед – не временное понятие, он работает всегда, он существует в текущем времени, а потому краеведение – есть вечное явление.

С.В. Андрейчук

РАБОТА БАРНАУЛЬСКОЙ ГОРОДСКОЙ ДУМЫ ПО ОРГАНИЗАЦИИ ПРОФИЛАКТИКИ И ТУШЕНИЯ ПОЖАРОВ (1877-1917 ГГ.)

В настоящее время уделяется недостаточно внимания развитию пожарной охраны города. По данным аналитического отдела краевого управления пожарной охраны, техническое состояние подразделений составляет от 57 до 89% необходимой укомплектации, финансовое обеспечение — 40%. Из-за нехватки средств не обновляется технический парк средств пожаротушения, личный состав не обеспечен в полной мере боевой одеждой. По городу недостает 6 пожарных депо, что увеличивает радиус выезда в 4-6 раз и приводит к опозданию подразделений на место пожара. Ситуация в других городах Сибири сходна с ситуацией в г. Барнауле. Во многом эта ситуация напоминает ситуацию, сложившуюся в сфере пожарной безопасности в г. Барнауле в конце XVIII — начале XX вв.

Барнаульская городская Дума, как всесословное представительное учреждение, начала функционировать в 1877 г. (согласно городового Положения 1870 г.), когда Барнаул получил статус уездного города. Деятельность Думы была прекращена в декабре 1917 г.

С первых лет существования Барнаульской городской Думы на ее заседаниях среди многочисленных рассматриваемых вопросов обсуждались и вопросы пожарной службы, противопожарной безопасности, причин пожаров в городе. Уже в начале 80-х гг. отмечалось, что причины пожаров в Барнауле сходны с причинами пожаров в других сибирских городах. Во-первых, отсутствие квалифицированной пожарной охраны. На быструю помощь пожарных рассчитывать не приходилось, т.к. вооружение пожарных было скудным, финансирование недостаточным. Во-вторых, особенности архитектурной застройки:

г. Барнаул, как типичный сибирский город, был в основном деревянным, каменные строения составляли только 10%. Нормы застройки не соблюдались, «дворы были загромождены надворными постройками, запасами дров, все это создавало трущобные условия, а также условия для быстрого распространения огня». В-третьих, технологические процессы в производстве были пожароопасными, т.к. жители города, в основном, занимались кустарным производством, таким как выделка шкур, изготовление валяной обуви. К началу XX в. в Барнауле были официально зарегистрированы девять шубных мастерских, семь предприятий по выделке кожи, семнадцать пимокатных заводов, лесопильня, мыловарня.

В 1880-х гг. Дума решала вопросы о найме пожарных старост, об увеличении содержания служащих при пожарном обозе конюхам и рабочим, о постройке нового пожарного сарая вместо пришедшего в ветхость и т.п. Еще в 1878 г. вышло постановление о запрещении держать в усадьбах склады дегтя, смолы, спичек, рогож и конопли во избежание пожаров. Склады перечисленных товаров должны были теперь устраиваться за городом. В центре города были запрещены «черные» бани и кузницы. В местах торговли лесом и сеном запрещалось курить. Все эти решения были направлены на сокращение числа пожаров в городе. Но, несмотря на внимание к вопросам пожарной охраны, количество пожаров остается большим. С 1893 по 1917 гг. в городе произошло 643 крупных пожара.

В законодательстве о городском самоуправлении от 1870 г. записано, что на городские средства обязательно относятся следующие предметы расходов: «содержание пожарных команд, устройство или наем помещений для пожарных команд с отоплением и освещением; снабжение команд провиантом и амунициею и пользование в больницах, принадлежащим сим командам чинов».

Вопросы финансирования пожарной охраны в период 1890-1900 гг. стояли на втором месте по значимости. Более значительными были расходы по содержанию городского управления.

Опираясь на архивные документы, можно проследить рост расходов на пожарную охрану с 1877 по 1889 гг. Анализируя данные, приходишь к выводу, что не все руководители города обращали одинаковое внимание на финансовые вопросы, связанные с пожарной охраной. Высокий финансовый рост наблюдается при Черкасове Александре Александровиче, который возглавлял городскую Думу с 1885 по июнь 1894 г., Казанцеве Александре Павловиче (1901-1903 гг.), Орнатском Петре Васильевиче (1903-1907 гг.).

После 1907 г. начинается спад финансового обеспечения. Для сравнения можно привести следующие данные: если в 1900 г. содержание пожарной охраны составило 11 809 р. 05 к. при доходах города в 100 тыс. рублей (11,8%), то в 1910 г. — 33 716 р., при доходах города около 600 тыс. рублей (5%). За 1913 г. на содержание пожарной охраны затрачено еще меньше средств, чем в 1910 г., всего 20 249 р. 38 к. при доходе 650 тыс. рублей. (3%), в то время как на содержание городского управления — 45 675 р. 67 к.

В 1915-1916 гг. в Барнауле произошло 163 крупных пожара, и мы считаем, что одна из главных причин — недостаточное финансирование пожарной охраны города. С ростом пожарной охраны должны расти расходы на ее содержание. Но, анализируя финансовые документы, мы видим, что финансирование этой службы после 1900 г. резко падает. Суммы увеличиваются, но в процентном отношении от бюджета города мы наблюдаем спад.

Создание пожарной охраны в городе началось еще до того, как Барнаул получил статус города. В 1863 г. после крупного пожара, городничий добился принятия сметы на создание штатной пожарной команды. Команда была сформирована из 15 солдат 10-го линейного Сибирского полка. При возникновении пожара команде обязаны были помогать жители города. Расходы на содержание взыскивались с купцов и мещан. В 1865 г. впервые были проведены выборы должностных лиц Правления Вольного Пожарного Общества. Председателем Правления избран генерал-майор В.К. Болдырев, цейхмейстером − Евгений Клевакин. Стали регулярно проводиться маневры. В 1869 г. образуется самостоятельная военизированная пожарная часть № 1. Она располагалась на Московском проспекте.

Для снабжения пожарной команды водой в городе в конце XIX — начале XX вв. была разработана целая система пожарных колодцев и водозаборных будок. По документам архива удалось установить, что пожарные колодцы находились на 2, 5, 6, 8-й Алтайских, Полковой, Воскресенской улицах, 4-м Прудском переулке, три колодца на Московском проспекте, водоподъемный колодец у городской управы, водонапорный бак на 5-й Алтайской улице, а также несколько водозаборных будок. Для подъема и перекачки воды стали использоваться помпы. Строительство пожарного водопровода началось лишь в 1914 г. Городская Дума заключила договор с частной фирмой «Нептун». Смета была составлена на 6 430 р.

По предложению Думы с 1898 г. в городе стало применяться страхование от пожара I Российским Страховым Обществом В.К. Штильке и Н.Н. Давидович-Нащинского, а в августе создано товарищество «Са-

ламандра», агентом которого был избран Е.Н. Зандрок. Товарищество помещалось на Павловской улице.

Вопросы технического состояния пожарной охраны поднимались в Думе постоянно. В 1899 г. по предложению Думы, при центральном пожарном депо созданы ремесленные цехи: кузнечный, столярный, шорный, на что потрачено 2 500 тыс. рублей. В 1895 г. были построены новые здания для пожарного обоза, а в 1902 г. — особое помещение для практических и теоретических занятий членов Барнаульского Вольного пожарного Общества. Предприниматель И.К. Платонов в 1899 г. организовал для пожарных служителей библиотеку из книг «специального, общего народного содержания». Эта думская инициатива совпала с периодом общественного пробуждения, который принято считать «противопожарной эпохой». В это время съезд пожарных деятелей на Всероссийской выставке 1892 г. выдвинул пожарное дело на уровень вопроса государственной важности.

В 1912 г. по предложению городского головы И.К. Платонова Дума постановила «усилить пожарный пост на городском баке по 5-й Алтайской улице путем найма отдельного служащего с вознаграждением 75 руб. в лето», т.к. указанный район «с каланчи по Павловской улице виден недостаточно хорошо».

В 1913 г. председатель аптечной комиссии Н.А. Завадовский указал на необходимость строительства на аптечном дворе каменного подвала для безопасного хранения легковоспламеняющихся и взрывчатых веществ, «находя безусловно недопустимым хранение в деревянном сарае в больших количествах бензина, эфира, скипидара и т.п.» И хотя строительство каменной кладовой было отложено до 1914 г., аптеке было представлено временное каменное помещение на горе.

В 1901 г. городская Дума ассигновала 100 р. для вступления Городского Общественного управления в члены-соревнователи Императорского Российского Пожарного общества. В 1914 г., «находя это в интересах пожарного дела, т.к. ввиду возрастания города и усложняющихся с каждым годом приемов огнетушения и пожарная охрана г. Барнаула должна идти наравне с современными требованиями техники и практики», Дума командировала на противопожарный съезд в Томск пожарного старосту Ягунова, выдав ему на командировочные расходы 50 р.

Барнаульская городская Дума неоднократно выражала свою благодарность пожарным за тушение пожаров. На 15-летие Барнаульского Вольного Пожарного общества Дума вынесла постановление, в котором говорилось: «Несмотря на сравнительно короткий период времени своего существования, пожарное общество успело доказать, что оно самый отзывчивый, самый надежный защитник в борьбе с всеистребляющим огнем».

2 мая 1917 г. барнаульцев постигло большое несчастье. В городе произошел грандиозный пожар. Следует отметить, что в городе и раньше случались пожары. Так, за период с 1893 по 1917 гг. их произошло 643. Но пожар 2 мая 1917 г. был самым крупным. Наиболее подробно о нем свидетельствует петроградский журнал «Пожарное дело»: «Огонь распространился с молниеносной быстротой. Сильный, порывистый ветер разносил горящие головни на далекое расстояние. В результате одновременно возникли пожары в нескольких местах. В первом часу дня порывистый ветер сменился постоянным и в городе начался настоящий ад. Огненные волны захватывали все на своем пути. Среди населения началась паника. О спасении имущества нечего было и думать. Приходилось спасать свою жизнь. Жители бежали к пароходным пристаням. Некоторые в горящей одежде бросались в Обь и тонули. Толпы людей двинулись на пароходные баржи. Сходни не выдержали тяжести и рухнули в воду, увлекая за собой обезумевших людей. Многие утонули. В одном месте толпа оказалась окруженной огнем со всех сторон. Многие не смогли выбраться из моря огня и погибли». В пожаре погибло несколько сот человек, были уничтожены более тысячи жилых и общественных зданий.

Для оказания помощи погорельцам — жителям Барнаула — объединились две формы власти: Совет народных депутатов и Барнаульская городская Дума. 3 мая в Петроград была послана телеграмма, что «пожар уничтожил 60 кварталов, свыше 3 000 семей остались без крова».

Совет народных депутатов быстрее отреагировал на случившееся бедствие: уже 4 мая в городе создается Комитет помощи погорельцам. Председатель Комитета В. Позняков сообщает, «что приблизительная сумма убытков – 9 011 445 руб.» Для оказания помощи было открыто 11 благотворительных пунктов питания и столовая на Московском проспекте (на ее открытие было израсходовано 5 137 р. 17 к.). Особо нуждающимся погорельцам выдали по 300 р. беспроцентной ссуды, сумма по тому времени довольно приличная, если считать, что мясо на базаре стоило 20 р. пуд, сотня яиц – 6 р. 50 к.

Для материальной поддержки пострадавших, в городе неоднократно проводилась благотворительная лотерея по бесплатной выдаче вещей. Среди вещей значились «пимы мужские, дамские, детские сапожки, белье, одеяла, полотенца, посуда. На организацию лотереи было израсходовано 105 р. 50 к.

Барнаульская городская Дума несколько дней откладывала решение вопроса об оказании помощи пострадавшим, из-за неявки всех представителей. Только 5 мая состоялось ее заседание.

Для оказания помощи в городе действовали следующие структуры: Комитет помощи погорельцам (председатель Позняков), группа по

ликвидации последствий пожара (руководитель М. Ярков), продовольственный комитет.

27 мая состоялось заседание Думы, которое решало вопросы восстановления города. В первую очередь решено было восстановить здания городской Управы, больницы, окружного суда, а также электростанцию. На восстановление было выделено 119 123 р.

Особо остро стоял жилищный вопрос. Городской архитектор И.Ф. Носович отправляет в Думу письмо, в котором докладывает, что «без крова осталось 1/3 населения города», «возник целый самовольный поселок против тюрьмы, в виде беспорядочно разбросанных избушек и землянок, застроились такими же жилищами участки на окраинах города. Большинство этих новых скороспелых построек возведено без всяких планов и разрешения Городской Управы.»

Такая застройка могла привести к новому бедствию, т.к. велась без учета каких-либо правил противопожарной безопасности.

Но вопрос жилищного обеспечения населения города Дума довести до конца не успела, т.к. 10 декабря 1917 г. была распущена.

Необходимо отметить, что вопросы пожарной службы и пожарной безопасности на заседаниях Думы хотя и поднимались с первых лет ее существования, но это происходило не так часто, как того требовали обстоятельства. Например, в 1906 г. состоялось 32 заседания Думы, на них рассмотрено 190 вопросов, из них всего 4 вопроса касались пожарной безопасности (для сравнения: вопросы трактирного промысла рассматривались 18 раз). Не всегда выделялись необходимые финансовые средства. Например, в 1909 г. по городской смете на содержание пожарной команды было заложено 335 665 р., а израсходовано лишь 25 927 р., т.е. менее 10% от необходимых средств.

Данная тенденция сохраняется и через 90 лет. Барнаульской городской Думой в 1994-1996 гг. на заседаниях принято 250 решений, из них по пожарной безопасности − 4 (для сравнения: по налогообложению − 40, награждением Почетными Грамотами − 48). В протоколе № 5 заседания городской Думы от 22.09.1994 г. имеется перечень приоритетных статей, пожарная безопасность в него не входит. В 1996 г. в бюджет города заложено на противопожарную службу 20 581 р., использовано 14 503 р. − 70%. На наш взгляд, необходимо уделять больше внимания проблемам пожарной безопасности. В противном случае в Барнауле возможно повторение тех бедствий, которые перенесли некоторые регионы за последние годы, да и в истории Барнаула есть даты, о которых стоит регулярно вспоминать.

Н.Д. Ростов

«...БЕЗЗАВЕТНЫМ МУЖЕСТВОМ ВАШИМ ОТЕЧЕСТВО ВСЕГДА БУДЕТ ГОРДИТЬСЯ...»

Прошлое никогда не уходит из настоящего, не покидает его, оно незримо присутствует в каждом из нас. Есть вечные и незыблемые понятия – Отчизна, честь, независимость, армия. Традиции воспитания россиян в духе беззаветного служения Родине уходят корнями вглубь истории.

Любовь к ратному труду прививалась с детства. Из поколения в поколение передавались рассказы о походах и боевых подвигах отцов, дедов и прадедов.

Воинский дух народа — не отвлеченное понятие, это его нравственная готовность к защите своего Отечества. Ни самая совершенная военная организация, ни талант полководца не могут сами по себе дать вооруженной силе надлежащий воинский дух, если его нет в народе.

В многочисленных войнах, которые вело в своей истории Российское государство, на защиту Отечества вставали и сибиряки. Стойкостью и мужеством покрыл себя славой в ходе русско-японской войны 1904-1905 гг. и составил себе прочную боевую репутацию в армии 12-й пехотный сибирский Барнаульский полк. Во всем своем блеске на далеких сопках и полях Маньчжурии наши предки проявили высокий моральный дух, любовь к Родине, готовность к самопожертвованию.

Свою историю Барнаульский полк ведет с 1711 г. Его родоначальником явился двухбатальонный Московский гарнизонный полк, стоявший в г. Тобольске. При учреждении в России в 1727 г. постоянных гарнизонов, полк был переименован в Енисейский гарнизонный.

Предки барнаульцев долгое время обслуживали караульной и конвойной службой Колывано-Воскресенские заводы. С 1747 г. они были расположены в местности Барнаульского завода, штаб-квартира остава-

лась неизменной и г. Барнаул, действительно, может считаться родным для полка.

Шли годы, менялись названия: Колывано-Воскресенский батальон, горно-штатная команда, горный батальон, сибирский линейный батальон, Алтайский горно-заводской батальон, Барнаульская местная команда.

Приказом от 30 октября 1899 г. Барнаульская местная команда была переформирована в Барнаульский резервный батальон, который вошел в состав резервных войск.

С 1900 г. батальонным праздником был установлен день 24 октября — праздник во имя Божьей Матери всех скорбящих радости. В этом же году 2 августа батальону было пожаловано знамя бывшего Алтайского горнозаводского батальона. На обеих сторонах знамени помещен Государственный герб, в центре которого изображен Георгий Победоносец.

Начавшаяся 27 января (9 февраля) 1904 г. русско-японская война, коренным образом изменила жизнь сибирских губерний. Развернутая по мобилизации японская армия, достигала свыше 375 тыс. человек, имела 114 орудий, 147 пулеметов. В ходе войны в армию было призвано свыше 1 млн человек.

При общей численности русской армии 1 135 тыс. человек, на Дальнем Востоке находилось лишь около 98 тыс. человек; здесь было всего 148 орудий и 8 пулеметов. К тому же силы были разбросаны на огромной территории Маньчжурии, Приморья и Забайкалья. Война потребовала значительного увеличения численности русской армии на театре военных действий. Ближайшими к району боевых действий, оказались Приамурский и Сибирский военные округа, из которых первыми стали отправляться на фронт воинские части.

Высочайшим повелением 28 января 1904 г. было предписано мобилизовать войска и учреждения Сибирского военного округа, считая первым днем мобилизации 2 февраля 1904 г. Кадровые воинские части округа начали подготовку и выдвижение на фронт.

К началу русско-японской войны на территории Сибири во всех крупнейших губернских и уездных городах располагались резервные батальоны, которые по мобилизационному расписанию развертывались в пехотные полки. Из этих пехотных полков на территории Сибири началось формирование IV Сибирского армейского корпуса, командиром которого был назначен генерал-лейтенант Н.П. Зарубаев. В состав этого корпуса были включены: 5-й пехотный сибирский Иркутский полк, 6-й пехотный сибирский Енисейский полк, 7-й пехотный сибирский Красноярский полк, 8-й пехотный сибирский Томский полк, 9-й пехотный сибирский Тобольский полк, 10-й пехотный сибирский Омский полк, 11-й пехотный сибирский Семипалатинский

полк, 12-й пехотный сибирский Барнаульский полк, 24-й Восточно-Сибирский саперный батальон и ряд других воинских частей. 21 мая 1904 г. приказом по Военному ведомству № 232 для IV Сибирского армейского корпуса были сформированы 1, 2, 3 и 4-й летучие артиллерийские полки. Одновременно с развертыванием корпуса, шло формирование 3, 5, 7 и 8-го полков сибирского казачьего войска и ряда других воинских частей.

Командир 12-го Барнаульского резервного батальона полковник Сергей Федорович Добротин 31 января 1904 г. был назначен командиром формируемого четырехбатальонного 12-го пехотного сибирского Барнаульского полка. Развертывание и комплектование полка проходило в военном городке № 1, строительство которого велось с 1900 г. (ныне это территория Барнаульского юридического института). Проводимая мобилизация потребовала напряженной работы как гражданских, так и военных органов управления. «Работать приходилось по целым дням, забывая частенько про обед», - отмечает участник этих событий. Первый день мобилизации застал в полку 579 старослужащих, из которых 234 человека были в командировках, а 48 состояли казенной прислугой. В числе командированных, находились и 32 унтерофицера. С началом мобилизации было приостановлено обучение молодых солдат, продолженное с передачей их 9 февраля в сформированный запасной батальон. Следует отметить очень высокие темпы развертывания полка. Первая партия запасных из Бийского уезда в числе 236 человек прибыла 8 февраля. 12 февраля явились из запаса 21 офицер, 3 врача, 1 781 нижних чина, было куплено 560 лошадей, а уже 26 февраля в штаб 3-й пехотной дивизии было донесено о сформировании полка.

Воины полка настойчиво готовились к предстоящим боевым действиям. В полку постоянно проводились учения на местности, которые «...сыграли великую услугу в деле подготовки полка к бою, и обратили старых запасных в настоящих воинов», — отмечает историограф полка М.К. Соколовский. Особенно усердно изучали офицеры полка предполагаемый театр военных действий. 2 марта им было сделано сообщение о Северной Корее, а 17 марта с ними были проведены командно-штабные учения на 20-и верстовых картах Северной Кореи.

С приездом в Барнаул 10 марта командира IV Сибирского армейского корпуса генерал-лейтенанта Н.П. Зарубаева, в полку были проведены тактические учения с 3, 5 и 10-й ротами и батальонное учение с 1-м батальоном подполковника Блезе. Командир корпуса подготовкой полка остался доволен.

Успешному решению задач развертывания и отмобилизования полка, проведению боевого слаживания и подготовке его к боевым действиям, в немалой степени способствовала и личность командира полка полковника С.Ф. Добротина. В 16 лет он поступил на военную службу и блестяще по 1-му разряду закончил Московское пехотное юнкерское училище. Более 10 лет Сергей Федорович командовал ротой. В составе 103-го пехотного Петрозаводского полка участвовал в русско-турецкой войне 1877-1878 гг. За отличия в службе был произведен в поручики и 17 октября 1901 г. – в полковники. За отличную, усердную и ревностную службу он был награжден орденом Святой Анны 2-й степени, орденами Святого Станислава 2-й и 3-й степеней. Пройдя всю свою службу в строю армейского полка, С.Ф. Добротин прекрасно изучил строевое дело и узнал во всех подробностях быт солдат и армейских офицеров. Отличаясь особою задушевностью, честностью и прямотою, С.Ф. Добротин снискал себе особую любовь среди офицеров-барнаульцев, которые считали его образцом попечительного отца-командира.

Военная энциклопедия, изданная в 1912 г. И.Д. Сытиным дает Сергею Федоровичу блестящую характеристику: «Скромный армейский работник, Добротин приобрел в действующей армии популярность отличного боевого командира... В атмосфере поражений и отступлений он сумел поддержать бодрый дух полка и смело водил его в атаки. Заслужив уважение офицеров и солдат, Добротин вызывал в своих подчиненных желание работать не за страх, а за совесть, служа им всегда примером. Вера в него офицера и солдата была велика и там, где был Добротин, по их мнению, не могло быть поражения». Об уровне военной подготовки С.Ф. Добротина свидетельствуют и две записи в его послужном списке: «18 сентября 1886 г. за выполнение условий на состязательной стрельбе на получение полкового приза он получил свидетельство. ...В октябре 1895 г. экзамен на должность уездного воинского начальника при штабе 2-го армейского корпуса в г. Вильно подполковник С.Ф. Добротин выдержал с оценкой «отлично».

Настойчиво готовил своих подчиненных к грядущим боям командир 2-го батальона подполковник Язон Александрович Ахвледиани. Он участвовал в русско-турецкой войне 1877-1878 гг. Был ранен и награжден орденом Святой Анны 4-й степени с надписью «За храбрость». За отличие в делах против японцев приказом по Военному ведомству от 11 сентября 1904 г. Я.А. Ахвледиани будет произведен в полковники, а 18 сентября командир корпуса генерал-лейтенант Н.П. Зарубаев вручит ему Георгиевский офицерский крест за отличие в бою при Дашичао. В феврале 1905 г. в Мукденском сражении он будет командовать 137-м пехотным Нежинским полком.

Одновременно с комплектованием рот и батальонов полка были сформированы предусмотренные мобилизационным расписанием от-

дельный резервный и запасной батальоны. 21 февраля отдельный батальон под командованием капитана Иванова в составе 10 офицеров, врача и 413 нижних чинов с комплектом боевых патронов выступил на станцию Обь для охраны железнодорожного пути. В феврале выступил из Барнаула и 8-й запасной батальон под командованием капитана Вахрушева. Какова судьба резервного и запасного батальонов, сформированных Барнаульским полком? Следует отметить, что аналогичные батальоны формировали и другие сибирские пехотные полки. Переменный состав запасных батальонов округа согласно мобилизационному расписанию № 18, укомплектовывался нижними чинами запаса только наполовину. Запасные батальоны были предназначены для военной подготовки и обучения запасных, ратников и новобранцев.

На 9 марта 1904 г. в ряды войск Сибирского военного округа было призвано до 100 тыс. человек. Война требовала новых пополнений. На основании императорского указа правительствующему Сенату от 23 февраля 1904 г. и просьбы командующего Сибирским военным округом генерал-лейтенанта Н.Н. Сухотина на территории округа с 1 июня 1904 г. начался призыв ратников государственного ополчения. В сентябре 1905 г. штаб Сибирского военного округа сообщил: «При мобилизации войск... округа во время войны с Японией были призваны ратники государственного ополчения, из коих 21 199 человек назначены на формирование 24 дружин государственного ополчения, 14 560 – в запасные сибирские батальоны и 2 882 – на сформирование 2-х обозных батальонов для IV Сибирского армейского корпуса». В Барнауле была сформирована дружина государственного ополчения № 13. В Бийске и Змеиногорске – дружина № 17. По штату 1894 г. они имели в своем составе 14 обер-офицеров, 3 чиновника, 957 строевых нижних чинов и 26 нестроевых нижних чинов. С августа 1904 г. 17-я дружина государственного ополчения заступила на охрану железной дороги в г. Ново-Николаевске. Смененными дружинами резервные и запасные сибирские батальоны вскоре были отправлены в действующую на Дальнем Востоке Маньчжурскую армию.

Исключительно из уроженцев Барнаульского уезда был сформирован 2-й пехотный сибирский Читинский полк. Нам также следует помнить и о 196 нижних чинах и 6 офицерах Барнаульского резервного батальона, направленных 24 сентября 1900 г. в составе 2-х рот на формирование Енисейского резервного батальона, развернутого в 1904 г. в пехотный полк в составе IV Сибирского армейского корпуса. Из анализа получателей посылок, направляемых Барнаульским отделом российского общества Красного креста можно предположить, что нашими

земляками был укомплектован и 1-й обозный батальон IV Сибирского армейского корпуса.

Готовность сибиряков защищать Отечество проявилась в многочисленных просьбах барнаульцев о зачислении в полк и в дружины государственного ополчения. Так, 6 февраля в Барнаульский полк явились местные жители с просьбою о том, чтобы их приняли в охотники. 13-я и 17-я дружины государственного ополчения были укомплектованы офицерами, подавшими просьбы об определении их на военную службу по случаю войны с Японией.

Выдвижение полка на баржах и пароходах к станции Обь началось 28 апреля 1904 г. 29 апреля выехали из Барнаула 1-й и 2-й батальоны, две роты 3-го батальона и штаб полка. 30 апреля выехали последние эшелоны с двумя ротами 3-го батальона и 4-м батальоном. 3, 4 и 5 мая полк семью эшелонами выехал на Дальний Восток. Большинство сибирских частей прибыли на Дальневосточный театр военных действий в мае 1904 г. 22 мая в Маньчжурию прибыли и эшелоны 12-го пехотного сибирского Барнаульского полка.

Какими были солдаты 12-го пехотного сибирского Барнаульского полка? Во времена проведения великих буржуазных реформ — 60-70-е гг. XIX в. — для солдат сибирских пехотных полков было введено ношение папах и разрешалось также иметь бороды. М.К. Соколовский приводит интересный пример из боевой жизни полка, который помогает нам представить с большой точностью внешний образ наших героических и мужественных предков. В 1905 г. «6 сентября полк на позиции справлял праздник. Бивуак был украшен зеленью... на главной аллее воздвигнута триумфальная арка... В 4 часа подъехал генерал-адъютант Куропаткин с генерал-лейтенантом Гудимом-Левкочем. Обходя фронт и здороваясь, генерал Куропаткин несколько раз говорил генералу Гудиму: «Вот, смотрите, какие у меня молодцы Барнаульцы. Какие старые, бородатые, но сердитые».

Воины-сибиряки были глубоко верующими людьми. Вера в бога, царя и Отечество для них были неразделимы. Полковым священником был назначен отец Николай Слободский. Образ Спасителя, Святые иконы и отец Н. Слободский находились всегда вместе с воинами, поддерживая боевой дух полка.

26 февраля жители г. Бийска преподнесли полку образ Спаса Нерукотворного. А перед выступлением в военный поход от начальника Алтайского округа полк получил в напутствие образ Святого Николая Чудотворца, от г. Барнаула — образ Спасителя, от Вольного пожарного общества — образ Спасителя.

При выступлении 6 февраля 1904 г. 8-го запасного батальона полка Барнаульским отделом российского общества Красного креста воинам была поднесена Святая икона Божией Матери. Полку при убытии было поднесено напрестольное Евангелие, а священнику полка отцу Н. Слободскому — напрестольный крест. Святая икона была поднесена отделом общества и при отправке 13-й Барнаульской дружины государственного ополчения в июле 1904 г. Позднее для каждой дружины были определены святые-покровители. Святую икону Барнаульский отдел Российского общества Красного креста в 1904 г. направил и отбывающему в армию 2-му пехотному сибирскому Читинскому полку. С настоятелем Мариинской походной церкви Красного креста в Действующей армии отцом Е. Макаренко осенью 1904 г. были отправлены для походной церкви крест напрестольный и воздухи церковные.

Первое боевое крещение барнаульцы приняли 1 (13) и 2 (14) июня 1904 г. в отряде генерал-лейтенанта П.И. Мищенко у д. Саньдяо и Сахотана. Полк во главе с командиром полковником С.Ф. Добротиным 4 раза переходил в контратаку и отразил противника штыками, не допустив его до главной позиции.

Всероссийскую славу барнаульцам принесла их доблесть и мужество в сражении при Дашичао 10 (23) – 11 (24) июля 1904 г., где I и IV Сибирские корпуса, заняв оборонительную позицию, преградили путь выдвигающейся к Ляояну 2-й японской армии. Насколько важна была стойкая и упорная оборона наших войск у Дашичао? «Этот пункт имел важное стратегическое значение, – отмечает В.А. Апушкин, – ...стоя на позиции у Дашичао, мы владели Инкоу, владея Инкоу – владели всем течением Ляохэ, что было крайне важно уже потому, что по этой реке доставлялись нам в изобилии из Монголии фураж, скот и продовольственные припасы; потому что владея Ляохэ, мы закрывали доступ японцам в Монголию».

11 июля в 5 ч 20 мин раздался первый орудийный выстрел. В течение 15 часов не умолкала артиллерийская канонада. Японские войска стремительно атаковали центр нашей позиции, занятый 12-м пехотным сибирским Барнаульским полком. Отброшенные штыками барнаульцев, они сосредоточили против одного полка целую дивизию. Находившийся в течение 15 часов под непрерывным артиллерийским огнем противника, полк четырежды поднимался в штыковую атаку и не уступил своей позиции. Командир IV Сибирского армейского корпуса генерал-лейтенант Н.П. Зарубаев писал об этом бое: «По долгу службы свидетельствую о выдающейся стойкости всех подчиненных мне войск... в этом тяжелом пятнадцатичасовом бою в особенности выразилась несокрушимая стойкость сибирских полков, на которые обру-

шился главный удар противника. Ни одна пядь земли на позициях не была ими уступлена, несмотря на огромное численное превосходство и повторные атаки в центр, где дело четыре раза доходило до штыкового боя, которого японцы не выдерживали».

«Они дрались с присущим сибирякам упорством, – отмечает офицер Генерального штаба А.А. Игнатьев, – считая, что защищают на войне свою родную Сибирь».

В приказе № 265 от 4 августа 1904 г. войскам Сибирского военного округа командующий войсками округа генерал-лейтенант Н.Н. Сухотин привел слова генерал-лейтенанта Н.П. Зарубаева из донесения об упорном бое частей корпуса при Дашичао, у Наньдалина и Цянджаны: «Высокую доблесть духа проявили в этом деле тобольцы, томцы, семипалатинцы и в особенности Барнаульский полк, стяжавший себе громкую боевую славу. Командир этого геройского полка полковник Добротин лихо сметал вражеские атаки и, четыре раза бросаясь в штыки, опрокидывал и преследовал японцев».

В.А. Апушкин отмечает, что «...Только в половине 8-го часа вечера японцы, наконец, отважились под покровом быстро сгущающихся сумерек произвести штыковую атаку на центр нашей позиции, но барнаульцы лихо ее отбили штыками и еще три раза бросались японцы на нашу позицию, но каждый раз барнаульцы встречали их штыковой атакой, а томцы – метким ружейным огнем... Видя безуспешность всех своих усилий, японцы прекратили бой в 9 часов вечера».

Иллюстрированная летопись русско-японской войны подводя итог двухдневного сражения под Дашичао писала: «...Бой закончился... решительным отбитием 4-х последовательных японских атак на позиции 12-го пехотного сибирского Барнаульского полка у д. Цяньчжайцзы. Эти атаки отчаянно велись двумя полками японской пехоты, подкрепленными третьим, но все окончились бегством... Японские солдаты и на этот раз не выдержали лихих контратак барнаульских батальонов, штыками сбрасывавших врага назад на долину. Четвертая и последняя атака японцев закончилась тем же порядком: встретив выдержанным спокойным огнем отчаянно наступавших японцев, Барнаульский полк, подкрепленный частями 8-го пехотного сибирского Томского полка, снова ударом опрокинул японские батальоны и гнал их на протяжении более полуверсты по склонам высот, усеянных массою трупов японцев - жертв трех предшествовавших атак. Тяжесть выпавшего на долю доблестного Барнаульского полка и его командира полковника Добротина испытания лучше всего характеризуется убылью из строя около 8% его состава».

В.И. Немирович-Данченко, подробно и ярко описавший в «Русском слове» бой при Дашичао, особо отметил, что «слава этого дня барнаульцам и томцам ... Барнаульцы не выходили из-под шрапнелей, выдержали штыковой бой и понесли наиболее потерь».

Известный советский художник-баталист, корреспондент журнала «Нива» Николай Семенович Самокиш, семь месяцев прошедший боевой путь на передней линии огня рядовым солдатом 52-го Нежинского драгунского полка, запечатлел в своем творчестве одну из упорнейших и самоотверженных контратак Барнаульского полка под Дашичао 11 (24) июля 1904 г. Вглядываясь в удивительный по силе и выразительности рисунок художника, обратимся к описанию М.К. Соколовским одной из контратак барнаульцев: «...После ужасного получасового огня японцы с криками «банзай» ринулись вперед. Роты, подпустив японцев на 25-30 шагов, открыли огонь залпами и пачками, а охотничья команда зашла в тыл японцев. Японцы отступили, а затем снова повторили атаку. 2 и 3 батальоны и охотничья команда встретили их залпом и пошли в штыки, но японцы не приняли удара и быстро отступили, отстреливаясь и загораживая себя от удара штыком вытянутой рукой с ружьем. Барнаульцы у некоторых японцев вырывали из рук винтовки и закалывали их. ...Неприятель выпустил несколько тысяч снарядов... но... с беззаветной храбростью, стойкостью и мужеством барнаульцы выдержали этот ужасный день», - отмечает М.К. Соколовский. В 9 ч 30 мин вечера сражение завершилось.

Упорству и стойкости сибирских полков способствовали и умелые действия русской артиллерии. Развернувшийся 10 (23) июля бой вылился в артиллерийскую перестрелку, которая продолжалась весь день. В этом бою русские артиллеристы успешно применили стрельбу с закрытых позиций. С этой целью огневые позиции для артиллерии были выбраны за гребнями высот. Управление огнем артиллерии осуществлялось с наблюдательных пунктов, расположенных впереди батарей. В течение дня семь русских батарей, расположенных на закрытых позициях, успешно вели огневую борьбу с семью японскими артиллерийскими полками, которые стреляли с открытых позиций. Японцы не смогли выявить и подавить русские батареи.

11 (24) июля особенно отличилась 2-я батарея 9-й Восточно-Сибирской стрелковой артиллерийской бригады под командованием подполковника А.Г. Пащенко. В течение всего 15-ти часового непрерывного боя она успешно вела борьбу с 6-ю японскими батареями. В этом бою батарея выпустила 4 178 патронов. Будучи раненым в левую руку подполковник А.Г. Пащенко продолжал руководить огнем батареи. Командир IV Сибирского армейского корпуса генерал-лейтенант

Н.П. Зарубаев, прибыв на огневые позиции артиллеристов, подойдя к батарее, снял фуражку и поклонился в пояс, благодарил воинов и пожелал скорейшего выздоровления их командиру. 13 (26) июля подполковник А.Г. Пащенко был награжден орденом Святого Станислава 2-й степени с мечами.

Из 5 человек Маньчжурской армии, удостоенных ордена Святого Георгия 4-й степени в боях за Дашичао, 3 человека — офицеры Барнаульского полка.

За проявленные в этом сражении стойкость и мужество приказом по Военному ведомству от 13 февраля 1905 г. ордена святого Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени были удостоены: Командир полка полковник С.Ф. Добротин за то, что во время 16-часового боя 11 июля 1904 г., несмотря на сильнейший артиллерийский и ружейный огонь, отбил четыре атаки японцев, проявляя удивительное хладнокровие, мужество и распорядительность, причем под его начальством полк несколько раз бросался в штыки. Командир 3-го батальона подполковник В.Ф. Побоевский занимал со своим батальоном передовую позицию, несмотря на страшный огонь противника, отразили восемь его атак и не отдали позиции. Четыре раза со своим 2-м батальоном ходил в штыки подполковник Я.А. Ахвледиани и отразил попытки японцев занять прорыв, образовавшийся на левом фланге нашей позиции.

Орденом Святого равноапостольного князя Владимира 4-й степени были награждены: командир батальона подполковник П.В. Красноленский, капитаны В. Дмитриев и В. Войцеховский, штабс-капитан П. Симаков, поручик Н. Ляшковский.

Все остальные офицеры получили другие награды, и ни один не остался не награжденным, ...процент боевых наград за это дело, – отмечает М.К. Соколовский, – составлял 100%, на каждую роту было выдано по 6 знаков отличия Военного Ордена. 17 июля 1904 г. прибывший командующий Маньчжурской армией генерал-адъютант А.Н. Куропаткин лично вручил отличившимся нижним чинам Барнаульского полка 96 знаков отличия Военного Ордена.

Высочайшим приказом 1 января 1907 г. полк был награжден Георгиевским знаменем с надписью «за Дашичао 10-11 июля 1904 года» и боевыми серебряными трубами.

Потери русской армии за два дня сражения составили убитыми 13 офицеров и 182 нижних чина, ранеными 51 офицер и 913 нижних чинов. Тяжелые потери понес и 12-й пехотный сибирский Барнаульский полк. Были убиты: командир 10-й роты штабс-капитан Петр Сердановский, возглавивший атаку своих подчиненных; батальонный адъютант

подпоручик Чеслав Оношкович-Яцына, подпоручик Митрофан Данилевский и 37 нижних чинов; ранены: поручик Николай Грохольский, подпоручики Александр Иванович Муравецкий, Василий Канстанский, на Янзелимском перевале ранен подпоручик Никита Коновалов и 167 нижних чинов; контужены: подпоручик Всеволод Рязанов сильно и 27 нижних чинов; остались на поле сражения без вести пропавшими 12 нижних чинов. Убитые были похоронены в д. Цзан-чжайцзы.

Барнаульский полк принял участие и в сражении под Ляояном, которое началось 11 (24) августа 1904 г. на фронте в 75 километров и продолжалось в течение 11 суток до 21 августа (3 сентября). По своему размаху это было первое в истории русско-японской войны столкновение главных сил сторон. Это было первое сражение, в котором встретились две массовые армии, оснащенные скорострельной артиллерией, магазинными винтовками и пулеметами. Японское командование, стремясь нанести поражение русской армии раньше, чем к ней подойдут резервы из центральных районов России, приняло решение начать сражение в обстановке численного превосходства на стороне русской армии: японцы имели 125 тыс. человек и 484 орудия, русская армия насчитывала 160 тыс. человек и 592 орудия.

Только за один день боя у д. Цяньши-цаоцзы полк потерял нижних чинов: убитыми — 3, ранеными — 45, контуженными — 6 и без вести пропавшими — 7 человек. Был ранен подпоручик Василий Верещагин.

За проявленные доблесть и мужество подполковник Вячеслав Францевич Побоевский был удостоен золотого оружия «за храбрость». Знаком отличия Военного Ордена 4-й степени были награждены рядовые: Павел Володин, Николай Ивойлов, Марк Соснин, Егор Бояркин.

12-й пехотный сибирский Барнаульский полк принял участие и в сражении на реке Шахэ 22 сентября (5 октября) – 4 (17) октября 1904 г.

К концу сентября 1904 г. японская армия, вышедшая на р. Шахэ, насчитывала 170 тыс. человек и 648 орудий. Русская армия имела в своем составе 210 тыс. человек и 758 орудий. Главный удар был нанесен русской армией 5 октября в горной местности. Развернулись ожесточенные встречные бои, продолжавшиеся до 15 октября. С захватом русскими воинами важной в тактическом отношении «Путиловской» сопки в ночь с 15 на 16 октября наступательные действия сторон были завершены. Впервые в военной истории на фронте протяженностью более 60 километров в полевых условиях образовался позиционный фронт.

В этом сражении Барнаульский полк был выдвинут из резерва, чтобы у д. Хамытань сдержать наступление японцев и поддержать отступавшие полки 31-й пехотной дивизии. Японцы не раз атаковали роты барнаульцев, но были отбиваемы, и позиция осталась за нами. 29 сентября без артиллерии на позициях к югу от д. Хамытань полк, будучи выдвинут вперед и не имея с флангов никакой поддержки, в течение 6 часов, под сильнейшим артиллерийским и ружейным огнем сдерживал натиск противника, значительно превосходящего силами, защищал с высокой доблестью позицию до тех пор, пока не получил приказ отойти.

«Раненый в ходе 7-ми часового боя 29 сентября сквозною раною навылет в правое плечо командир полка полковник С.Ф. Добротин продолжал твердо руководить полком и уехал на перевязочный пункт, – отмечает М.К. Соколовский, – только после выхода полка из боя и его сосредоточения за д. Хамытань».

Командир 2-й батареи 1-й сибирской артиллерийской бригады Николай Зданский был награжден орденом Святого Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени за то, что в боях 27, 28 и 29-го сентября 1904 г. проявил выдающиеся мужество и храбрость, в течение 12 ч 30 мин беспрерывно состязаясь с 6-ю неприятельскими батареями буквально засыпавшими своими снарядами, дал возможность Барнаульскому полку продвинуться вперед...

В боях с японцами у д. Хамытань с 28-го по 30-е сентября 1904 г. Барнаульский полк понес тяжелые потери: убиты 6 офицеров, 61 нижний чин, ранены 515 человек (в т.ч. 13 офицеров), пропало без вести 18, контужены 65 человек. «По выходе из боя... на глаза навертывались слезы при виде вереницы убитых и раненых», — записал в своих воспоминаниях поручик Всеволод Рязанов. О тяжести понесенных полком потерь свидетельствуют 934 человека, прибывшие на укомплектование полка 3 октября и в начале декабря 1904 г. 3 октября за большой убылью людей Барнаульский полк был свернут в 8 рот.

Особый отдел Главного Штаба по сбору сведений об убитых и раненых в войну с Японией 7 октября 1904 г. информировал о потерях 12-го пехотного сибирского Барнаульского полка за период с 28 по 30 сентября: Убиты: подполковник Павел Владимирович Красноленский; командир 15-й роты капитан Николай Шварев; поручик Иван Васильевич Котляров; подпоручики Александр Иванович Муравецкий и Петр Васильевич Новгородцев; зауряд-прапорщик Иван Медведев. Ранены: командир полка полковник Сергей Федорович Добротин; подполковник Вячеслав Францевич Побоевский; капитаны: Иван Спиридонович Паллис, командир 13-й роты Владимир Яковлевич Дмитриев, Александр Васильевич Иванов, Леонид Николаевич Зинченко; штабскапитаны: Григорий Трофимович Малык, Всеволод Николаевич Ефремов, Петр Алексеевич Симаков; поручики: Лев Александрович Александров, Александр Матюшкин; подпоручики: Николай Алексан-

дрович Лобысевич, Константин Михайлович Минервин; прапорщик Петр Иванов; зауряд-прапорщики: Вослав Шишко, Григорий Суворов, Федор Худяков. Контужены: подполковник Язон Александрович Ахвледиани и зауряд-прапорщик Степан Федоренчик.

Напряженной и самоотверженной работы война потребовала и от духовенства армии. Полковые священники самоотверженно выполняли свой пастырский долг, часто под огнем неприятеля, утешая раненых и напутствуя умирающих, помогали в перевозке раненых. Своим личным примером они вдохновляли воинов, придавали им силы. Когда требовала боевая обстановка они с крестом в руках вели воинов в атаку. 18 апреля 1904 г. под Тюренченом героический подвиг совершил священник 11-го Восточно-Сибирского стрелкового полка отец Стефан Шербаковский, который с крестом в руке повел полк, потерявший своего командира, пробивать себе путь штыками. Раненый в правую руку священник уронил крест, но сейчас же поднял его левой рукою и пошел с воинами и полковым оркестром, исполнявшим «Боже, царя храни» в третью атаку, в ходе которой получил второе ранение в лопатку. За этот подвиг отец С. Щербаковский был удостоен ордена Святого Георгия 4-й степени. За отличия в делах против японцев священник 12-го пехотного сибирского Барнаульского полка отец Николай Слободский был награжден орденом Святой Анны 3-й степени и золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте.

В составе IV Сибирского армейского корпуса 12-й пехотный сибирский Барнаульский полк принял участие и в Мукденском сражении 6 (19) февраля – 25 февраля (10 марта) 1905 г.

Стремясь разгромить русскую армию, к середине февраля под Мукденом японцы сосредоточили на фронте более 100 километров все свои пять армий, имевших в своем составе 270 тыс. человек, 1 082 орудия и 200 пулеметов. Общая численность русских войск достигала 330 тыс. человек при 1 266 орудиях и 456 пулеметах. Это было самое кровопролитное сражение за всю войну. Русская армия потеряла: убитыми 257 офицеров, 8 448 нижних чинов; ранеными 1 491 офицера и 49 947 нижних чинов.

О напряженности развернувшихся боев свидетельствует М.К. Соколовский: «В ходе сражения 1 батальон полка не выходил из боя в течение 12 дней. 16 февраля японцы произвели нападение на сторожевое охранение полка, которое состояло... из 1 батальона под командованием подполковника Блезе... Выдвинутые на выручку 1 и 3 роты пробежали расстояние в 1 1/2 версты в 10 минут. С прибытием рот дело изменилось. Роты встретили японцев дружными залпами... было выпущено 57 546 патронов... японцы отступили».

Барнаульцы сражались мужественно. Были ранены, но остались в строю и не ушли с поля боя старший унтер-офицер Алексей Лебедев, младший унтер-офицер Кирилл Мезенцев. 9-я рота под командованием капитана М.А. Сухорского, направленная на усиление 18-го Восточно-Сибирского стрелкового полка, с 19 февраля выдержала многократные дневные и ночные атаки противника, не получая ни горячей пищи, ни воды. 21 февраля барнаульцы в яростной контратаке выбили противника из его окопов. За оборону Кандалисинской позиции капитан М.А. Сухорский был награжден орденом Святого Георгия 4-й степени.

Командир полка полковник С.Ф. Добротин с двумя батальонами оказался вблизи Кичзыня, где японцы прорвали расположение генерала Левестама. 25 февраля в ожесточеннейшем бою у д. Мадюэнза барнаульцы задержали прорвавшихся японцев. В этом бою храбрый командир был ранен вторично шрапнелью в правый глаз.

В боях под Мукденом 12-й пехотный сибирский Барнаульский полк понес тяжелые потери. Убиты: поручик Евгений Копытко, заурядпрапорщики: Алексей Щербаков, Михаил Чунин. Ранены: полковник С.Ф. Добротин, подполковник Аполлон Петрович Быков, капитан Василий Гертопан, сотник Евгений Рейгрез, подпоручик Леонтий Августович Гакенберг, прапорщик Владимир Чеканов; зауряд-прапорщики: Василий Сирияноки, Мирон Захарьев, Евдоким Гешкин. Контужены: капитаны Всеволод Николаевич Ефремов, Михаил Антонович Сухорский. Нижних чинов: убито 14, ранено 109.

4 июля 1905 г. командиром Барнаульского полка был назначен полковник Сергей Николаевич Писарев, которому выпало командовать им в течение более 5 лет. За проявленное мужество в боях с японцами он был награжден орденом Святой Анны 2-й степени с мечами, орденом Святого Станислава 4-й степени с мечами. Уже командуя Барнаульским полком он был удостоен ордена Святого равноапостольного князя Владимира 4-й степени с мечами и бантом.

В далекой Маньчжурии посланцы Алтая чувствовали неразрывную связь с родной землей, со своими земляками. Большая заслуга в установлении этой связи, ее развитии и укреплении способствовала деятельность Барнаульского комитета Российского общества Красного Креста. 7 февраля 1904 г. на общем собрании был избран состав Барнаульского местного управления общества. Вспомогательным органом был учрежден Дамский комитет, который возглавила Е.Н. Соболева. При Дамском комитете была организована швейная мастерская для изготовления бельевых, постельных и других принадлежностей. При нем был создан центральный вещевой склад для сбора поступающих пожертвований из волостей округа.

В местном листке ежедневных телеграмм печатались воззвания о пожертвованиях и отчеты о поступлении таковых. Первым подал пример в этом благородном деле начальник Алтайского округа Адам Феликсович Кублицкий-Пиоттух, ежемесячно добровольно отчислявший известный процент. Сбор пожертвований осуществлялся через особоуполномоченных членов общества и добровольцев — сборщиков. Большую активность в сборе пожертвований проявил 60-летний крестьянин д. Старой Порозихи Змеиногорского уезда Чарышской волости Михаил Трофимович Шабанов. С удостоверением местного управления, квитанционной книжкой и опечатанной кружкой, он ходил пешком из селения в селение и призывал народ к подаянию на раненых воинов. В ближайшем Волостном Правлении или приходской церкви Михаил Трофимович сдавал поступившие пожертвования для отсылки в местное управление Российского общества Красного Креста.

Значительный процент пожертвований давали тарелочные сборы, организуемые особоуполномоченными общества. Во время богослужений, в магазинах, административных и общественных учреждениях, в различных публичных местах и других местах устанавливалось до 50 денежных кружек. По инициативе Дамского комитета такой сбор проводился в 8 церквях г. Барнаула во время праздничных богослужений. Активное участие в нем приняли сестры Барнаульского Богородице-Казанского женского монастыря. Тарелочный сбор позволил собрать в г. Барнауле 1 444 р. 8 к. Комитетами общества было собрано 509 р. 57 к. В 1904 г. в кассу Барнаульского местного управления общества поступило 44 899 р.

Главным пожертвователем в Алтайском округе явилось местное крестьянство, давшее в 1904 г. более 2/3 всей собранной суммы – 73 755 р. 91 1/2 к., несмотря на то, что оно перенесло три неурожая в 1900-1902 гг. Многие жители округа стремились оказать посильную помощь братьям-воинам в виде постных и сдобных сухарей, особенно охотно жертвованных крестьянами в надежде на отправку в действующую армию «пшеничного хлебушка с родной стороны». В 1904 г. сухарей поступило 2 693 пуда 20 футов. На центральном вещевом складе было устроено отделение склада сухарей. На складе проводилась большая работа по сбору, систематизации, временному хранению пожертвований, посылок и другого имущества, поступившего от швейной мастерской, учреждений, организаций и граждан. Центральный вещевой склад осуществлял также комплектование и отправку транспортов в действующую армию. На собранные пожертвования в 1904 г. Барнаульским отделом Российского общества Красного Креста было отправлено в действующую армию 5 транспортов с посылками.

Первый транспорт с вещами был отправлен из Барнаула 20 марта 1904 г. для резервного батальона 12-го пехотного сибирского Барнаульского полка и для раздачи воинским чинам, следовавшим на Дальний Восток. Часть этого имущества 26 мая 1904 г. была вручена командиру 31-й парковой артиллерийской бригады. 27 августа в адрес главно-уполномоченного Российского общества Красного Креста в Харбине был направлен второй транспорт. В его формировании активное участие приняла и жена командира 12-го пехотного сибирского Барнаульского полка Мария Гавриловна Добротина, охотно жертвовавшая вещи для воинов. Часть имущества третьего транспорта, направленного из Барнаула 4 ноября по постановлению местного управления общества, была адресована воинам-барнаульцам, воевавшим в составе 2-го пехотного сибирского Читинского полка. 25 ноября в адрес Барнаульского полка был отправлен четвертый транспорт.

24 декабря 1904 г. в действующую армию был направлен пятый транспорт в количестве 61 ящика. Следует обратить внимание на адресное назначение отправляемых вещей. 1 ящик транспорта был адресован для передачи командиру IV Сибирского армейского корпуса и был предназначен для нужд воинов. Для воинов было передано 305 рубах, 151 полотенце, обувь и другое имущество. Лянинский волостной старшина д. Тычкиной Барнаульского уезда Александр Герасимович Емельянов ящик № 60 с 53 рубахами и 51 кальсонами адресовал в 1-й обозный батальон IV Сибирского армейского корпуса. Из общего количества ратников Государственного ополчения, призванных в 1904 г. в Сибирском военном округе, 3 тыс. человек были направлены на укомплектование 1-го и 2-го обозных батальонов IV Сибирского армейского корпуса. Мы можем предположить, что из состава 13-й Барнаульской дружины Государственного ополчения часть ратников была направлена и в 1-й обозный батальон корпуса.

Жители Алтайского округа и г. Барнаула направляли в составе транспортов общества и частные адресные посылки своим родным и близким, воевавшим в полках действующей армии. Такие посылки направлялись командиру 12-го пехотного сибирского Барнаульского полка полковнику С.Ф. Добротину, капитану В.Я. Дмитриеву, подпоручику А. Дуккулю, священнику отцу Н. Слободскому. В пятом транспорте, направленном из г. Барнаула, в 61 ящике помещалось 10 таких посылок, адресованных воинам других полков. Среди получателей были: 2-го Восточно-Сибирского стрелкового полка Егор Яковлевич Феденев, 12-го Восточно-Сибирского стрелкового полка Дмитрий Федореев и др. Несомненно, был очень обрадован и Алексей Хохря-

ков из 2-го пехотного сибирского Читинского полка, получив посылку от неизвестной.

В составе транспортов братьям-воинам в 1904 г. было направлено 3 комплекта госпитального имущества на 150 человек, большое число рубах, кальсонов, портянок, полотенец, святых икон и крестиков, конвертов, ручек, карандашей, сухарей. Было там и 5 гармоний.

Собранные пожертвования позволили местному управлению устроить и оборудовать госпитали на 240 кроватей, содержать и лечить в них больных и раненых. Для перевозки раненых вверх по р. Оби от станции Обь сибирской железной дороги до г. Барнаула был устроен плавучий лазарет — баржа на 60 человек. В г. Барнауле было оборудовано 2 лазарета на 100 и 50 кроватей. 1 лазарет на 30 кроватей в г. Ново-Николаевске Томский купец Владимир Александрович Горохов изъявил желание открыть и оборудовать на свои средства в с. Бердском лазарет и взять на себя все расходы по содержанию больных, раненых и медицинского персонала.

29 августа 1904 г. Барнаул торжественно встречал на пристани первых больных и раненых воинов в количестве 62 человек. Была прекрасная погода. При громадном стечении народа протоирей Анемподист Завадовский отслужил благодарственный молебен и обратился к воинам с ободряющим словом. В госпитале председательница комитета Красного Креста Юлия Августовна Пранг встретила воинов с хлебом и солью. Члены дамского комитета общества ежедневно посещали раненых в госпитале и оделяли их предметами не относящимися к больничным рационам.

С 29 августа 1904 г. по 1 января 1905 г. в Барнаульском госпитале проходило лечение 180 воинов, 123 из них были перевезены на лазарет-барже, 57 — на частных пароходах. Большое число раненых было перевезено на пароходе «Чулым», капитаном которого являлся Иван Иванович Потапов, 1 воин пришел в госпиталь пешком. В госпитале лечились и 17 воинов Барнаульского полка: ефрейторы Авдеев Захар Епифанович, Симонов Терентий Лукьянович, рядовые Аленцов Тимофей Степанович, Вяткин Федор, Даровских Пахом Елисеевич, Жилин Лукьян Петрович, Жуков Евтихий Петрович, Кириллов Кузьма Трофимович, Коровин Нестор Анисимович, Котовщиков Василий Поликарпович, Кузеванов Иван Петрович, Кузнецов Дмитрий Федорович, Кузнецов Нефед Прокопьевич, Кучка Максим Андреевич, Оксенов Андрей Никитьевич, Торопов Иван Герасимович, Шевелев Иван.

К 1 января 1905 г. в Барнаульском госпитале находилось на лечении 3 человека. 138 воинам, завершившим лечение, местным управле-

нием Российского общества Красного Креста была оказана помощь одеждой, продуктами для следования на родину или в войска.

С чисто женской нежностью и теплым участием члены Барнаульского комитета Российского общества Красного Креста провожали уезжавших на далекую войну земляков, встречали раненых и больных с фронта, проявляли всемерную заботу о них. Много сил и труда было положено ими в организацию сбора пожертвований для воиновсибиряков. Вдали от Родины в каждом письме и получаемой посылке, в запахе родного «пшеничного хлебушка» Алтая воины чувствовали любовь и заботу своих земляков.

23 августа 1905 г. заключением Портсмутского мирного договора война завершилась. Войска возвращались домой.

В январе 1906 г. IV Сибирский армейский корпус вернулся с театра военных действий и приступил к демобилизации. 31 декабря 1905 г. прибыл на станцию Обь и 12-й Барнаульский полк. 6 января 1906 г. первые 9, 10 и 11-я роты были направлены в г. Барнаул. Последовательно полк был свернут в 2-х батальонный состав. 29 апреля штаб полка, 3-я и 4-я роты стали располагаться в г. Барнауле. 8 октября в город со станции Обь были передислоцированы 1-я и 2-я роты.

Сердечно приветствовал героев и поздравлял их с возвращением командующий войсками Сибирского военного округа генераллейтенант Н.Н. Сухотин: «Вы честно и свято исполнили долг свой перед Россией... Выдающиеся подвиги храбрости, самоотвержения, запечатленные потоками крови, навеки записаны вами в боевую историю ваших полков, батальонов и батарей. На далеких полях Маньчжурии, среди неимоверно тяжелых испытаний, стяжали вы себе и своим частям неувядающую славу, оставив грозное воспоминание о себе у врагов и благодарную память среди товарищей по боевым делам... Недаром далась вам слава, многие остались там, в Маньчжурии. Мир праху павшим за царя и Родину и вечная им память... вы унесете к своим семьям сознание свято исполненного долга и неоднократно засвидетельствованную царю и Родине; воспитывайте же и детей ваших такими же верными сынами Отчизны».

По данным Главного Штаба за русско-японскую войну 1904-1905 гг. 12-й Барнаульский полк потерял убитыми 9 офицеров и 161 нижний чин; ранеными и контуженными 38 офицеров и 1 189 нижних чинов; взяты в плен 1 офицер и 48 нижних чинов; умерло от ранений при частях войск, в лечебных учреждениях и в плену 36 нижних чинов. М.К. Соколовский приводит несколько отличные от вышеназванных цифры потерь: убитыми 9 офицеров и 160 нижних чинов; ранеными 26 офицеров и 1 149 нижних чинов; контужеными 4 офицера и 132 нижних

чина; без вести пропали 1 офицер и 114 нижних чинов; всего 40 офицеров и 1 555 нижних чинов.

Воины полка с гордостью оглядывались на пройденный ими боевой путь.

За проявленные мужество, стойкость и отличия в боях с японцами в Барнаульском полку по неполным данным было вручено 133 ордена: офицерам — 103, прапорщикам — 17, медицинским работникам — 9, священнику — 1.

Знаки отличия Военного Ордена получили: 4-й степени — 505 человек, 3-й степени — 36 человек, 2-й степени — 4 человека, 1-й степени — 1 человек.

В списки полка зачислены Высочайшим повелением: 1 января 1907 г. генерал-майор С.Ф. Добротин, 28 января 1907 г. в награду за доблестное командование бывший командир IV Сибирского армейского корпуса генерал-адъютант, генерал от инфантерии Н.П. Зарубаев.

1 августа 1910 г. 12-й Барнаульский полк совместно с 11-м Семипалатинским полком вошел в состав 44-го сибирского стрелкового полка, штаб которого был размещен в г. Омске. Позднее полк принял участие в Первой мировой войне.

Какова дальнейшая судьба храброго и мужественного первого командира 12-го пехотного сибирского Барнаульского полка Сергея Федоровича Добротина? Участник Первой мировой войны 1914-1918 гг., генерал от инфантерии (6 декабря 1915 г.); начальник 44-й пехотной дивизии, командир 33-го армейского корпуса. Инспектор стрелковой части в войсках с 14 сентября 1915 г. За участие в боевых действиях награжден орденом Святого Великомученика и Победоносца Георгия 3-й степени, орденом Белого Орла с мечами, орденом Святого Владимира 2-й степени с мечами, орденом Святой Анны 1-й степени, орденом Святого Станислава 1-й степени и другими наградами. 20 февраля 1915 г. удостоен Георгиевского оружия, украшенного бриллиантами. С увольнением с военной службы в феврале 1918 г. дальнейшая судьба Сергея Федоровича Добротина пока не известна. По одним свидетельствам он умер в эмиграции.

Завершить свое повествование мне хотелось бы словами историографа полка М.К. Соколовского: «Своей стойкостью и мужеством полк стяжал себе громкую военную славу, заработал Георгиевское знамя и выдвинул себя в ряд лучших боевых полков великой русской армии. Да не умрет этот воинский дух барнаульцев и да останется почетным их имя в русской военной истории на долгие, на вечные времена!..»

И прав был император Николай II, обращаясь к воинам армии и флота, честно исполнившим свой долг перед Отечеством: «...Беззаветным мужеством вашим Отечество всегда будет гордиться».

15 августа 1908 г. в день освящения Георгиевского знамени в приветственном адресе г. Барнаула полку жители города выразили свою любовь и чувства к воинам «...мы, граждане города Барнаула, гордимся нашим полком...». По ходатайству жителей города улица Коряковская была переименована в Полковую (ныне Партизанская). Имя Барнаульского полка носила и городская площадь напротив полкового Никольского храма.

В войне с Японией (1904-1905) Россия потерпела тяжелое поражение. Но российский солдат честно выполнил свой долг перед Отечеством. Непобедимой осталась его духовная мощь. Его упорством, храбростью и презрением к смерти восхищался весь мир.

В 2004 г. 24 июля мы будем отмечать 100-летие ратного подвига нашего родного 12-го Барнаульского полка при Дашичао. Наши предки честно и свято исполнили свой долг перед Отечеством. Не их вина, что война оказалась проигранной. Они герои, живые и павшие! И их подвиг достоин славы и памяти потомков.

Ю.А. Крейдун

К вопросу о периодизации деятельности Алтайской духовной миссии

Деятельность Русской Православной Церкви на окраинах Российской Империи ознаменована самоотдачей и самопожертвованием ряда настоящих подвижников веры. Несмотря на ряд правительственных решений в области политического и хозяйственного освоения окраинных земель, частью которого было и распространение Православия среди коренных народов, миссионерство было уделом лишь немногих пастырей, способных в ущерб своему здоровью, материальному благополучию трудиться ради просвещения жителей далеких краев. Казенные средства, отпускаемые на миссионерские цели, были скудны; на них нельзя было не только строить храмы, но и подчас содержать семьи миссионеров.

Начиная с основания Алтайской миссии, деятельность миссионерских учреждений (станы, школы, больницы) большей частью обеспечивалась за счет добровольных пожертвований. Развитие того или иного миссионерского направления во многом определялась личностью начальника Алтайской духовной миссии. В соответствии с хронологией их служения можно выявить характерные периоды развития миссионерской деятельности в Горном Алтае, создания ее организационной структуры.

Миссия при архимандрите Макарии, 1830-1844 гг.

Чрезвычайно сложным был первый период – основание Миссии архимандритом Макарием (Глухаревым). Отправляясь в далекий Алтай, основатель Миссии отказался от материального вознаграждения

Архимандрит Макарий (Глухарев)

за свои миссионерские труды. Единственным стабильным источником дохода была его магистерская стипендия в 350 р. в год, но скудость средств не стала препятствием для проповеди Евангелия.

В течение первого года пребывания на Алтае, архимандрит-миссионер, объезжая инородческие селения и казачьи редуты, подбирал место для первого миссионерского стана. Таковым стал улус Найминский (Майминский) в устье реки Майма. Место очень живописное и удобное в транспортном отношении, поскольку это селение находится

на развилке путей в восточном и южном направлении. Миссионерский стан при архимандрите Макарии представлял собой помещение для походной церкви и несколько изб для жительства миссионера и причетников. За четырнадцать лет пребывания архимандрита Макария в должности начальника Миссии было заведено три миссионерских стана: в Майме (1831 г.), Улале (1834 г.) и Мыюте (1839 г.). Однако, постоянно действующим был только один из них – Улалинский, который ко второй половине 1830-х гг. стал центральным. Богослужения при архимандрите Макарии совершались в обычных домах или избах. Алтарная часть от остального помещения отделялась раскладным походным иконостасом. В 1838 г. «новокрещеные инородцы и другие православные христиане, живущие в Улалинском селении, построили настоящую церковь». Наибольшие пожертвования на ее строительство внесли купец третьей гильдии Андрей Михайлович Шустин (334 р. 92 к.) и «инородец» Карп Еремеевич Парасев (323 р. 55 к.). Размеры первой Улалинской церкви составляли около 15 аршин в длину и восьми аршин в ширину (10,5 м на 5,6 м). Освящена она была в честь Всемилостивого Спаса, согласно антиминсу, находившемуся в Миссии. Фактически, первый храм Горного Алтая представлял собой вид скромного молитвенного дома.

У основателя Алтайской Миссии не было возможности вести значительные постройки. Тем не менее, он начал строительство каменного храма в Майме – первого каменного здания в Горном Алтае. (Это здание в перестроенном виде сохранилось до наших дней.) Основная же заслуга преподобного Макария не просто в крещении инородческого населения Горного Алтая, а в создании условий для полноценной церковности в среде новокрещеных. О. Макарий начал прививать инородцам глубокую веру; первые христиане-алтайцы восприняли непри-

вычный для них оседлый образ жизни, включающий в себя весь комплекс церковных правил и обычаев. Новокрещеные христиане — воспитанники архимандрита Макария — на многие годы сохранили память о своем первом духовном наставнике — «незабвенном», как называли его. Об этом ярко свидетельствует тот факт, что в год пятидесятилетнего юбилея Миссии (1880 г.) в Макариевском миссионерском стане, названном в честь преподобного Макария, инородец Софроний Чендеков построил за свой счет новый храм. С.Чендеков был крещен основателем Миссии.

Архимандрит Макарий от новокрещеных требовал строгого исполнения церковных правил: соблюдения постов, регулярного говения (исповеди и причастия) и посещения церковных богослужений. Вникал миссионер и в образ жизни новокрещеных. Воспитывал навыки ведения домашнего хозяйства как у мужчин так, и у женщин. Но особенно значимым средством создания крепких христианских семей был «институт» восприемничества. О. Макарий не совершал крещения инородцев без крестных (восприемников). Причем, к самим восприемникам были очень высокие требования. В случае, если новокрещеный, взрослый или ребенок, оказывались бездомными (в следствие того, что новокрещеного могли выгнать из дома некрещеные родственники, в следствие сиротства или другого несчастья) восприемники должны были брать крестника к себе в дом. Со своей стороны архимандрит Макарий оказывал таким семьям материальную помощь: покупал скот, помогал строить избы.

Таким образом, первый период деятельности Алтайской духовной миссии заключался в становлении и утверждении церковного образа жизни инородцев, налаживании духовного родства и общения. Архимандрит Макарий «положил твердое основание святой и животворной веры на Алтае, обратив ко Христу и научив истинному благочестию 675 душ алтайцев».

Преемником архимандрита Макария в должности начальника Миссии был его ученик протоиерей Стефан Ландышев, который прослужил с о. Макарием восемь лет.

Миссия при протоиерее Стефане Ландышеве, 1844-1865 гг.

При втором начальнике Алтайской Миссии сохранялось строгое отношение к вопросу принятия крещения. И хотя массовых крещений не совершалось, число новокрещеных постепенно увеличивалось. А значит, следовало больше внимания уделять обустройству быта новокрещеных, особенно организации мест компактного их проживания. Соседство с

Протоиерей Стефан Ландышев

некрещеными вызывало часто большие психологические трудности, а также ставило под удар возможность исполнения церковных правил в обыденной жизни. На почве религиозного разногласия иногда происходили конфликты.

Отец Стефан очень много ездил как по населенным территориям, так и по пустынным районам. Крестил, совершал богослужения. Второй начальник Миссии положил традицию — воздвигать миссионерские кресты в особых местах. Таковыми, например, были места, где совершалась литургия (2, с. 188). Кроме того, судя по письмам протоиерея Стефана, кресты были установлены

на северной и южной оконечностях Телецкого озера.

Но наиболее значимым делом протоиерея Стефана было заведение миссионерских селений. Инициатива в этом деле принадлежала как самому миссионеру, так и местным новокрещеным алтайцам.

Когда стали принимать святое крещение калмыки и татары, кочующие в отдаленных краях Алтая, переселение их оказалось слишком затруднительным. И потому, «по мере средств и умножения сотрудников, миссия начала заводить новые заселения новокрещеных среди кочевьев их соплеменников, устрояя в некоторых из них станы миссии, для постояннаго пребывания сотрудников миссии, а в некоторых домики, для временного пребывания и совершения богослужения, стараясь поселять там с новокрещеными давно крещеных инородцев и всегда избирая для таковых заселений места соответственные, как потребностям жителей, так и требованиям и разным нуждам службы миссионерской» (3, с. 283). Таковых селений в первой половине 1850-х гг. было заведено около десяти.

Существует мнение, что практика создания миссионерских селений носила насильственный характер. Но это не так. Вот как описывается этот процесс в дореволюционном путеводителе по Алтаю. В местности, где впоследствии образовалось селение Тюдрала, новокрещеный инородец попросил миссионера поставить православный крест. Рядом была срублена изба. Здесь поселился инородец. Вскоре на добровольной основе к нему стали присоединятся другие новокрещеные инородцы. Позднее было принято решение, чтобы не возникала опасность обратной ассимиляции крещеных и некрещеных, запретить селиться некрещеным в радиусе пяти километров от креста (4, с. 129).

Практика создания новых селений для новокрещеных инородцев имела большое воспитательное значение. Здесь миссионеры приучали

кочевников к оседлому образу жизни, строительству изб, огородничеству, пчеловодству; женщин приучали к ведению домашнего хозяйства. Расселение в миссионерских селениях носило добровольный характер. Так, в начале 1860-х гг. всего христиан-алтайцев было около 5 тыс. человек, а приученных «к оседлости и расположенных к трудолюбивой жизни около 3,2 тыс. душ» (1, с. 5).

За время начальствования протоиерея Стефана в ведении Миссии оказалось 22 селения новокрещеных. Большая часть этих селений была заведена вторым начальником Миссии.

Вместе с созданием селений строились храмы, молитвенные дома, открывались новые миссионерские отделения-станы. Если при архимандрите Макарии был один постоянно действующий миссионерский стан, то к середине 1860-х гг. существовало уже восемь отделений: Улалинское, Мыютинское, Чемальское, Макарьевское, Черно-Ануйское, Кузнецкое, Кебезеньское, Урсульское.

До конца своих дней протоиерей Стефан Ландышев оставался в Миссии и был похоронен в 1874 г. у алтаря Улалинского храма Всемилостивого Спаса

Миссия при архимандрите Владимире (Петрове), 1865-1883 гг.

Епископ Бийский Владимир (Петров)

При третьем по счету начальнике Миссии, архимандрите Владимире (Петрове), процесс образования новых селений и станов продолжался. В частности, были открыты Чуйский, Чулышманский и Мрасский станы Алтайской миссии. Однако, более значимая заслуга архимандрита Владимира — это строительство новых церковных зданий.

Только в 1870-1874 гг. его «попечением» были построены церкви в селах Чопош, Мыюта, Катанда и Александровское. В 1872 г. в Улале закончилось строительство дома для начальника Миссии, в мезонине которого располагалась до-

мовая церковь во имя св. Иннокентия.

Но самой значительной стройкой этих лет явилась новая церковь в центре Миссии — Улале. Проблема строительства нового более просторного здания возникла уже давно — старое обветшало, требовало постоянного ремонта, да и размеры были слишком малы и не соответствовали его статусу. После пожара, уничтожившего старую церковь, начальник Миссии срочно взялся за строительство храма в Улале. Основные расходы на возведение храма взяло на себя Православное

Миссионерское общество и Преосвященнейший Иннокентий, митрополит Московский. Неимение квалифицированных специалистов и состоятельных строителей-подрядчиков, а также необходимость жестко экономить средства вынудили начальника Миссии самому руководить стройкой. Подрядчиком стал простой плотник Архип Борзенков, уже имевший опыт строительства небольшой церкви в с. Мыюта. Место для храма было выбрано в центре селения, неподалеку от впадения р. Улалы в р. Майму. Однако возникла опасность, что реки могут изменить русло и повредить будущему зданию. В связи с этим архимандрит Владимир с несколькими рабочими начал «копать канавку»; к ним присоединились жители – вскоре было расчищено новое русло для реки и построена плотина (5, с. 15-16).

В Горном Алтае не хватало не только рабочих рук, но и архитектурно-инженерных кадров. Эту брешь так же устранил разносторонне одаренный человек — архимандрит Владимир. Планы многих церквей, построенных в то время, были начерчены лично им.

При архимандрите Владимире получили развитие традиции православного монашества. К началу 1880-х гг. Улалинская женская община была преобразована в женский миссионерский монастырь. Большую поддержку третий начальник Миссии оказывал и мужской обители в устье реки Чулышман.

Наиболее серьезный фактор в храмоздательстве был, несомненно, материальный. Архимандрит Владимир, активно участвуя в создании Православного Миссионерского общества, смог существенно увеличить финансирование Алтайской Миссии. Это позволило не только построить более десятка храмов по Горному Алтаю, но и возвести первый архиерейский дом с церковью в Бийске. С 1880 г., когда архимандрит Владимир (Петров) стал викарным епископом, резиденция начальника Алтайской духовной миссии была перенесена в Бийск. Посильную помощь храмостроительству на Алтае преосвященный Владимир продолжал оказывать даже будучи далеко от Алтая в сане епископа Томского, затем — Ставропольского, затем — архиепископа Казанского. Он был первым жертвователем на строительство прекраснейшего каменного собора в Улалинском женском монастыре (1893-1897).

Таким образом, третий период существования Алтайской духовной миссии ознаменован активным храмостроительством на всей территории Горного Алтая. Столь плодотворная деятельность третьего начальника Миссии стала возможна во многом благодаря его личным качествам: «В общении со служащими в Миссии о. архимандрит Владимир был строг, как начальник, но милостив, как отец» (6, с. 22).

Миссия при епископе Макарии (Невском), 1883-1890 гг.

Епископ Бийский Макарий (Невский)

Будущий святитель Макарий (Невский) прибыл в Алтайскую Миссию в качестве рядового сотрудника в 1855 г. Таким образом, он подобно протоиерею Стефану Ландышеву стал воспитанником Миссии. На первых порах, будучи учителем, катехизатором и переводчиком, он на деле увидел необходимость просвещения в среде коренного алтайского населения. Он вникал буквально во все проблемы налаживания педагогического процесса.

С 1870 г. он стал заведующим Центрального миссионерского училища. Тогда оно было переведено в Чопош. С 1875 г. о. Макарий был

переведен в Улалинский стан и назначен помощником начальника Миссии. Вместе с игуменом Макарием в Улалу было возвращено и Миссионерское училище. А еще через восемь лет (в 1883 г.), когда о. Макарий был хиротонисан во епископа Бийского и назначен начальником Миссии, выпускники Центрального Улалинского миссионерского училища были переведены в Бийский архиерейский дом, где по инициативе нового начальника было создано Миссионерское катехизаторское училище. Это было продиктовано желанием святителя Макария утвердить на Алтае проповедь и богослужение на языке местных жителей. Целью этого училища была подготовка «чтецов, миссионерских сотрудников, учителей и духовенства среди алтайцев» (7, с. 292). В 1890 г. на правительственном уровне был утвержден устав катехизаторского училища.

Одновременно с устройством училища стоял вопрос о создании системы школьного образования при миссионерских станах. Это совпало по времени с выходом распоряжения императора Александра III, согласно которому духовенству предписывалось активное участие в распространении грамотности среди народа. За период с 1883 г. по 1891 г. при миссионерских станах были организованы более десяти школ грамоты.

Помимо школьного образования, доступного только детям, епископ Макарий вменил в обязанности миссионеров «народные просветительные чтения». Причем, начальник Миссии в этой работе подавал миссионерам личный пример. При его резиденции в Бийске такие чтения были установлены дважды в неделю.

Святитель оказывал большую помощь миссионерским школам, особенно тогда, когда стал митрополитом Московским. Попечитель

Западно-Сибирского учебного округа в сентябре 1916 г. писал, что «все заботы Вашего Высокопреосвященства я помню и свято храню» и «пока я Вашими молитвами останусь на своем посту, на Алтае все будет в соответствии с Вашим желанием и отеческим указанием» (8, л. 119 об.). Большим авторитетом владыка Макарий пользовался и среди учителей. За его многочисленные труды по благоустройству школ Миссии была даже открыта «школа имени митрополита Макария... в заречной части села Улалы» (9, л. 76 об.). Даже Чемальская женская община на заре своего существования (в нач.1890-х гг.) хотела носить его имя, но Святитель смиренно отказался: «если же назвать ее нужно, то отнюдь не моим именем при жизни моей...» (10, л. 2). В начале XX в. благодаря св. Макарию в Чемале были открыты женские учительские курсы.

Много было сделано для постановки планомерного педагогического процесса. Обращаясь к миссионерам и учителям, епископ Макарий указывал, что для ученика, прежде всего, важно духовное воспитание и образование «с преобладанием духа истинного христианства» (11, л. 17-18 об.). В 1886 г. им были разработаны «Инструкция для учителей миссионерских школ» и «Советы для миссионеров Алтайской и Киргизской миссии» (12, л. 1-12 об). Нужно отметить, что некоторые положения из них актуальны теперь, и могут быть использованы в настоящее время в православных учебных заведениях.

По примеру третьего начальника Миссии епископ Макарий продолжал церковное строительство. При нем были расширены пределы Алтайской Миссии (открыто Бачатское отделение, находящееся в Кузнецком округе), увеличено число миссионеров-священнослужителей, часть из которых была уроженцами Горного Алтая. Как правило, в каждом новом стане заводились храм и школа.

Таким образом, при всей многогранной деятельности святителя Макария на посту начальника Алтайской духовной миссии, главным его вкладом в дело миссионерства на Алтае было создание системы образовательных учреждений. Это наиболее характерная черта четвертого периода истории Миссии.

Дальнейшая история Алтайской Миссии (1891-1919) протекала по ранее отработанным принципам. К началу 1890-х гг. была сформирована разносторонняя система миссионерских учреждений. Тем не менее, каждый начальник Алтайской духовной миссии оставил свой незабываемый след в ее истории.

Епископ Владимир Синьковский (1891-1893) – достроил и освятил просторный домовой Казанский храм в резиденции начальника Алтайской миссии.

Епископ Мефодий Герасимов (1894-1898) — начал строительство нового корпуса Миссионерского катехизаторского училища, освятил домовой Иоанно-Богословский училищный храм.

Епископ Сергий Петров (1899-1901) — продолжал обширные постройки в Бийском Архиерейском доме и катехизаторском училище.

Епископ Макарий Павлов (1901-1905) – продолжал благоустройство миссионерских станов.

Епископ Иннокентий Соколов (1905-1919) — сохранил и расширил систему миссионерских учреждений при постоянных материальных трудностях, связанных с революционными событиями в России.

С наступлением революционных перемен судьба миссионерских храмов, в целом, не отличалась от участи других православных храмов. Даже после закрытия Алтайской духовной миссии, в 20-е гг. миссионеры продолжали свое служение. Только с началом периода активного богоборчества и репрессий, в середине 1930-х гг. на территории Горного Алтая были закрыты все миссионерские и приходские храмы.

Сведения об авторах

Андрейчук Станислав Валерьевич – студент АлтГТУ

Виноградов Валерий Аркадьевич – преподаватель АГИИК

Гришаев Василий Федорович – писатель, краевед

Исупов Сергей Иванович – преподаватель БПГУ (г. Бийск)

Кислицын Василий Николаевич – краевед

Кладова Валентина Петровна – заведующая отделом редких книг АКУНБ

Крейдун Юрий Александрович – священник, председатель миссионерского отдела Барнаульской и Алтайской епархии

Кривоносов Яков Егорович – краевед

Метельницкий Константин Никифорович – священник

Остертаг Людмила Михайловна – краевед

Петренко Владимир Сергеевич - краевед

Родионов Александр Михайлович – писатель, президент Клуба

Ростов Николай Дмитриевич – кандидат исторических наук, преподаватель АлтГТУ

Сергеев Алексей Дмитриевич – кандидат исторических наук, краевед

Скворцова Тамара Владимировна – архивариус Барнаульской и Алтайской епархии

Чекалин Вениамин Михайлович – кандидат геологоминералогических наук

Содержание

Родионов А.М. Проверка на вечность
Кладова В.П. Хроника
Исупов С.И. Потомки крестоносцев в Бийской крепости
или судьба героя 1812 года
Петренко В.С. Отец и сын Велижанины
Кислицын В.Н. Землеустройство и земельные отношения
сибирского казачьего войска (Колывано-Кузнецкая линия)
Гришаев В.Ф. «Прошу меня расстрелять»
(материалы к биографии М.О. Курского)
Чекалин В.М. Открытие и освоение основных минеральных
богатств Алтайского края (краткий исторический очерк)
Виноградов В.А. Страницы музыкального прошлого Барнаула
(камерно-симфоническая музыка в конце XIX – начале XX вв.)
Остертаг Л.М. Музыкальных дел мастер
Семен Васильевич Шаронов
Скворцова Т.В. Барнаульский Богородице-Казанский
женский монастырь
Метельницкий К.Н. Прогулка по улице Пушкинской
(по материалам фотоколлекции Алтайского государственного
краеведческого музея)
Кривоносов Я.Е. Юбилейные пушкинские торжества на Алтае
сто лет назад
Сергеев А.Д. Алексей Иванович Узатис: инженер и краевед
Андрейчук С.В. Работа Барнаульской городской Думы
по организации профилактики и тушения пожаров
(1877–1917 гг.)
Ростов Н.Д. «Беззаветным мужеством вашим Отечество
всегда будет гордиться»
Крейдун Ю.А. К вопросу о периодизации деятельности
Алтайской духовной миссии
Приложение 1
Сведения об авторах
СВСДСПИЯ ОО АВТОРАХ

Подписано в печать 18.10.2004 г. Гарнитура Таймс. Печать ризографическая. Тираж 100 экз. Заказ № 321.

РИО АКУНБ. 656038, г. Барнаул, ул. Молодежная, 5.